ISSN 2072-6783 (print), 2686-8679 (online)

Том 18. № 3. 2024
Сквозной номер выпуска – 55

ВЕСТНИК

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

DOI: 10.30914/2072-6783

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 424000, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-74708 от 29.12.2018 г.)

Тел.: (8362) 68-79-97 (1565)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
424002, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44, переход, к. 303

e-mail: vestnik.margu@mail.ru

http://vestnik.marsu.ru

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Оригинал-макет подготовлен к печати в редакции научной и учебной литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет». 424002, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44, переход, к. 303 и отпечатан в типографии «Принтекс». 424003, г. Йошкар-Ола, ул. Суворова, 15а, к. 204

Тем. план 2024 г. № 54.
Подписано в печать 30.09.2024 г.
Дата выхода в свет 30.09.2024 г.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 17,21.
Уч.-изд. л. 12,51. Тираж 500 (I завод – 25).
Цена свободная.

Литературные редакторы:
О. С. Крылова, А. Ф. Соловьева,
Компьютерная верстка
П. Г. Марченко
Дизайн обложки
И. В. Шишкарева

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2024

ВЕСТНИК

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Марийского государственного университета» публикует оригинальные научные статьи (Full Articles) на русском и английском языках, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Журнал принимает статьи по филологическим и педагогическим наукам. Осуществляется научное рецензирование («двойное слепое») всех поступающих в редакцию материалов с целью экспертной оценки. Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций. Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Рукопись статьи направляется на рецензирование для оценки ее научного содержания нескольким ведущим специалистам соответствующего профиля, имеющим научную специализацию, наиболее близкую к тематике статьи.

Редакция журнала реализует принцип нулевой толерантности к плагиату. Мониторинг некорректного цитирования осуществляется с помощью системы «Антиплагиат».

Цель издания – распространение научного знания, информационное сопровождение достижений ученых в области педагогических, психологических, филологических наук, повышение авторитетности и влияния российского научно-информационного и научно-издательского сегмента в мировом сообществе.

Журнал предоставляет открытый доступ к полным текстам публикации, исходя из следующего принципа: открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (с 06.06.2017), по следующим научным специальностям:

с 01.02.2022:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки),

5.9.4. Фольклористика (филологические науки),

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

с 03.06.2022:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки),

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки),

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки),

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Архивируется и индексируется в:

Академия Google, AcademicKeys, East View, ePrints, РИНЦ, ResearchBib, Ulrich’s Periodicals Directory, «КиберЛенинка», EBSCO.

Выходит с 2007 года.

Журнал является членом Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ),

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Периодичность издания: 4 раза в год.

ISSN 2072-6783 (print), 2686-8679 (online)

Vol. 18, no. 3, 2024
Continuous issue – 55

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Mari State University", 1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Republic of Mari El, Russian Federation

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (registration number and date of registration decision: series PI no. FS77-74708 dated December 29, 2018)

Telephone: (8362) 68-79-97 (1565)

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

44 Kremlevskaya St., office 303 (passage), Yoshkar-Ola 424002, Republic of Mari El, Russian Federation

e-mail: vestnik.margu@mail.ru

http://vestnik.marsu.ru

Distrbuted in the Russian Federation and foreign countries

The layout original was prepared for printing in the editorial board of scientific and educational literature of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Mari State University". 44 Kremlevskaya St., office 303 (passage), Yoshkar-Ola 424002 and was printed at the printing house "Printecs". 15a Suvorova St., office 204, Yoshkar-Ola 424003

Thematic plan of 2024 no. 54.
Signed to print 30.09.2024.
Date of publishing 30.09.2024.
Sheet size 60×84/8.
Conventional printed sheets 17,21.
Number of copies 500 (Printing plant 1: 25).
Free price.

Editors:
O. S. Krylova, A F. Soloveva

Desktop publishing:
P. G. Marchenko

Cover design
I. V. Shishkareva

© Mari State University, 2024

VESTNIK

OF THE MARI STATE UNIVERSITY

Scientific journal

DOI: 10.30914/2072-6783

V E S T N I K

OF THE MARI STATE UNIVERSITY

The scholarly journal Vestnik of the Mari State University publishes original scientific articles (Full Articles) in Russian and English, which have not been previously published in other publications.

The journal accepts articles on Philological and Pedagogical Sciences. The Editorial Board carries out the reviewing (scientific double-blind peer-review) of all submitted materials with the view of their expert assessment. The journal adheres to the standards of editorial ethics in accordance with international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE). The point of view of the Editorial board may not coincide with the point of view of the authors.

The manuscript of the article is sent for review to several leading specialists of the corresponding profile, who have scientific specialization closest to the subject of the article, to evaluate the scientific content.

The Editorial Board follows the principle of zero tolerance to plagiarism. Plagiarism check is carried out by using Anti-Plagiarism software.

The journal aims to disseminate scientific knowledge and provide information support for the achievements of scientists in the field of pedagogical, psychological and philological sciences, to increase the authority and influence of the Russian scientific information and scientific publishing segment in the world community.

The journal provides open access to the full texts of the publication, based on the following principle: open access to research results contributes to an increase in global knowledge exchange.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals, where the main scientific results of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences theses (since 06.06.2017) on the following scientific specialties should be published:

Since 01.02.2022:
5.9.3. Theory of Literature (Philological Sciences);
5.9.4. Folklore Studies (Philological Sciences);
5.8.1. General Pedagogics, History of Pedagogics and Education (Pedagogical Sciences);
5.8.2. Theory and Methods of Training and Education (by fields and levels of education) (Pedagogical Sciences);
5.8.7. Theory and Methods of Professional Education (Pedagogical Sciences).

Since 03.06.2022:
5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences),
5.9.5. Russian Language. Languages of the Peoples of Russia (Philological Sciences),
5.9.6. Languages of the Peoples of Foreign Countries (indicating a specific language or group of languages) (Philological Sciences),
5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences)

The journal is indexed and archived in:
Academy Google, AcademicKeys, East View, ePrints, Russian Science Citation Index (RSCI), ResearchBib, Ulrich's Periodicals Directory, "CyberLeninka", EBSCO.

The journal is a member of the Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP).

The journal's materials are available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 Global License

Published since 2007.
Publication frequency: 4 times per year.

ISSN 2072-6783 (Print), 2686-8679 (Online)

Главный редактор: ***Кондратенко Елена Валентиновна***, кандидат педагогических наук, профессор, директор педагогического института, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, *inped@marsu.ru*

Ответственный секретарь: ***Крылова Ольга Сергеевна***, зав. редакцией научной и учебной литературы, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, *vestnik.margu@mail.ru*

Редакционная коллегия:

Абукаева Любовь Алексеевна	доктор филологических наук, Марийский научно-исследовательского институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола, Россия), *sylne@mail.ru*
Антонов Юрий Григорьевич	доктор филологических наук, доцент, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск), *antonov-ug69@yandex.ru*
Баранов Александр Аркадьевич	доктор психологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия), *baranovaa@udsu.ru*
Баранова Эльвира Авксентьевна	доктор психологических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (Чебоксары, Россия), *baranova-ea@yandex.ru*
Бирюкова Наталья Алексеевна	кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), *natbir316@mail.ru*
Брэдли Джереми	доктор философии, Венский университет (Австрия), *jeremy.moss.bradley@univie.ac.at*
Галимзянова Ильхамия Исхаковна	доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н. Г. Жиганова (Казань, Россия), *illagalim@rambler.ru*
Глухова Наталья Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), *gluhnatalia@mail.ru*
Золотова Татьяна Аркадьевна	доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), *zolotova_tatiana@mail.ru*
Карташова Елена Павловна	доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), *elena.karta77@mail.ru*
Кондратьева Наталья Владимировна	доктор филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, профессор (Ижевск, Россия), *nataljakondratjeva@yandex.ru*
Крылов Дмитрий Александрович	кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), *krilda@mail.ru*
Кудрявцева Раисия Алексеевна	доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), *kudsebs@rambler.ru*
Лелюгене Ирена	доктор педагогических наук, профессор, Институт эдукологии и социальной работы Университета им. Миколаса Ромериса (Литовская Республика), *irena.leliugiene@gmail.com*
Морова Наталья Сергеевна	профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), *morovans@gmail.com*
Мухтарова Шакира Мукашовна	доктор педагогических наук, профессор, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан), *shak.ira.53@mail.ru*
Мышкина Альбина Федоровна	доктор филологических наук, доцент, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова (Чебоксары, Россия), *alb-myshkina@yandex.ru*
Ракин Анатолий Николаевич	доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ РАН (Сыктывкар, Россия), *anatolij.rakin@mail.ru*
Ситников Валерий Леонидович	доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), *sitnikov@mail.ru*
Старыгина Наталья Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Россия), *starigina@yandex.ru*
Токтарова Вера Ивановна	доктор педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), *toktarova@yandex.ru*
Фёдорова Светлана Николаевна	доктор педагогических наук, профессор, начальник Центра методологии высшей школы, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), *svetfed65@rambler.ru*
Хайруллин Руслан Зинатуллович	доктор педагогических наук, профессор, Негосударственное образовательное учреждение ВПО «Российский новый университет» (Москва, Россия), *rhairullin@mail.ru*
Хайруллина Эльмира Робертовна	доктор педагогических наук, профессор, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань, Россия), *elm.khair@list.ru*
Яниогло Мария Александровна	доктор педагогики, конференциар университар, Комратский государственный университет (Республика Молдова), *mariayan11@mail.ru*

ISSN 2072-6783 (Print), 2686-8679 (Online)

Editor-in-chief: ***Elena V. Kondratenko***, Ph. D. (Pedagogy), Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation, *inped@marsu.ru*

Executive Editor: ***Olga S. Krylova***, Head of the editorial board of scientific and educational literature, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation, *vestnik.margu@mail.ru*

Editorial board:

Lyubov A. Abukaeva	Dr. Sci. (Philology), Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (Yoshkar-Ola, Russian Federation), *sylne@mail.ru*
Yuriy G. Antonov	Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), Head of the Department of Finno-Ugric Literatures, *antonov-ug69@yandex.ru*
Aleksandr A. Baranov	Dr. Sci. (Psychology), Full Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation), Director of the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Technologies, *baranovaa@udsu.ru*
Elvira A. Baranova	Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev (Cheboksary, Russian Federation), Head of the Department of Developmental, Pedagogical and Special Psychology, *baranova-ea@yandex*
Natalya A. Biryukova	Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Pedagogy and Educational Systems, *natbir316@mail.ru*
Jeremy Bradley	Ph. D., Assistant Professor, Vienna University (Austria), *jeremy.moss.bradley@univie.ac.at*
Ilkhamiya I. Galimzyanova	Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Kazan State Conservatory named after N. Zhiganov (Kazan, Russian Federation), Head of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, *illagalim@rambler.ru*
Natalya N. Glukhova	Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Head of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, *gluhnatalia@mail.ru*
Tatyana A. Zolotova	Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, *zolotova_tatiana@mail.ru*
Elena P. Kartashova	Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, *elena.karta77@mail.ru*
Natalya V. Kondratieva	Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Udmurt State University, (Izhevsk, Russian Federation), Director of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism, *nataljakondratjeva@yandex.ru*
Dmitry A. Krylov	Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Head of the Department of Theory and Methods of Technology and Professional Education, *krilda@mail.ru*
Raisiya A. Kudryavtseva	Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, *kudsebs@rambler.ru*
Irena Leliugiene	Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Institute of Educology and Social Work of the University named after Mykolas Romeris (Lithuanian Republic), *irena.leliugiene@gmail.com*
Natalya S. Morova	Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), *morovans@gmail.com*
Shakira M. Mukhtarova	Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Karaganda State University named after Academician E.A. Buketov (Karaganda, Kazakhstan), Professor of the Department of Social Work and Social Pedagogy, *shak.ira.53@mail.ru*
Albina F. Myshkina	Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov (Cheboksary, Russian Federation), Professor of the Department of Chuvash Philology and Culture, *alb-myshkina@yandex.ru*
Anatoliy N. Rakin	Dr. Sci. (Philology), Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center of RAS (Syktyvkar, Russian Federation), Senior Researcher of the Language Sector, *anatolij.rakin@mail.ru*
Valeriy L. Sitnikov	Dr. Sci. (Psychology), Full Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation), *sitnikov@mail.ru*
Natalya N. Starygina	Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation), *starigina@yandex.ru*
Vera I. Toktarova	Dr. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), *toktarova@yandex.ru*
Svetlana N. Fedorova	Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Head of the Department for Methodology of Higher School, Professor of the Department of Preschool and Social Pedagogy, *svetfed65@rambler.ru*
Ruslan Z. Khairullin	Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Russian New University (RosNOU) (Moscow, Russian Federation), Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, *rhairullin@mail.ru*
Elmira R. Khairullina	Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation), Dean of the Faculty of Design and Software Engineering, *elm.khair@list.ru*
Maria A. Yanioglo	Dr. Sci. (Pedagogy), Comrat State University (Republic of Moldova), Associate Professor of the Department of Pedagogy, *mariayan11@mail.ru*

Т. 18
№ 3
2024

ВЕСТНИК

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОСНОВАН В 2007 ГОДУ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 299

В. И. Аксенова, С. Л. Пушенко, Л. А. Рубижанская
Влияние понятийного аппарата на освоение дисциплины БЖД студентами юридического вуза 299

Л. Ю. Александрова
Ценность истоков развития потенциала личности в философии античности для современной педагогики 310

Т. В. Колесова
Применение Google-форм в организации внеаудиторной работы студентов при изучении иностранного языка 316

О. Е. Кропотова, Е. В. Кондратенко
Организация научно-методического сопровождения педагогических работников в региональной системе дополнительного профессионального образования 324

Л. Г. Медведев, К. А. Кравченко
Академический рисунок в современной системе непрерывного художественного образования 333

С. Н. Федорова, М. А. Кулебяев
Модель и педагогические условия формирования культуры информационной безопасности у студентов технического вуза 340

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 351

С. В. Аликова
Лингвистический аспект терминологической сферы киберпреступлений 351

А. Р. Ахмедзянова
Особенности реализации мотива путешествия (женского квеста) в романе М. В. Семеновой «Лебединая дорога» 359

А. К. Булатова
Тюркский пласт диалектной лексики татарского языка
(на материале экспедиции в Ютазинский район РТ) 368

В. А. Глазырин
Интерпретация денотативной сферы «Внутренний мир человека»
в книге О. Э. Мандельштама «Камень» 374

Т. В. Григорьева, Ли Цичжэн
Образ Китая в русском языковом сознании
(по данным «Русского регионального ассоциативного словаря») 382

Е. П. Карташова, Т. В. Рыбакова
Афористичность авторского сознания
в жанре «лирико-философской миниатюры» (В. В. Розанов и В. А. Солоухин)..... 388

О. С. Крылова, Н. Н. Старыгина
Авторская интерпретация концепта «дом»
в художественной картине мира Н. В. Гоголя..... 396

Е. В. Романова, И. В. Казанцева
Лингвопрагматические особенности немецкого экологического медиадискурса.... 404

М. Ю. Фадеева
Лексикографическая интерпретация лингвокультурной категории «чужесть»
в русском и немецком языках 411

Л. М. Чернышева
Экспрессивный потенциал инверсии в удмуртской публицистике 420

К. А. Якименко
Жизнь и творчество Михаила Пришвина
в художественном восприятии Владимира Солоухина 426

РЕЦЕНЗИЯ 432

С. А. Васильева
Рецензия на монографию Г. Г. Багаутдиновой
«Поэтика нероманной прозы И. А. Гончарова».
Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2024. 296 с. ISBN 978-5-907622-93-7..... 432

Vol. 18
No. 3
2024

VESTNIK

OF THE MARI STATE UNIVERSITY

PUBLISHED SINCE 2007

CONTENTS

PEDAGOGY 299

V. I. Aksenova, S. L. Pushenko, L. A. Rubizhanskaya
The influence of the conceptual framework on law school student's mastering the "Life Safety" discipline 299

L. Yu. Aleksandrova
The value of the origins of potential development personalities in the philosophy of antiquity for modern pedagogy 310

T. V. Kolesova
Application of Google forms in the organization of extracurricular work of students studying a foreign language 316

O. E. Kropotova, E. V. Kondratenko
Organization of scientific and methodological support for teaching staff in the regional system of additional professional education 324

L. G. Medvedev, K. A. Kravchenko
Academic drawing in the modern system of continuous art education 333

S. N. Fedorova, M. A. Kulebyaev
The model and pedagogical conditions for the formation of an information security culture among students of a technical university 340

PHILOLOGY 351

S. V. Alikova
Linguistic aspect of the terminological sphere of cybercrime 351

A. R. Akhmedzyanova
The features of the implementation of the travel motif (women's quest) in the novel by M. V. Semenova “Swan Road” 359

A. K. Bulatova
The Turkic layer of the dialect vocabulary of the Tatar language (based on the material of the expedition to the Yutazinsky district of the Republic of Tatarstan) 368

V. A. Glazyrin
Interpretation of the denotative sphere “Man and his inner world” in the book of O. E. Mandelstam “Stone” 374

T. V. Grigoreva, Li Qizheng
The image of China in the Russian language consciousness (according to the Russian Regional Associative Dictionary) 382

E. P. Kartashova, T. V. Rybakova
The aphoristic nature of the author's consciousness in the “lyrical and philosophical miniature” genre (V. V. Rozanov and V. A. Soloukhin)..... 388

O. S. Krylova, N. N. Starygina
Author's interpretation of the concept of the “house” in artistic picture of the world of N.V. Gogol..... 396

E. V. Romanova, I. V. Kazantseva
Linguistic and pragmatic features of German environmental media discourse 404

M. Yu. Fadeeva
Lexicographic interpretation of “foreignness” as a linguocultural category in Russian and German..... 411

L. M. Chernysheva
The expressive potential of inversion in Udmurt media..... 420

K. A. Yakimenko
The life and work of M. M. Prishvin in the creation of Vladimir Soloukhin..... 426

REVIEWS 432

S. A. Vasileva
Review of the monograph by G. G. Bagautdinova “Poetics of non-novel prose by I. A. Goncharov”. Yoshkar-Ola, Mari State University Publishing House, 2024, 296 p. ISBN 978-5-907622-93-7..... 432

Вестник Марийского государственного университета. Т. 18. № 3. 2024

Vestnik of the Mari State University, vol. 18, no. 3, 2024

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGY

УДК 378.147
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-299-309

ВЛИЯНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА НА ОСВОЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ БЖД СТУДЕНТАМИ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА

В. И. Аксенова[1], С. Л. Пушенко[2], Л. А. Рубижанская[1]

[1]Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация
[2]Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** Рассмотрены особенности формирования системы понятий безопасности жизнедеятельности. Приведены сравнительные данные количественных показателей взаимосвязи рейтингов освоения понятий и образовательной программы дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» по данным педагогических измерений до и после введения системного подхода к построению понятийного аппарата дисциплины. Приведены количественные показатели взаимосвязи и уравнения регрессии рубежного рейтинга понятий ($ПА_Р$) с промежуточными ($ПА_З$ и $Р_З$) и итоговыми ($ПА_И$ и $Р_И$) рейтингами освоения образовательной программы дисциплины. ***Цель.*** По данным педагогических измерений достижений студентов в освоении образовательной программы «Безопасность жизнедеятельности» сравнить тесноту связи рубежного рейтинга понятийного аппарата ($ПА_Р$) и рейтингов освоения дисциплины до и после введения системного подхода к построению понятий БЖД. ***Материалы и методы.*** Теоретическими методами исследования являются анализ научной литературы. Эмпирические методы включают сравнение тесноты связи рубежного рейтинга понятийного аппарата ($ПА_Р$) и рейтингов освоения дисциплины до и после применения системного подхода к его построению. Используются корреляционный и регрессионный методы анализа. ***Результаты исследования, обсуждения.*** Благодаря реализации системного подхода в построении понятийного аппарата БЖД, получено увеличение тесноты связи факторного ($ПА_Р$) и результативных ($ПА_З$, $ПА_И$, $Р_З$, $Р_И$) признаков. ***Заключение.*** Установлено наличие связи, ее характер и направление между рейтингами понятий БЖД, изучение которых проводили в рамках системного подхода, с промежуточным и итоговым рейтингами освоения образовательной программы дисциплины.

Ключевые слова: качество, компетенции, рейтинг, понятия, система понятий БЖД

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Аксенова В. И., Пушенко С. Л., Рубижанская Л. А.* Влияние понятийного аппарата на освоение дисциплины БЖД студентами юридического вуза // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 299–309. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-299-309

THE INFLUENCE OF THE CONCEPTUAL FRAMEWORK ON LAW SCHOOL STUDENT'S MASTERING THE "LIFE SAFETY" DISCIPLINE

V. I. Aksenova[1], S. L. Pushenko[2], L. A. Rubizhanskaya[1]

[1]Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation
[2]Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** The article presents quantitative indicators of the relationship of the rating of the conceptual framework (CA) with the current, intermediate and final ratings of students of the Ural State Law University (USLU) based on the results of studying the discipline "Life Safety" (LS). We used a level-based scheme for the construction of the LS CA. In selecting and analyzing the basic concepts of LS (level I concepts),

© Аксенова В. И., Пушенко С. Л., Рубижанская Л. А., 2024

the principles and concepts of noxology were used. The definition of derivatives of basic concepts (level II concepts (sub-concepts) was carried out on the basis of identifying their essential features. Level III concepts reveal the essential features of level II concepts, etc., until the sub-concepts begin to overlap or have distinctive features from the "common" scientific language reflecting natural science, technical and legal conceptual systems. The regression equations of independent and dependent variables are given. ***Purpose:*** to assess the impact of the Life Safety conceptual framework of Bachelor's degree law students on the values of the current, intermediate and final rating before and after the introduction of the level scheme for building the conceptual framework of LS, as well as the changes in the forms of current and final assessment of concept internalization. ***Materials and methods:*** analysis of the effectiveness of control and assessment materials of the conceptual framework of LS; graphical, correlation and regression analysis. ***Results, discussion:*** The implementation of a systematic approach to the construction of the conceptual framework of LS, the hierarchy of concepts according to their degree of generality, functional significance in reflecting concepts, basic ideas and principles of noxology, led to an increase in the tightness of the relationship between the independent and dependent variables in the formation of LS competencies. ***Conclusion:*** The study established the presence of a connection, its nature and direction, between the rating of the CA of LS, which was taught according to a level scheme of concept construction based on structural-functional, logical and predictive approaches, with the current, intermediate and final ratings.

Keywords: system formation, quality, competencies, rating, concept, term, conceptual framework of LS

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Aksenova V. I., Pushenko S. L., Rubizhanskaya L. A.* The influence of the conceptual framework on law school student's mastering the "Life Safety" discipline. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 299–309. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-299-309

Введение

Безопасность жизнедеятельности (БЖД) – наука о комфортном и травмобезопасном взаимодействии человека с техносферой. Цель БЖД – изучение основных принципов защиты человека в техносфере от внешних негативных воздействий антропогенного, техногенного и естественного происхождения. Объект науки о БЖД – человек, коллективы людей. Предмет исследования БЖД – это опасности и их совокупности, действующие в системе «человек – источник опасности», а также методы и средства защиты от опасностей [1; 2].

Как и для любой области практической и научной деятельности, для БЖД должен существовать определенный язык, система понятий, отражающих достаточно определенно сферу ее приложения. В настоящее время в безопасности жизнедеятельности нет ясности в определении его основных понятий, более того, отсутствуют исходные основания их отбора [3; 4; 5].

Проблема отсутствия логически связанного понятийного аппарата БЖД может быть решена с использованием традиционных подходов, опирающихся на принцип системности. Все понятия определяются в системе через ближайшие родовидовые отношения. Отношения между понятиями могут быть представлены двумя основными: логическим – род – вид [6; 7; 8], системно-структурным – часть – целое [9; 10; 11]. От классифицирующих связей часть – целое следует отличать такие, которые являются отношениями между родом и видом, видом и подвидом. Все, что можно сказать о роде, можно сказать и о виде.

Одним из основных условий построения понятийного аппарата БЖД является процедура отбора его базовых понятий и терминов. К критериям отбора базовых понятий БЖД мы относили следующие. Дисциплина БЖД построена на междисциплинарных знаниях, и потому процесс изучения ее понятийного аппарата опирается на естественно-научные, общенаучные, технические и социальные понятия. Естественно-научная составляющая базируется на принципах и понятиях ноксологии – науки об опасностях материального мира Вселенной. К базовым понятиям ноксологии относятся: *«опасность», «источник опасности», «безопасность», «защита от опасности».* Опасности всегда указывают на взаимодействие двух сторон: *субъекта,* который является источником опасности, и *объекта,* на который направлено это негативное воздействие. Выделить *субъект* и *объект* негативного воздействия невозможно без общенаучного понятия *«система».* Важно подчеркнуть, что человек, социальная группа, государство и др. компоненты социума *одновременно* выступают субъектом и объектом

социальных опасностей [1; 2]. Без общенаучных понятий: *«фактор», «происшествие», «явление», «метод», «средство»* невозможно понять процесс реализации (перехода) «негативного свойства» систем материального мира в «негативное воздействие». Технические термины «*техносфера», «риск*», *«опасный производственный объект», «чрезвычайное происшествие», «авария», «катастрофа», «чрезвычайная ситуация»* формируют понимание о масштабах и степени негативного воздействия в системе «источник опасности → объект защиты». Распространенные в социуме и нормативно-правовом поле понятия *«вред», «ущерб»* характеризуют последствия негативного воздействия на человека и природу. Проведенные исследования и опыт работы позволили нам выделить следующие базовые понятия: *«опасность», «источник опасности», «безопасность», «защита от опасности», «система», «фактор», «происшествие», «явление», «метод», «средство», «техносфера», «риск», «опасный производственный объект», «чрезвычайное происшествие», «авария», «катастрофа», «чрезвычайная ситуация».*

Особенности формирования системы понятий безопасности жизнедеятельности сопряжены с неоднозначностью трактовки выбранных базовых понятий как в научном сообществе, так и в действующем законодательстве. Наиболее часто встречающиеся определения понятия *«опасность»*: *«опасность* – возможность нанесения вреда, имущественного (материального), физического или морального (духовного) ущерба личности, обществу, государству», *«опасность* – способ существования системы, выраженный ее состоянием, стремящимся к высвобождению своей внутренней энергии, вещества и информации через собственное разрушение» [3; 4], *«опасность* – потенциальная возможность возникновения процессов или явлений, способных вызвать поражение людей, наносить материальный ущерб и разрушительное воздействовать на окружающую среду»[1]. Так, в УК РФ термин «опасность» встречается в 38 статьях особенной части и употребляется по отношению к жизни и здоровью (опасный / не опасный для жизни и (или) здоровья), имуществу (ст. 168), гибели (ст. 205, 207), лицам (ст. 205.3), окружающей среде, насаждениям (ст. 237, 261), иным объектам (например, судну – ст. 270, свободе или неприкосновенности – ст. 361). Опасными, как следует из кодекса, могут быть действия (например, насилие, обращение), состояние (ст. 125), способ (ст. 127.1), заболевание (128.1), производственные объекты (ст. 217), предметы, вещества и иные источники (ст. 168, 205.3, 212, 234.1), события, факты, явления (ст. 237). Опасности при этом могут быть серьезными (ст. 270), потенциальными (ст. 234.1) или повышенными (ст. 168, 261, 349). Наряду с понятием *«опасность»* в УК РФ употребляются сходные по смыслу термины *«вред», «угроза», «ущерб»* и др. [5].

Следующий этап работы с понятиями БЖД связан с пошаговой, дозированной по темам и модулям, работой с категориями, определениями, формулами в рамках разнообразных видов деятельности: *чтение, проговаривание, воспроизведение наизусть в устной и письменной форме* на практических занятиях по дисциплине. Обратив внимание студентов на существенные признаки базовых понятий, различия в толковании этих понятий в научной, академической и законодательной среде, знакомили студентов с правилами формулирования понятий второго и третьего уровней. Понятия II уровня (субпонятия) формулируются на основе существенных признаков базовых, понятия III уровня раскрывают существенные признаки субпонятий и т. д. [7; 8; 9].

Например, содержание понятия «*опасность»,* согласно ноксологии, следующее: «негативное свойство систем материального мира наносить вред, ущерб самим себе и другим материальным системам». Для формулировки понятия второго уровня *техногенная опасность* необходимо выделить субъект (технические системы) и объект защиты (природные и социальные системы). Понятие *техногенная опасность* формулируется с учетом субъектно-объектных отношений в системе и существенных признаков родового понятия *опасность*. Для формулировки понятия третьего уровня *постоянная техногенная опасность* необходимо выделить субъект (технические системы) и объект защиты (природные, социальные системы). Понятие *постоянная техногенная опасность* формулируется с учетом субъектно-объектных отношений в системе на основе существенных признаков родового понятия *опасность* и временной характеристики (сутки) и т. д.

[1] ГОСТ Р 12.3.047-2012 Система стандартов безопасности труда. Пожарная безопасность технологических процессов. Общие требования. Методы контроля.

Субъект и объект негативного воздействия, вероятность реализации, интенсивность и время, степень завершенности негативного воздействия – тот круг вопросов, которые ставятся и решаются в процессе изучения дисциплины, тесно связаны с используемым понятийным аппаратом. В работах [12; 13] приведена комплексная оценка качества знаний студентов юридического вуза по дисциплине БЖД. Оценивание проводили с использованием возможностей учебного портала вуза, для оценки и прогнозирования образовательных результатов студентов применяли корреляционно-регрессионный метод анализа. Показано, что понятийный аппарат среди других факторных признаков повышает итоговый рейтинг, балл студента, теснота связи рейтингов «слабая».

Необходимость обоснования применения системного подхода к формированию понятий БЖД определили **цель** нашего исследования – по данным педагогических измерений достижений студентов в освоении образовательной программы «Безопасность жизнедеятельности» сравнить тесноту связи рубежного рейтинга понятийного аппарата ($ПА_Р$) и рейтингов освоения дисциплины до (контрольная группа) и после (экспериментальная группа) введения системного подхода к построению понятий дисциплины.

Материалы и методы

Теоретическими методами исследования являются анализ научной литературы по исследуемой проблеме. Эмпирические методы включают сравнение тесноты связи рубежного рейтинга понятийного аппарата ($ПА_Р$) и рейтингов освоения дисциплины до и после системного подхода к его построению. Используются корреляционный и регрессионный методы анализа.

Результаты

Для достижения цели исследования была взята совокупность данных успеваемости 250 студентов первого курса, обучающихся по программе бакалавриата в институтах юстиции (ИЮ) и права и предпринимательства (ИПиП) УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева. Контрольная группа состояла из данных 86, экспериментальная – из данных 164 студентов. Отбор в группы проводили по результатам оценки знаний студентами основных понятий необходимых для освоения дисциплины БЖД (входной контроль). В контрольную и экспериментальную группы отобрали студентов, показавших оптимальный уровень знаний на входном контроле, – 50 %. В контрольной группе требования к определению понятий основывали на соответствии их содержания базовому учебнику и действующему законодательству. В экспериментальной – требования к содержанию понятий второго и третьего уровня основывали на выделении существенных признаков базовых понятий, логической непротиворечивости и лаконичности формулировок. С учетом изменившихся требований к построению понятий изменили «пакет» текущих и итоговых форм контроля освоения понятий

Оценку освоения понятий и образовательной программы дисциплины проводили по величинам рубежного ($ПА_Р$), промежуточного ($ПА_З$, $Р_З$) и итогового рейтингов ($ПА_И$, $Р_И$). Величину рубежного рейтинга понятий ($ПА_Р$) составила оценка знания понятий по завершении модулей, на которые разбит весь изучаемый материал. Промежуточная аттестация проходила в форме зачета, баллы за него составил рейтинг зачета ($Р_З$), часть из которых составляет оценку знаний понятий по дисциплине ($ПА_З$). Итоговые рейтинги ($ПА_И$ и $Р_И$) получены сложением текущих и промежуточных рейтингов понятий и освоения программы дисциплины.

С целью установления одинаковости выборок и отсутствия статистически достоверных различий вычислили показатели описательной статистики параметров ($ПА_Р$, $ПА_З$,, $ПА_И$, $Р_З$ и $Р_И$) контрольной и экспериментальной групп. Данные приведены в таблице 1.

Вычисленные значения коэффициента эксцесса в контрольной / экспериментальной группах (строки 6/13 табл. 1) **меньше** критического значения Exкр = 0,84/0,82 (для уровня значимости 0,05 и объемов выборок 86/164). Вычисленные значения коэффициента асимметрии в контрольной/ экспериментальной группах (строки 7/14 табл. 1) **меньше** критического значения Exкр = 0,41/0,28 (для уровня значимости 0,05 и объемов выборок 86/164). Следовательно, плотность распределения исследуемых параметров в контрольной и экспериментальной группах **подчиняется** закону нормального распределения. При нормальной плотности распределения исследуемых переменных, с целью проверки статистической значимости различия выборок,

применили параметрический метод Бартлетта [14; 15]. По данным значений длин выборок и их дисперсий, вычислили значения критерия Бартлетта для исследуемых параметров: $ПА_Р$=1,68; $ПА_З$=2,18; $ПА_И$=3,65; $Р_З$=2,00; $Р_И$=0,06. Значение $\chi 2$ для уровня значимости $\alpha = 0,05$ при числе степеней свободы k-1=1 составляет 3,841. Так как вычисленные значения критерия Бартлетта **меньше** табличного для всех параметров, то проверяемую гипотезу о том, что дисперсии выборок с результатами педагогических измерений в контрольной и экспериментальной группах являются однородными, можно принять за правдоподобную на уровне значимости $\alpha = 0,05$ и числе степеней свободы k = 1.

Контроль знаний понятий дисциплины в экспериментальной и контрольной группах проходил поэтапно от рубежного ($ПА_Р$) к промежуточному ($ПА_З$) и итоговому (ПАи) рейтингам. Данные расчетов показателей успеваемости составили: $ПА_Р$ – 81,0 % / 89,6 %; $ПА_З$ – 95 % / 100 %; $ПА_И$ – 96,5 % / 100 % в контрольной / экспериментальной группах соответственно. Данные расчетов показателей качества знаний составили: $ПА_Р$ – 40,7 % / 36,6 %; $ПА_З$ – 73,3 % / 86,6 %; $ПА_И$ – 60,5 %/68,9 % в контрольной / экспериментальной группах соответственно.

Таблица 1 / Table 1

Показатели описательной статистики анализируемых параметров в контрольной и экспериментальной группах / Indicators of descriptive statistics of analyzed indicators in control and experimental groups

№	Показатели / параметры / Indicators / parameters	$ПА_Р$	$ПА_З$	$ПА_И$	$Р_З$	Ри
контрольная N=86						
1	среднее	4,7	13,2	17,8	31,4	62,5
2	станд. ошибка	1,43	3,51	4,10	5,83	9,804
3	медиана	5,0	13,0	18,0	32,0	63,5
4	мода	6,0	12,0	19,0	32,2	61,0
5	дисперсия выборки	2.03	11.01	16,44	25.43	87.03
6	эксцесс	-0,42	0,69	0,48	0,09	-0,52
7	асимметричность	0,040	0,31	0,34	-0,40	0,14
экспериментальная N=164						
8	среднее	5,1	14,3	19,4	31,7	63,3
9	станд. ошибка	1,25	2,89	3,41	5,76	9,11
10	медиана	5,0	14,0	19,0	32,0	64,0
11	мода	5,0	15,0	18,0	31,0	64,0
12	дисперсия выборки	1,60	8,395	11,64	33,23	83,12
13	эксцесс	-0,36	-0,59	-0,68	-0,58	-0,27
14	асимметричность	0,22	0,29	0,15	-0,01	-0,32

Оценивание знаний студентов в рамках модульно-рейтинговой системы позволяет установить взаимосвязь величин исследуемых рейтингов ($ПА_Р$, $ПА_З$,, $ПА_И$, $Р_З$ и $Р_И$). Отбор факторного признака проводили на основе эвристического метода. Считали, что по завершении каждого модуля поэтапно у студента формируются представления о понятийном аппарате дисциплины. От базовых

понятий ноксологии с их производными в первом модуле к техническим базовым понятиям с их субпонятиями во втором и базовым социальным понятиям с их производными в третьем модуле. Эти знания студент показывает в рамках трех рубежных контрольных работ, в которых по 30 % баллов отведено на контроль знаний понятий ($ПА_Р$). Тесноту связи факторного и результативных признаков устанавливали по количественным критериям (коэффициент корреляции). Коэффициент корреляции может принимать значения от минус единицы (связь между исследуемыми параметрами обратная) до единицы (связь между исследуемыми параметрами прямая). Если коэффициент корреляции равен нулю, то связь между параметрами практически отсутствует. При значении коэффициента корреляции r <= 0,3 связь **очень слабая**, 0,3 < r <= 0,5 корреляция **слабая**, 0,5 < r < = 0,7 корреляция **средняя**, 0,7 < r < = 0,9 корреляция **сильная** и выше 0,9 – **очень сильная**. Чем ближе модуль коэффициента корреляции к единице, тем более сильной является связь между измеряемыми параметрами. Учитывая, что плотность распределения исследуемых параметров в контрольной и экспериментальной группах **подчиняется** закону нормального распределения (табл. 1), корреляционный анализ проводили с использованием коэффициента линейной корреляции r-Пирсона [16; 17].

Для выявления наличия связи между факторным ($ПА_Р$) и результативными признаками ($ПА_З$, $ПА_И$, $Р_З$, $Р_И$), ее характера и направления нами были использованы графический, корреляционный и регрессионный методы анализа. Исследовали парные зависимости учебных достижений студентов. Сравнительные данные парных коэффициентов корреляции исследуемых рейтингов приведены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Теснота связи исследуемых рейтингов в контрольной и экспериментальной группах / Tightness of correlation of the relationship of students in control and experimental groups

№	Переменные / Variables	Линейные корреляции Пирсона Отмеченные корреляции значимы на уровне p < 0,05 / Pearson correlations noted are significant at the p < 0,05					
		контрольная			экспериментальная		
		N	R	p	N	R	p
1	$ПА_Р$ & $ПА_З$	86	0,35	0,00	164	0,35	0,00
2	$ПА_Р$ & $ПА_И$		0,64	0,00		0,66	0,00
3	$ПА_Р$ & $Р_З$		0,22	0,00		0.41	0,00
4	$ПА_Р$ & $Р_И$		0,37	0,00		0.55	0,00

Из полученных данных следует, что все связи значимы. Так как коэффициенты корреляции больше нуля, то связи прямые, зависимость между переменными прямо пропорциональная. Усиления тесноты связи рубежного рейтинга понятий ($ПА_Р$) с промежуточным и итоговым рейтингами понятий ($ПА_З$, $ПА_И$) в экспериментальной группе по сравнению с контрольной, не зафиксировано (строки 1 и 2 табл. 2). Зафиксировано усиление тесноты связи ($ПА_р$) с рейтингами освоения образовательной программы дисциплины ($Р_З$, $Р_И$) в экспериментальной группе по сравнению с контрольной (строки 3 и 4 табл. 2). Графики зависимости промежуточных ($ПА_З$, $Р_З$) и итоговых ($ПА_И$, $Р_И$) рейтингов освоения дисциплины от рубежного рейтинга понятий ($ПА_Р$) в экспериментальной группе представлены на рисунке 1.

Анализ полученных данных показывает наличие близкой к линейной зависимости показателей факторного и результативных признаков, т. е. чем выше оценки за понятийный аппарат в рамках рубежного контроля знаний, тем выше рейтинги понятий ($ПА_З$, $ПА_И$) и рейтинги освоения образовательной программы дисциплины ($Р_З$, $Р_И$). Вычисленные параметры уравнений регрессии приведены в таблице 3.

Результаты расчетов показывают, что при изменении ($ПА_Р$) на один балл значения рейтингов ($ПА_З$ и $ПА_И$) в среднем с учетом округлений изменятся на 1 и 2 балла соответственно как

в **контрольной**, так и **экспериментальной** группах (строки 1 и 3 табл. 3). При изменении рубежного рейтинга ($ПА_Р$) на один балл в **контрольной** группе значения ($Р_З$ и $Р_И$) в среднем с учетом округлений изменятся на 1 и 2 балла соответственно, в **экспериментальной** – значения ($Р_З$ и $Р_И$) в среднем изменятся на 2 и 4 балла соответственно (строки 2 и 4 табл. 3).

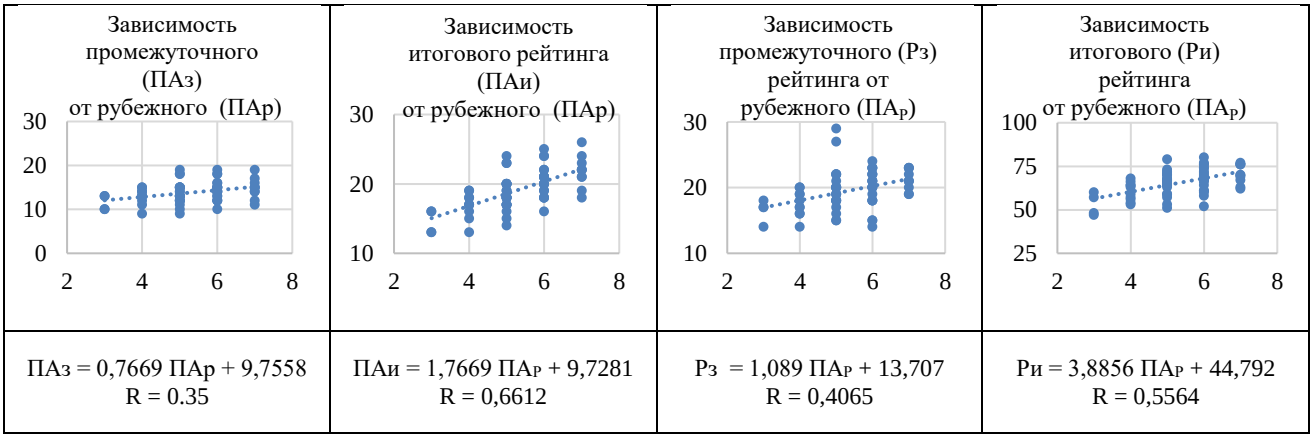


Рис. 1. Зависимости промежуточных ($ПА_З$, $Р_З$) и итоговых ($ПА_И$, $Р_И$) рейтингов освоения дисциплины от рубежного рейтинга понятий ($ПА_Р$) в экспериментальной группе /
Fig. 1. Correlation of intermediate and final ratings of concepts and mastering the discipline with the benchmark rating of concepts in experimental group

Таблица 3 / Table 3

Параметры уравнений регрессии факторного и результативных признаков в контрольной и экспериментальной группах / The parameters of the regression equations of independent and dependent variables in the control and experimental groups

№	Переменные / Variables	Параметры уравнений регрессии / Parameters of regression equations			
		Контрольная (N=86)		Экспериментальная (N=164)	
		a_0 / сдвиг	a_1 / наклон	a_0 / сдвиг	a_1 / наклон
1	$ПА_Р$ & $ПА_З$	9,22	0,83	9,76	0,77
2	$ПА_Р$ & $Р_З$	27,81	0,79	13,71	1,09
3	$ПА_Р$ & $ПА_И$	10,22	1,83	9.73	1,77
4	$ПА_Р$ & $Р_И$	51,00	2,48	44,79	3,88

Обсуждение

Проверка на нормальность и однородность распределения переменных в контрольной и экспериментальной группах проведена с использованием показателей описательной статистики и критерия Бартлетта. Установлено, что выборки имеют нормальную плотность распределения переменных и однородны, т. е. все их элементы ($ПА_Р$, $ПА_З$, $ПА_И$, $Р_З$ и $Р_И$) имеют схожие характеристики в соответствии с целями исследования (табл. 3).

Сравнительные данные показателей успеваемости и качества знаний освоения понятий дисциплины свидетельствуют, что значения этих показателей в экспериментальной группе выше, чем в контрольной. Дальнейшее повышение качества знаний при освоении понятий БЖД видится нам в увеличении частоты встречаемости базовых и субпонятий при выполнении всех видов заданий (закрытых тестов, кейс-заданий, ситуационных задач, исследовательских работ), оценки за которые формируют текущие ($ПА_Т$, $Р_Т$), промежуточные ($ПА_З$, $Р_З$) и итоговые ($ПА_И$, $Р_И$) рейтинги освоения дисциплины [9; 10].

Сравнительные данные тесноты связи между факторным ($ПА_Р$) и результативными признаками ($ПА_З$, $ПА_И$, $Р_З$, $Р_И$) показали, что **усиление**

тесноты связи в экспериментальной группе произошло только между ($ПА_Р$) и рейтингами освоения образовательной программы дисциплины ($Р_З$, $Р_И$). Параметры уравнений регрессии показывают, что изменение факторного признака ($ПА_Р$) на 1 балл при введении системного подхода к освоению понятий БЖД приведет к увеличению значений результативных ($Р_З$ и $Р_И$) в два раза по сравнению с контрольной группой (табл. 3). Изменение рейтинга ($ПА_Р$) на один балл в экспериментальной и контрольных группах, привело к одинаковым изменениям значений $ПА_З$ и $ПА_И$ (табл. 3, рис. 1). Дальнейшее повышение тесноты связей $ПА_Р$ с $ПА_Т$ и $ПА_И$ в рамках системного подхода к его построению видится нам в усилении мотивации студентов к освоению понятий БЖД, основанное на высокой частоте встречаемости последних в действующем законодательстве [5].

Выводы

При введении системного подхода к освоению понятий безопасности жизнедеятельности и изменения «пакета» текущих и промежуточных форм контроля освоения последних установили, что теснота связи между факторным ($ПА_Р$) и результативными признаками ($Р_З$ и $Р_И$) **средняя**, значения коэффициентов корреляции находятся в интервале $0,5 < r <= 0,7$.

Вычисленные параметры уравнений регрессии между ($ПА_Р$) и ($ПА_З$, $Р_З$, $ПА_И$ и $Р_И$) показывают следующие величины: a_0 (9,76; 13,71; 9,73 и 44,79) позволяют оценить усредненное влияние на результативные признаки не выделенных для исследования факторов; a_1 (0,77; 1,09; 1,77 и 3,88) показывает, что при изменении рубежного рейтинга понятий ($ПА_Р$) на 1,0 балл значения рейтингов ($ПА_З$, $Р_З$, $ПА_И$ и $Р_И$) в среднем изменятся с учетом округлений на 1, 1, 2 и 4 балла соответственно.

Выявленные закономерности работают внутри выборок студентов, показавших оптимальный уровень знаний базовых понятий при входном контроле и отсутствии статистически достоверных различий параметров выборок.

1. Куликовская М. А., Безрукова Н. П. Ноксологическая компетенция бакалавров педагогического образования естественнонаучных профилей и средства оценивания ее сформированности // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 1. DOI: https://doi.org/10.17513/spno.31416

2. Бояров Е. Н., Абрамова С. В. Ноксологический подход в содержании образования педагогов безопасности жизнедеятельности // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 111–116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/noksologicheskiy-podhod-v-soderzhanii-obrazovaniya-pedagogov-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti (дата обращения: 18.01.2024).

3. Бакиров И. К., Халиуллина Д. Х., Кашапова Г. Х. Анализ понятия риска, опасности и безопасности // Пожаровзрывобезопасность. 2014. Т 23. № 3. С. 8–11. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=sfoccx (дата обращения: 19.01.2024).

4. Якупов А. М. О природе опасности и безопасности, формах их проявления и «зонах живучести» систем // Современные проблемы транспортного комплекса России. 2014. № 5. С. 67–72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-prirode-opasnosti-i-bezopasnosti-formah-ih-proyavleniya-i-zonah-zhivuchesti-sistem (дата обращения: 18.01.2024).

5. Иванова Е. В., Аксенова В. И. К вопросу о понятии опасности и способах ее установления // Вестник криминалистики. 2023. № 2 (86). С. 5–15. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=dpdcvv (дата обращения: 20.01.2024).

6. Чапаев Н. К. Дидактика В. В. Давыдова: философско-педагогические предпосылки разработки метода восхождения от абстрактного к конкретному// Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 3. С. 3–12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/didaktika-v-v-davydova-filosofsko-pedagogicheskie-predposylki-razrabotki-metoda-voshozhdeniya-ot-abstraktnogo-k-konkretnomu (дата обращения: 20.01.2024).

7. Петров А. В. Некоторые методические аспекты проблемы формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов // Современное образование и педагогическое наследие академика А. В. Усовой : Международная научно-практическая конференция. Сборник материалов. Челябинск, 04–05 октября 2021 г. Челябинск, 2021. Т. 1. С. 30–36. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47426743&pff=1 (дата обращения: 19.01.2024).

8. Титов А. В. Основания и процедура отбора базовых понятий технологического образования // Инновационные процессы в сфере образования и проблемы повышения качества подготовки специалистов : материалы Межд. науч.-метод. конф. 30–31 марта 2005 г. / под ред. А. А. Баранова, Г. С. Трофимовой. Ижевск, 2005. Т. 3. С. 225–229.

9. Семенова И. Н. Формирование понятийного аппарата методики и технологии обучения в условиях технологизации образовательного процесса // Вестник ТГПУ. 2016. № 4 (169). С. 86–91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ponyatiynogo-apparata-metodiki-i-tehnologii-obucheniya-v-usloviyah-tehnologizatsii-obrazovatelnogo-protsessa (дата обращения: 19.01.2024).

10. Щекина С. С., Аверкина Г. В. Логико-методические аспекты изучения понятийно-терминологической системы педагогики // Понятийный аппарат педагогики и образования. Екатеринбург, 2016. Вып. 9. С. 121–135.

11. Полонский В. М. Понятийно-терминологический аппарат педагогики и образования // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2017. Т. 3. №. 2. С. 54–60. DOI: https://doi.org/10.18413/2313-8971-2017-3-2-54-60

12. Аксенова В. И., Пушенко С. Л. Понятийный аппарат дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» и его роль в обеспечении безопасного развития общества // Безопасность как фактор устойчивого развития общества : сборник научных трудов / под ред. В. А. Девисилова, Т. П. Гордиенко, Д. О. Копытова. Симферополь, 2019. С. 117–121. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42313943 (дата обращения: 18.01.2024).

13. Аксенова В. И., Пушенко С. Л. Влияние понятийного аппарата на освоение компетенций дисциплины БЖД // Техносферная безопасность и природообустройство : сборник материалов VII Всероссийского совещания заведующих кафедрами в области безопасности жизнедеятельности и защиты окружающей среды и открытого заседания федерального учебно-методического объединения, Казань, 21–25 сентября, 2022 г. Казань, 2022. С. 38–45. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50429559&pff=1 (дата обращения: 18.01.2024).

14. Миронова Л. Н., Старкова Л. Н. Методика определения уровня сформированности компетентности студентов на основе статистической обработки результатов педагогического тестирования // Педагогическое образование в России. 2016. № 7. С. 52–61. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-opredeleniya-urovnya-sformirovannosti-kompetentnosti-studentov-na-osnove-statisticheskoy-obrabotki-rezultatov (дата обращения: 18.01.2024).

15. Горбунова А. А., Лемешко Б. Ю., Лемешко С. Б. Критерии проверки гипотез об однородности дисперсий при наблюдаемых законах, отличных от нормального // Актуальные проблемы электронного приборостроения : АПЭП-2010 : материалы X международной конференции. Новосибирск, 2010. Т. 6. С. 36–41.

16. Карасева А. Е. Математические методы в моделировании и диагностике исследовательской деятельности студентов // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2016. №. 5. С. 267–281. URL: https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0026/0974.pdf (дата обращения: 19.01.2024).

17. Князева Е. В., Моисеенко В. С. Математические методы как инструментарий психолого-педагогических исследований // Гуманизация образования. 2019. № 5. С. 34–46. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/matematicheskie-metody-kak-instrumentariy-psihologo-pedagogicheskih-issledovaniy (дата обращения: 19.01.2024).

Статья поступила в редакцию 17.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 23.07.2024 г.; принята к публикации 22.08.2024 г.

Об авторах

Аксенова Вера Ильинична
кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания и спорта, Уральский государственный юридический университет (620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9478-523X, *ver.axenova@yandex.ru*

Пушенко Сергей Леонардович
доктор технических наук, заведующий кафедрой «Производственная безопасность», Донской государственный технический университет (6344001, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3679-7862, *slpushenko@yandex.ru*

Рубижанская Любовь Александровна
ассистент кафедры физического воспитания и спорта, Уральский государственный юридический университет (620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4345-7962, *triazzol@yandex.ru*

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Kulikovskaya M. A., Bezrukova N. P. Noksologicheskaya kompetentsiya bakalavrov pedagogicheskogo obrazovaniya estestvennonauchnykh profilei i sredstva otsenivaniya ee sformirovannosti [Noxological competence of bachelors of pedagogical education in natural sciences and means of assessing its formation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern problems of science and education, 2022, no. 1. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.17513/spno.31416

2. Boyarov E. N., Abramova S. V. Noksologicheskii podkhod v soderzhanii obrazovaniya pedagogov bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti [Noxologic approach in the education content for life safety teachers]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* = Pedagogical education in Russia, 2012, no. 4, pp. 111–116. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/noksologicheskiy-podhod-v-soderzhanii-obrazovaniya-pedagogov-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti (accessed 18.01.2024). (In Russ.).

3. Bakirov I. K., Khaliullina D. X., Kashapova G. X. Analiz ponyatiya riska, opasnosti i bezopasnosti [Analysis of the concept of risk, danger and safety]. *Fire and explosion safety* = Pozharovzryvobezopasnost', 2014, vol. 23, no. 3, pp. 8–11. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=sfoccx (accessed 19.01.2024). (In Russ.).

4. Yakupov A. M. O prirode opasnosti i bezopasnosti, formakh ikh proyavleniya i “zonakh zhivuchesti” sistem [About danger and safety nature, forms of their emergancy and “zones of systems survivability”]. *Sovremennye problemy transportnogo kompleksa Rossii* = Modern problems of the Russian transport complex, 2014, no. 5, pp. 67–72. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/o-prirode-opasnosti-i-bezopasnosti-formah-ih-proyavleniya-i-zonah-zhivuchesti-sistem (accessed 18.01.2024). (In Russ.).

5. Ivanova E. V., Aksenova V. I. K voprosu o ponyatii opasnosti i sposobakh ee ustanovleniya [The definition of danger and methods of its determination]. *Vestnik kriminalistiki* = Bulletin of Forensic Science, 2023, no. 2 (86), pp. 5–15. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=dpdcvv (accessed 20.01.2024). (In Russ.).

6. Chapaev N. K. Didaktika V. V. Davydova: filosofsko-pedagogicheskie predposylki razrabotki metoda voskhozhdeniya ot abstraktnogo k konkretnomu [Didactics by V. V. Davydov: philosophical and pedagogical prerequisites for the development of a method of ascent from the abstract to the concrete]. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii* = Innovative projects and programs in education, 2014, no. 3, pp. 3–12. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/didaktika-v-v-davydova-filosofsko-pedagogicheskie-predposylki-razrabotki-metoda-voshozhdeniya-ot-abstraktnogo-k-konkretnomu (accessed 20.01.2024). (In Russ.).

7. Petrov A. V. Nekotorye metodicheskie aspekty problemy formirovaniya nauchnykh ponyatii u uchashchikhsya shkol i studentov vuzov [Some methodological aspects of the problem of the formation of scientific concepts among schoolchildren and university students]. *Sovremennoe obrazovanie i pedagogicheskoe nasledie akademika A. V. Usovoi : Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Sbornik materialov. Chelyabinsk, 04–05 oktyabrya 2021 g.* = Modern education and pedagogical heritage of academician A.V. Usova : International scientific and practical conference. Collection of materials, Chelyabinsk, October 04–05, 2021 Chelyabinsk, 2021, vol. 1, pp. 30–36. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47426743&pff=1 (accessed 19.01.2024). (In Russ.).

8. Titov A. V. Osnovaniya i protsedura otbora bazovykh ponyatii tekhnologicheskogo obrazovaniya [Grounds and procedure for selecting basic concepts of technological education]. *Innovatsionnye protsessy v sfere obrazovaniya i problemy povysheniya kachestva podgotovki spetsialistov : Materialy Mezhd. nauch.-metod. konf. 30–31 marta 2005 g.* = Innovative processes in the field of education and problems of improving the quality of training of specialists: Materials of the International. scientific method. conf. March 30–31, 2005. Ed. A. A. Baranova, G. S. Trofimova. Izhevsk, 2005, vol. 3. pp. 225–229. (In Russ.).

9. Semenova I. N. Formirovanie ponyatiinogo apparata metodiki i tekhnologii obucheniya v usloviyakh tekhnologizatsii obrazovatel'nogo protsessa [Formation of the conceptual apparatus of teaching methods and technology in the conditions of technologization of the educational process]. *Vestnik TGPU* = TSPU Bulletin, 2016, no. 4 (169), pp. 86–91. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ponyatiynogo-apparata-metodiki-i-tehnologii-obucheniya-v-usloviyah-tehnologizatsii-obrazovatelnogo-protsessa (accessed 19.01.2024). (In Russ.).

10. Shchekina S. S., Averkina G. V. Logiko-metodicheskie aspekty izucheniya ponyatiino-terminologicheskoi sistemy pedagogiki [Logical and methodological aspects of studying the conceptual and terminological system of pedagogy]. *Ponyatiinyi apparat pedagogiki i obrazovaniya* = Conceptual apparatus of pedagogy and education, Ekaterinburg, 2016, iss. 9, pp. 121–135.

11. Polonskii V. M. Ponyatiino-terminologicheskii apparat pedagogiki i obrazovaniya [Conceptual and terminological apparatus of pedagogy and education]. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* = Scientific result. Pedagogy and psychology of education, 2017, vol. 3, no. 2, pp. 54–60. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.18413/2313-8971-2017-3-2-54-60

12. Aksenova V. I., Pushenko S. L. Ponyatiinyi apparat distsipliny “Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti” i ego rol' v obespechenii bezopasnogo razvitiya obshchestva [The conceptual apparatus of the discipline “lifesafety” and it's role in ensuring the safe development of society]. *Bezopasnost' kak faktor ustoichivogo razvitiya obshchestva : sbornik nauchnykh trudov* = Lifesafety as a factor in sustainable development of society: collection of scientific papers. Ed. V. A. Devisilova, T. P. Gordienko, D. O. Kopytova. Simferopol', 2019, pp. 117–121. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42313943 (accessed 18.01.2024). (In Russ.).

13. Aksenova V. I., Pushenko S. L. Vliyanie ponyatiinogo apparata na osvoenie kompetentsii distsipliny BZhD [Assessing the results of mastering the discipline “life safety” using the capabilities of the university’s educational portal]. *Tekhnosfernaya bezopasnost' i prirodoobustroistvo : sbornik materialov VII Vserossiiskogo soveshchaniya zaveduyushchikh kafedrami v oblasti bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti i zashchity okruzhayushchei sredy i otkrytogo zasedaniya federal'nogo uchebno-metodicheskogo ob"edineniya, Kazan', 21–25 sentyabrya, 2022 g.* = Technosphere safety and environmental management : collection of scientific articles of the vii all-Russian meeting of heads of departments in the field of life safety and environmental protection and an open meeting of the Federal educational and methodological association, Kazan, September 21–25, 2022, Kazan, 2022, pp. 31–37. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50429559&pff=1 (accessed 18.01.2024). (In Russ.).

14. Mironova L. N., Starkova L. N. Metodika opredeleniya urovnya sformirovannosti kompetentnosti studentov na osnove statisticheskoi obrabotki rezul'tatov pedagogicheskogo testirovaniya [Methodology for determining the level of students’ competence development based on statistical processing of the results of pedagogical testing]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* = Pedagogical education in Russia, 2016, no. 7, pp. 52–61. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-opredeleniya-urovnya-sformirovannosti-kompetentnosti-studentov-na-osnove-statisticheskoy-obrabotki-rezultatov (accessed 18.01.2024). (In Russ.).

15. Gorbunova A. A., Lemeshko B. Yu., Lemeshko S. B. Kriterii proverki gipotez ob odnorodnosti dispersii pri nablyudaemykh zakonakh, otlichnykh ot normal'nogo [Criteria for testing hypotheses about the homogeneity of dispersions under observed laws different from normal]. *Aktual'nye problemy elektronnogo priborostroeniya : APEP-2010 : materialy X mezhdunarodnoi konferentsii* = Current Problems of Electronic Instrument Making” APEP-2010 : Materials of the Xth International Conference, Novosibirsk, 2010, vol. 6, pp. 36–41.

16. Karaseva A. E. Matematicheskie metody v modelirovanii i diagnostike issledovatel'skoi deyatel'nosti studentov [Mathematical methods in students investigate activity modeling and assessment]. *Elektronnyi setevoi politematicheskii zhurnal "Nauchnye trudy KubGTU"* = Scientific Works of the Kuban State Technological University, 2016, no, 5, pp. 267–281. Available at: https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0026/0974.pdf (accessed 19.01.2024). (In Russ.).

17. Knyazeva E. V., Moiseenko V. S. Matematicheskie metody kak instrumentarii psikhologo-pedagogicheskikh issledovanii [Mathematical methods as tools for psychological and pedagogical research]. *Gumanizatsiya obrazovaniya* = Humanization of Education, 2019, no. 5, pp. 34–46. (In Russ.) Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/matematicheskie-metody-kak-instrumentariy-psihologo-pedagogicheskih-issledovaniy (accessed 19.01.2024). (In Russ.).

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 22.08.2024.

About the authors

Vera I. Aksenova
Ph. D. (Chemistry), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports, Ural State Law University (21 Komsomolskaya St., Ekaterinburg 620137, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9478-523X, *ver.axenova@yandex.ru*

Sergey L. Pushenko
Dr. Sci. (Ingineering), head of department of "Production Safety", Don State Technical University (1 sq. Gagarina, Rostov-on-Don 344001, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3679-7862, *slpushenko@yandex.ru*

Lyubov A. Rubizhanskaya
Assistant of the Department of Physical Education and Sports, Ural State Law University (21 Komsomolskaya St., Ekaterinburg 620137, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4345-7962, *triazzol@yandex.ru*

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 37.01
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-310-315

ЦЕННОСТЬ ИСТОКОВ РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ АНТИЧНОСТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Л. Ю. Александрова

Чебоксарский институт (филиал) АНО ВО Московского гуманитарно-экономического университета, г. Чебоксары, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** Интеграция информационно-коммуникационных технологий со сферой образования открывает новые направления развития цифровой педагогики, профессионально-личностного потенциала субъектов учебно-воспитательного процесса. Его осмысление и историко-аналитическая оценка позволили определить ценность антично-философских истоков развития потенциала личности для современной российской педагогики, что стало ***целью настоящего исследования. Материалы и методы.*** Реализации цели способствовали аналитические методы, абстрактно-логический и системный подходы. ***Результаты исследования, обсуждения.*** В статье раскрыты ценные для современной педагогики идеи о природе человека и представления о личности в античном измерении, факторах развития ее потенциала. Выявлены актуальные для современных условий цифровизации образования нравственные аспекты становления личности, созидательные аспекты ее развития и этические аспекты развития ее потенциала. Составлено древо потенциала личности в педагогическом измерении, включающее историко-философские «корни» (прошлое), действующий опыт актуализации личностных резервов (настоящее), перспективы раскрытия и расширения личностных возможностей (будущее). ***В заключении*** приведены результаты аналитической оценки истоков развития потенциала личности в философии античности в соответствии с критериями структурности и факторности.

Ключевые слова: педагогика, педагогическая ценность, личность, потенциал личности, развитие потенциала, истоки развития, философия античности

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Александрова Л. Ю.* Ценность истоков развития потенциала личности в философии античности для современной педагогики // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 310–315. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-310-315

THE VALUE OF THE ORIGINS OF POTENTIAL DEVELOPMENT PERSONALITIES IN THE PHILOSOPHY OF ANTIQUITY FOR MODERN PEDAGOGY

L. Yu. Aleksandrova

Cheboksary Institute (branch) of Moscow Humanitarian Economic University, Cheboksary, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** The integration of information and communication technologies with the field of education opens up new directions for the development of digital pedagogy, professional and personal potential of subjects of the educational process. His understanding and historical and analytical assessment made it possible to determine the value of the ancient philosophical origins of the development of personality potential for modern Russian pedagogy, which became ***the purpose of this study. Materials and methods.*** Analytical methods, abstract-logical and systematic approaches contributed to the realization of the goal. ***Research results, discussions.*** The article reveals valuable ideas for modern pedagogy about human nature and ideas about personality in the ancient dimension, factors of development of its potential. The moral aspects of personality formation, creative aspects of its development and ethical aspects of the development of its potential, relevant for the modern conditions of digitalization of education, are revealed. A tree of personality potential in the pedagogical dimension has been compiled, including historical and philosophical «roots» (the past), current experience in actualizing personal reserves (the present), prospects for the disclosure and expansion of personal capabilities (the future). ***In conclusion,*** the results of an analytical assessment of the origins of the development of personality potential in the philosophy of antiquity in accordance with the criteria of structurality and factoriality are presented.

Keywords: pedagogy, pedagogical value, personality, potential of personality, development of potential, origins of development, philosophy of antiquity

© Александрова Л. Ю., 2024

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Aleksandrova L. Yu.* The value of the origins of potential development personalities in the philosophy of antiquity for modern pedagogy. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 310–315. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-310-315

Введение

Для педагогов важно понимание, обсуждение и переосмысление не только ставшего привычным набора теоретико-методологических проблем образования, но и междисциплинарных систем знаний. В центре их внимания остаются вопросы развития профессионально-личностного потенциала.

Расширенное понимание цифровой личности как феномена XXI века особенностей ее формирования через призму гиперподключенности требует развития ее потенциала в современных условиях смешанной реальности и осмысления ценности его (развитие) антично-философских истоков.

Цель исследования: обоснование ценности истоков развития потенциала личности в философии античности для современной педагогики.

Материалы и методы

Ценность результатов педагогического анализа его историко-философских истоков заключается в том, что он (анализ) позволяет:

– выявить педагогический потенциал философии античности;

– сопоставить структуру потенциала личности с позиции античности и современности;

– определить потенциальное влияние идей античной философии, внесшей исключительный вклад в развитие мировой цивилизации, на настоящее и будущее современной педагогики.

Методологическую основу исследования составили анализ историко-философской и педагогической литературы, а также абстрактно-логический, системный и исторический подходы.

Результаты исследования, обсуждения

Исходные идеи потенциала человека заложили философские традиции.

В современный век цифровых технологий особого внимания заслуживают идеи Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) о потенциале, взаимодействии потенциального (potentia) и реального (actus), отношениях причинности (принцип потенциальности как имеющихся возможностей) и следования (принцип реализации возможностей как движения и изменения). «В понимании Аристотеля совершенство личности заключается в ее развитии и самостоятельном достижении возможностей для создания блага для общества, что приносят человеку удовлетворение (наслаждение, счастье)» [1, с. 73].

Эпиктет (ок. 50–138 гг.) считал, что потенциал человека заключается в заботе о душе [1] и стремлении к простой разумной жизни, основанной на единении с природой и духовно-нравственных ценностях.

Эффективность формирования личного потенциала Эпикур (342/341 до н. э. – 271/270 до н. э.) также видит в правильном восприятии мира и благоразумии, то есть разуме, основанном на благе. Оно проявляется в понимании своих потребностей и выборе необходимых природных желаний. Это означает, что, во-первых, для формирования личного потенциала «желать следует то, что соответствует природе и необходимости, пустые желания следует исключать» [1]; во-вторых, разумная нравственная жизнь доставляет человеку удовольствие и является показателем реализации его потенциала.

В представлении Платона (429 г. до н. э. – 347 г. н. э.) любовь представляет собой космическую силу стремления и позитивного движения, пробуждающую в человеке скрытые способности души. Под действием ее силы рождаются новые идеи и открытия, развивается потенциал человека. О его полноценной реализации свидетельствует «разность потенциалов» – диапазон между тем, кем является человек и к чему он хочет прийти; об отсутствии его развития и личностной стагнации – «пустота» души, ее наполненность горечью, злостью, ненавистью. Природное несовершенство человека может компенсировать действием социально-государственного фактора, моделями воспитания.

Психолого-педагогический вклад Августина Блаженного (354–430 гг.):

– раскрыта идея внутреннего человека и ценности его внутреннего мира;

– признаны волевой характер его деятельности и свобода воли (жизнь души невозможна без одновременно свободы и напряжения воли);

– определена система ценностей личности (вера, надежда и любовь), природа ее потенциала (забота о спасении души) и условий его реализации (следовать своему предназначению, то есть любить Бога и реализовывать Божий замысел, творить благо[1] и идти по пути нравственного роста).

Итак, уже в Античной философии предприняты попытки раскрытия значимой для современной педагогики сущности потенциала личности, идеи диалектики потенциального и реального, выявлены причины индивидуальных различий потенциала и факторы его развития (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Значимость антично-философских истоков развития потенциала личности для современной педагогики / The importance of the ancient philosophical origins of the development of personality potential for modern pedagogy

Антично-философские истоки развития потенциала человека как личности / Ancient philosophical origins of the development of human potential as an individual		**Значимость истоков для современной педагогики / The significance of the origins for modern pedagogy**	
параметры анализа	сущность в античном изменении	уровень	сущность с позиции современности
основная идея	гармония между человеком и космосом	средний	гармоничное развитие личности
идея всеобщей потенциальности	диалектика материи (пассивное начало, внутренняя сила, потенциальное) и формы (активное начало, внешняя сила реальное)		совокупное влияние внутренних и внешних факторов на личность и развитие ее потенциала
определение потенциала личности	– внутренняя сила, способная воплотиться в реальность посредством активности человека; – мощность факта стать другим в силу различных условий *(пространственно-временные, др.)*	высокий	интегральная системная особенностей личности, лежащая в основе ее способности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентаций [2]
ключевые понятия потенциала (критерий структурности)	– возможность; – способность; – нравственность (нравственные ориентиры человека, духовная моральная ценность)		– ресурсы, готовность (пассивный компонент); – резервы, способность (активный компонент); – возможности (проактивный компонент) [3]
идея раскрытия потенциала личности и факторов его развития (критерий факторности)	Реализовать потенциал – быть собой. Раскрытие и развитие потенциала происходит при: – наличии великой силы любви (Платон, Августин Блаженный), желания (Эпикур), интереса (Платон); – восприятии нравственных категорий (Аристотель, Эпиктет, Эпикур, Августин Блаженный), соблюдении законов морали (Августин Блаженный); – благоразумии – склад души, ведущий к принятию благих для себя и общества решений (Аристотель, Эпиктет, Эпикур); – движении, пробуждающего в человеке скрытые способности души (Платон); сотворении блага – благих поступков, полезных для себя и общества (Аристотель, Августин Блаженный); – активном целеведущем действии и благоприятных обстоятельствах (Аристотель)		*Реализовать потенциал – готовность использовать наличные ресурсы, способность раскрыть скрытые резервы и возможность усилить их в будущем.* Развитие потенциала происходит при: – адекватном «сочетании» и учете взаимозависимых факторов внутренней (внутренний мир) и внешней среды личности; – осознание своих интересов, расширение самосознания [4], принятие своей индивидуальности; открытость новому опыту, потребность в конструктивной активности, ее целевой и волевой, самостоятельный и ответственный характер

* составлено автором

[1] Августин Б. О граде божьем. Книга 1. М. : RUGRAM, 2016. 662 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/1 (дата обращения: 29.04.2024).

Как видим из таблицы 1, с античнофилософских позиций необходимыми условиями реализации и расширения потенциала личности являются:

– гармония ее развития (природосообразность, следование своему предназначению);

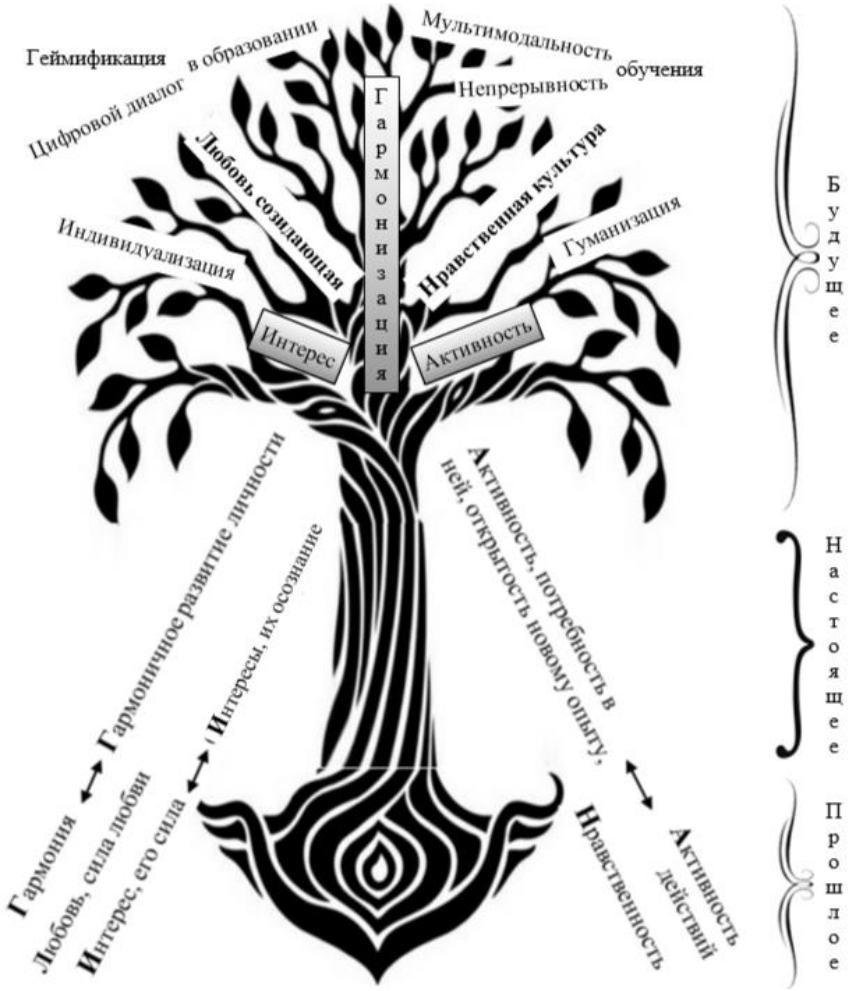
– любовь и сила любви;

– интерес, сила интереса и желания;

– нравственность личности (благоразумие и соблюдение законов морали);

– активность целеведущих действий.

Условно выявленные условия можно обозначить формулой «ГЛИНА» (1) (Гармония, Любовь, Интерес, Нравственность, Активность), что наводит на размышления о мудрости русской («Глину не мять – горшков не видать») и китайской («Прекрасное золото рождается в глинистом песке») поговорок. В настоящее время из формулы (1) «выпали» Любовь и Нравственность (рис. 1).



* составлено автором

Рис. 1. Древо потенциала личности в педагогическом измерении /
Fig. 1. The tree of personality potential in the pedagogical dimension

Из рисунка 1 видим, что в современных условиях формула (1) сократилась до «ГИА» (2): гармония, интерес, активность. В реалиях продолжающейся цифровой трансформации общества и образования [5] к условиям развития потенциала личности должны «вернуться» Любовь (Любовь созидающая [6]) и Нравственность (Нравственная культура [7]).

С учетом выявленных тенденций развития педагогики первоначальная формула потенциала «ГЛИНА», на наш взгляд, будет дополнена гуманизацией и индивидуализацией воспитания,

геймификацией и цифровым диалогом в образовании, мультимодальностью и непрерывностью обучения.

Заключение

Сущность основных педагогических терминов можно содержательно охарактеризовать с учетом их исходного философского значения [8].

Потенциал как интегральная педагогическая категория – внутренняя сила, способная воплотиться в реальность посредством человеческой активности [9]. Аналитическая оценка антично-философских истоков его развития позволила выявить главные, неизменные во времени его составляющие (гармония, интерес, активность). Наряду с любовью и нравственностью они представляют собой «стержень» личности, являются педагогическими ориентирами ее конструктивного развития и реализации ее потенциала, а также ключевыми ценностями российского педагогического образования. Их сохранение обеспечит решение актуальных проблем духовно-нравственного и трудового воспитания.

1. Александрова Л. Ю., Харитонов М. Г. Педагогический анализ истоков развития потенциала личности в философии античности // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 12 А. С. 71–78. URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2023-12/a9-aleksandrova-kharitonov.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

2. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 680 с.

3. Александрова Л. Ю., Харитонов М. Г. Актуальные подходы к исследованию потенциала личности в условиях цифровизации профессионального образования // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 10–А. С. 170–177. URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2023-10/a19-aleksandrova-kharitonov.pdf (дата обращения: 29.05.2024).

4. Романова Е. С., Абушкин Б. М. Ценностно-смысловая направленность личности обучающихся как фактор развития их личностного потенциала // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 5–17. DOI: https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.32.4.01

5. Александрова О. С., Киреева У. А. Цифровизация образования как фактор его трансформации // Информационные технологии в образовании. 2023. № 6. С. 33–37. URL: https://old.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2023/12/11/aleksandrova_o._s.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

6. Никитина Н. Н. Педагогические лики и трансформация любви // Педагогика Культуры. 2005. № 3–4. С. 9. URL: https://pedagogika-cultura.ru/professiya-uchitel/nikitina-n-n-pedagogicheskie-liki-i-transformatsii-lyubvi (дата обращения: 01.06.2024).

7. Франц А. С. Нравственная культура человека как ресурс совершенствования // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2005. № 4 (34). С. 106–113. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennaya-kultura-cheloveka-kak-resurs-sovershenstvovaniya (дата обращения: 01.06.2024).

8. Педагогическое наследие В. А. Сластенина: проблемы воспитания, личностного и профессионального развития / В. А. Сластенин, Л. С. Подымова, Н. А. Подымов и др. М. : Московский педагогический государственный университет, 2020. 290 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44394557 (дата обращения: 22.05.2024).

9. Ницше Ф. Избранные произведения. М. : Просвещение, 1993. 573 с.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 06.08.2024 г.; принята к публикации 03.09.2024 г.

Об авторе

Александрова Людмила Юрьевна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента, Чебоксарский институт (филиал) АНО ВО Московского гуманитарно-экономического университета (428005, Российская Федерация, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 85), *ljudmila.a1exandrova@yandex.ru*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Aleksandrova L. Yu., Kharitonov M. G. Pedagogicheskii analiz istokov razvitiya potentsiala lichnosti v filosofii antichnosti [Pedagogical analysis of the origins of the development of personality potential in the philosophy of antiquity]. *Pedagogicheskii zhurnal* = Pedagogical journal, 2023, vol. 13, no. 12 A, pp. 71–78. Available at: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2023-12/a9-aleksandrova-kharitonov.pdf (accessed 22.0.5.2024). (In Russ.).

2. Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika [Personal potential: structure and diagnosis]. Ed. by D. A. Leontiev. M., Publ. house of Text, 2011, 680 p. (In Russ.).

3. Aleksandrova L. Yu., Kharitonov M. G. Aktual'nye podkhody k issledovaniyu potentsiala lichnosti v usloviyakh tsifrovizatsii professional'nogo obrazovaniya [Current approaches to research the potential of the individual in the conditions of digitalization of vocational education]. *Pedagogicheskii zhurnal* = Pedagogical journal, 2023, vol. 13, no. 10–A, pp. 170–177. Available at: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2023-10/a19-aleksandrova-kharitonov.pdf (accessed 29.05.2024). (In Russ.).

4. Romanova E. S., Abushkin B. M. Tsennostno-smyslovaya napravlennost' lichnosti obuchayushchikhsya kak faktor razvitiya ikh lichnostnogo potentsiala [Value-semantic orientation of students' personality as a factor for development of their personal potential]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya* = System psychology and sociology, 2019, no. 4 (32), pp. 5–17. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.32.4.01

5. Aleksandrova O. S., Kireeva U. A. Tsifrovizatsiya obrazovaniya kak faktor ego transformatsii [Digitalization of education as a factor of its transformation]. *Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii* = Information technologies in education, 2023, no. 6, pp. 33–37. Available at: https://old.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2023/12/11/aleksandrova_o._s.pdf (accessed 12.06. 2024). (In Russ.).

6. Nikitina N. N. Pedagogicheskie liki i transformatsiya lyubvi [Pedagogical faces and transformation of love]. *Pedagogika Kul'tury* = Pedagogy of Culture, 2005, no. 3–4, pp. 9. Available at: https://pedagogika-cultura.ru/professiya-uchitel/nikitina-n-n-pedagogicheskie-liki-i-transformatsii-lyubvi (accessed 01.06.2024). (In Russ.).

7. Frants A. S. Nravstvennaya kul'tura cheloveka kak resurs sovershenstvovaniya [Human moral culture as a resource for improvement]. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya UrO RAO* = Education and science. Izvestia UrO RAO, 2005, no. 4 (34), pp. 106–113. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennaya-kultura-cheloveka-kak-resurs-sovershenstvovaniya (accessed 01.06.2024). (In Russ.).

8. Slastenin V. A., Podymova L. S., Podymov N. A. et al. Pedagogicheskoe nasledie V. A. Slastenina: problemy vospitaniya, lichnostnogo i professional'nogo razvitiya [V. A. Slastenin's pedagogical legacy: problems of upbringing, personal and professional development]. M., Moscow Pedagogical State University Publ., 2020, 290 p. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=44394557 (accessed 22.05.2024). (In Russ.).

9. Nitsshe F. Izbrannye proizvedeniya [Selected essays]. M., Prosveshchenie Publ., 1993, 573 p. (In Russ.).

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 06.08.2024; accepted for publication 03.09.2024.

About the author

Lyudmila Yu. Aleksandrova
Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Cheboksary Institute (branch) of Moscow Humanitarian Economic University (85 Grazhdanskaya St., Cheboksary 428005, Russian Federation), *ljudmila.a1exandrova@yandex.ru*

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 378.881:004.9
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-316-323

ПРИМЕНЕНИЕ GOOGLE-ФОРМ В ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Т. В. Колесова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** Проведение олимпиад и викторин по иностранному языку является одновременно инструментом мониторинга, организации и совершенствования образовательного процесса в вузе. Важной задачей образовательной политики вуза является создание эффективных условий для реализации образования, которое будет соответствовать не только актуальным потребностям современной жизни, но и создаст крепкий фундамент для роста и саморазвития специалистов в будущем. Пандемия COVID-19 в 2020 году в России явилась для педагогов своеобразным толчком для осознания необходимости разработки более качественного цифрового продукта, позволяющего грамотно организовать как аудиторную, так и внеаудиторную работу студентов. В статье анализируются преимущества и недостатки создания и применения цифровых продуктов в Google-формах. ***Целью*** данной работы является разработка двух цифровых продуктов, созданных в Google-формах для проведения языковой олимпиады и страноведческой викторины среди студентов и школьников России в рамках внеаудиторной работы. ***Материалы и методы.*** Разработка и внедрение в учебный процесс данных тестирующих систем основаны на теоретических методах педагогического исследования (теоретический анализ педагогических источников) и эмпирических методах педагогического исследования (наблюдение, изучение документации, изучение продуктов деятельности обучаемых, тестирование, обобщение независимых характеристик), а также на методах статистической обработки данных. ***Результаты исследования, обсуждения.*** Модульная структура тестирующих систем «Online English Language Olympiad – 2023» и «Famous People of The UK and The USA – 2023» включает в себя информационно-методическую поддержку, практико-ориентированный модуль, модуль редактирования и модуль мониторинга. В статье рассматривается функциональное назначение данных систем; их технические, дидактические, методические, психолого-педагогические характеристики. Приведены и проанализированы результаты проведения олимпиады и викторины средствами Google-форм. Даны рекомендации по совершенствованию организации внеаудиторной работы студентов при изучении иностранного языка.

Ключевые слова: внеаудиторная работа, иностранный язык, Google-формы, сервисы Яндекс, Рутуб, мониторинг, образовательная среда, языковая компетенция

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Колесова Т. В.* Применение Google-форм в организации внеаудиторной работы студентов при изучении иностранного языка // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 316–323. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-316-323

APPLICATION OF GOOGLE FORMS IN THE ORGANIZATION OF EXTRACURRICULAR WORK OF STUDENTS STUDYING A FOREIGN LANGUAGE

T. V. Kolesova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** Conducting olympiads and quizzes in a foreign language at a university is a tool for monitoring, organizing as well as improving the educational process. University's educational policy is aimed at creation of effective conditions for the implementation of education, which will meet not only the current needs of modern life, but will also create a strong foundation for the growth and self-development of specialists in the future. The COVID-19 pandemic in Russia in 2020 was a kind of impetus for teachers to realize the need to develop a higher-quality digital product that allows them to competently organize both classroom and extracurricular work for students. The article analyzes the advantages and disadvantages of creating and using digital products in Google Forms. ***The purpose*** of this work is to present two digital products created in Google forms for conducting a language Olympiad and a cross-country quiz among Russian

© Колесова Т. В., 2024

students and schoolchildren as part of extracurricular work. ***Materials and methods.*** The development and implementation of these testing systems in the educational process are based on theoretical methods of pedagogical research (theoretical analysis of pedagogical sources) and empirical methods of pedagogical research (observation, study of documentation, study of the products of students' activities, testing, generalization of independent characteristics), as well as on methods of statistical processing data. ***Research results, discussion.*** The modular structure of the testing systems "Online English Language Olympiad – 2023" and "Famous People of The UK and The USA – 2023" includes information and methodological support, a practice-oriented module, an editing module and a monitoring module. The article discusses the functional purpose of these systems; their technical, didactic, methodological, psychological and pedagogical characteristics. The results of the Olympiad and quiz using Google Forms are presented and analyzed. Recommendations for improving the organization of students' extracurricular work while studying a foreign language are given.

Keywords: extracurricular work, a foreign language, Google forms, Yandex services, Rutube, monitoring, educational environment, language competence

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Kolesova T. V.* Application of Google forms in the organization of extracurricular work of students studying a foreign language. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 316–323. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-316-323

Сегодня как никогда прежде возможно так организовать среду для изучения студентами иностранного языка, что данный процесс будет органично встроен в образовательный процесс. Это реально, поскольку современные средства обучения, применяемые в электронной информационно-образовательной среде, вышли на новый виток развития. Это проявляется в более маневренном взаимодействии обучаемого со средствами электронного обучения, оптимизации создания новых цифровых продуктов педагогами, возможности более качественного мониторинга внеаудиторной работы студентов при изучении иностранного языка.

Для построения успешной карьеры и реализации себя как личности выпускник вуза должен быть мобильным, гибким и способным на самообучение для того, чтобы уметь адаптироваться на современном рынке труда и видеть свои перспективы развития. Главной задачей образовательной политики вуза, таким образом, является создание эффективных условий для реализации образования, которое будет соответствовать не только актуальным потребностям современной жизни, но и создаст крепкий фундамент для роста и саморазвития специалистов в будущем.

Пандемия COVID-19 в 2020 году в России явилась для педагогов своеобразным толчком для осознания необходимости разработки более качественного цифрового продукта, позволяющего не только презентовать учебный материал и контролировать усвоение знаний, умений и навыков студентов в условиях дефицита устной очной коммуникации обучаемого с преподавателем, но и способного на развитие мотивации к обучению и построению собственных стратегий обучения.

Организации внеаудиторной работы студентов, изучающих иностранный язык в том числе с применением телекоммуникационных технологий, посвящено достаточно много исследований (Ю. Б. Виноградова, А. Д. Ефимова, М. В. Зимина, Г. А. Кузнецова, И. Ю. Лавриненко, Н. А. Люляева, И. А. Малинина, Т. П. Попова, О. Н. Поддубская, Е. В. Тимофеева) [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Среда для эффективной внеаудиторной работы при изучении иностранного языка должна удовлетворять ряду педагогических и дидактических условий:

– обеспечение студента собственной стратегией обучения: предоставление методических указаний по выполнению заданий для внеаудиторной работы;

– организация контроля выполнения заданий внеаудиторной работы при использовании эффективных способов обратной связи;

– предоставление студенту дифференцированных учебных заданий;

– создание учебных материалов, реализуемых инновационными средствами обучения, мотивирующих студентов к изучению иностранного языка;

– создание учебных материалов, нацеленных на определение качества приобретенных знаний и на развитие творческого потенциала студентов [7, с. 18–19].

В данной статье рассмотрим более подробно применение Google-форм в учебном процессе вуза. В целом Google-формы – это онлайн-сервис для создания форм обратной связи, онлайн-тестирований и опросов. Сегодня в России все больше педагогов-исследователей используют Google-формы (И. Ю. Лавриненко, И. М. Колышкина, Н. П. Кремнева, С. В. Курзенков, А. В. Родионова и др.) [4; 8; 9]. Сервисы отечественной поисковой системы Яндекс для изучения иностранного языка, также набирают обороты в настоящее время. Стоит особенно отметить применение Яндекс-переводчика в целях развития машинного перевода, а также применение Яндекс-форм, позволяющих как создавать простые и сложные тесты с большим количеством индивидуальных настроек, так и организовать межкорпоративную связь (опросы, сбор обратной связи). Рутуб – российский онлайн-сервис для хостинга и просмотра видео также является эффективным инструментом для изучения иностранного языка. Студенты имеют возможность просмотра фильмов и обучающих видео на иностранном языке.

Нам близка точка зрения С. В. Курзенкова, который отмечает, что, поскольку при применении дистанционных технологий обучения «преподаватели и студенты выступают субъектами интерактивного взаимодействия… при определении средств дистанционной связи с обучаемыми, преподаватель должен исходить из возможности и готовности студентов в организации обратной связи. Эти средства связи должны быть максимально знакомы и интуитивно понятны студентам» [9, с. 218].

Итак, преимуществами Google-форм являются:

– овладение навыками работы с бесплатным сервисом не требует от преподавателя значительных усилий и времени;

– простота в использовании благодаря удобному и интуитивно понятному интерфейсу;

– способствует развитию творческого начала преподавателя, развитию его индивидуального учебно-методического подхода к обучению;

– возможность предъявления информации в текстовой, аудио- и видеоформах;

– доступность в любое время суток и на любых устройствах;

– надежность: поскольку форма хранится в облаке, то в случае повреждения жесткого диска форма останется доступна при наличии ссылки;

– индивидуальное оформление цифрового продукта: формы дают возможность бесплатно выбрать шаблон из большого количества доступных или загрузить свой;

– быстрый качественный анализ результатов: данные предоставляются в различных видах (таблица, диаграмма);

– гибкая система настроек цифрового продукта в любое время (возможность отмены принятия результатов, регулировка способа предъявления результатов, регулировка оценивания результатов в баллах);

– возможность регистрации, что необходимо для идентификации студентов, использующих данный сервис;

– отсутствие привязанности к конкретному дистанционному курсу обучения (что позволяет использовать цифровой продукт в различных конгломерациях обучаемых одновременно: студенты, школьники и так далее).

И все-таки, несмотря на такое обилие преимуществ, Google-формы имеют недостатки:

– отсутствие возможности отслеживать включенность студентов в выполнение работы в конкретное время в конкретном продукте Google-формы;

– для разработки цифрового продукта необходим аккаунт Google (желательно, чтобы у студентов тоже был аккаунт Google);

– предлагаемые в Google-формах типы вопросов ограничены (есть такие типы вопросов: выбор одного / нескольких ответов, сопоставление, самостоятельный ввод ответа);

– при бесплатном использовании сервиса возможно только отменить принятие ответов (бесконтрольное начало выполнения заданий приводит к искажению истинных результатов);

– не все студенты хотят предъявлять адрес своей электронной почты при регистрации (их заботит конфиденциальность своей личной информации), что невозможно при использовании Google-сервисов.

В статье будут проанализированы два цифровых продукта, созданных преподавателями факультета иностранных языков Марийского государственного университета, в рамках

I Международного форума «Языки. Культуры. Этносы» в 2023 году (организатор – факультет иностранных языков Марийского государственного университета): олимпиада среди школьников, бакалавров «Online English Language Olympiad – 2023» и онлайн-викторина среди школьников, бакалавров и магистрантов «Famous People of The UK and The USA – 2023». На данные цифровые продукты в 2023 году получены свидетельства о государственной регистрации программ для ЭВМ.

Выбор именно одного из сервисов Google – Google-форма, был обусловлен всеми вышеперечисленными преимуществами, что естественным образом отражено в их дидактических, методических, психолого-педагогических и технических характеристиках [10, с. 285]. Дидактические характеристики: создание новых цифровых продуктов обеспечивает реализацию таких принципов обучения, как принцип наглядности обучения; принцип преемственности; принцип контроля и прочности обучения; принцип дифференцированного обучения.

Методические характеристики: цифровые продукты содержат информацию о времени проведения мероприятий и регистрационную форму; методические указания для выполнения заданий; осуществляется комплексная проверка и анализ владения различными видами речевой деятельности и сторонами речи на основе вопросов разных типов (выбор одного / нескольких ответов, сопоставление, ввод ответа); возможность дифференцированного оценивания; возможность редактирования и детального анализа выполнения заданий; модульная структура.

Психолого-педагогические характеристики: возможность получения результатов с предъявлением правильного ответа, что создает доверительное отношение к продукту; выявление студентов, владеющих иностранным языком на высоком уровне; создание условий для интеллектуального развития студентов; развитие у студентов таких качеств личности, как воля к победе, самостоятельность, дисциплинированность, креативность; развитие иноязычной компетенции студентов.

Технические характеристики: цифровые продукты разработаны на основе Google-формы, что позволяет использовать данные продукты в Интернете любым пользователем из любой точки мира при наличии ссылки. Реализация дружественного интерфейса, система настроек цифровых продуктов соответствует их целям и задачам (отмена принятия результатов в определенное время, отсроченная высылка результатов).

Участниками викторины и олимпиады и из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Тула, Казань, Чебоксары, Йошкар-Ола, Сибай, Курск и так далее) стали 366 и 238 человек соответственно.

Итак, олимпиада и викторина имеют модульную структуру (рис. 1):

1) ***информационно-методическая поддержка*** (название цифрового продукта, информация об организаторе, обозначение целей и задач цифровых продуктов; регистрация участников, методические рекомендации по выполнению заданий);

2) ***практико-ориентированный модуль*** (разработка структуры цифровых продуктов, разработка заданий различных типов в соответствии с их целями и задачами, выбор соответствующей методологии оценивания заданий и способа предъявления результатов);

3) ***модуль редактирования*** (подбор шаблона, создание заданий, внесение изменений в задания; выставление необходимых настроек);

4) ***модуль мониторинга*** (общая и детальная статистика результатов выполнения заданий).

Рис. 1. Модульная структура онлайн-олимпиады и викторины /
Fig. 1. Modular structure of online competitions and quizzes

При разработке заданий творческих цифровых продуктов, таких как олимпиады, викторины, перед преподавателем всегда возникает задача создания не традиционных заданий, которые студенты и школьники выполняют на занятиях, а заданий более высокого уровня сложности за счет формы предъявления, уровня лексики и грамматики; заданий, которые вызывают интерес и желание в выполнении за счет формы и способа предъявления; заданий, которые развивают, воспитывают и сообщают новые знания. Рассмотрим подробнее содержание и результаты выполнения практико-ориентированных модулей викторины (рис. 2) и олимпиады (рис. 3).

Практико-ориентированный модуль викторины.

Part 1. Wake up your imagination! (Разбуди свое воображение)

• В задании надо догадаться, кто автор книги, по иллюстрации из книги.

Part 2. Figures are important! (Цифры важны!)

• В задании надо догадаться о различных фактах из жизни людей искусства, представленных цифрами.

Part 3. Culture corner (Культурный уголок)

• В задании 1 надо выбрать название фильма по его описанию.

• В задании 2 надо посмотреть видеопрезентацию и выбрать 10 правдивых высказываний.

Удобная форма представления результатов выполнения заданий викторины (рис. 2) позволяет сделать вывод, что, несмотря на превалирование в викторине типов вопросов, которые обычно не вызывают у участников трудность (задания на множественный выбор, где за каждый верно выполненный вопрос участник получает определенный балл), средний балл участников – 34 из 60. Мало кто справился с заданиями на высшие баллы – лишь 18 участников из 366 (от 55 до 60 баллов).

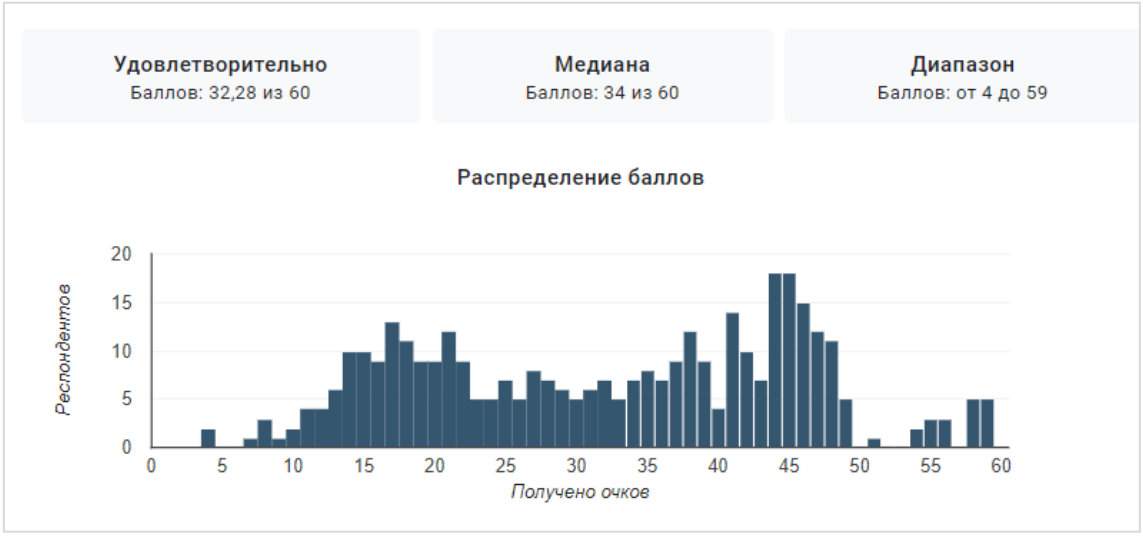


Рис. 2. Результат выполнения заданий в практико-ориентированном модуле викторины /
Fig. 2. The result of completing tasks in the practice-oriented quiz module

Это подтверждается и дополнительной статистикой данного сервиса – статистикой по вопросам, на которые часто даются неправильные ответы.

Самым трудным стало задание на выбор нескольких ответов одновременно. Это задание на просмотр видеопрезентации. Задание усложнено тем, что баллы даются только в случае выбора всех 10 высказываний. Иначе участник получает 0 баллов. С данным вопросом справились 22 участника из 366, то есть 6 % от общего числа участников.

Если в практико-ориентированном модуле викторины мы уделяем больше внимания на форму и способ предъявления информации и делаем акцент на необычные факты, то в практико-ориентированном модуле олимпиады, где виды заданий (аудирование, чтение, лексика и грамматика) в целом достаточно традиционны, мы больше сосредоточиваем свое внимание на выборе типов вопросов (множественный выбор, сопоставление, самостоятельный ввод слова (от основы), самостоятельный ввод слова (без основы), самостоятельный ввод слова фразы (перефразирование)), которые способны усложнить задания, но при этом мотивируя участников добиться верного ответа.

Анализ результата выполнения заданий в практико-ориентированном модуле олимпиады (рис. 3) позволяет сделать вывод, что средний балл участников – 21, мало, кто справился с заданиями на высшие баллы – 6 участников (от 71 до 90 баллов).

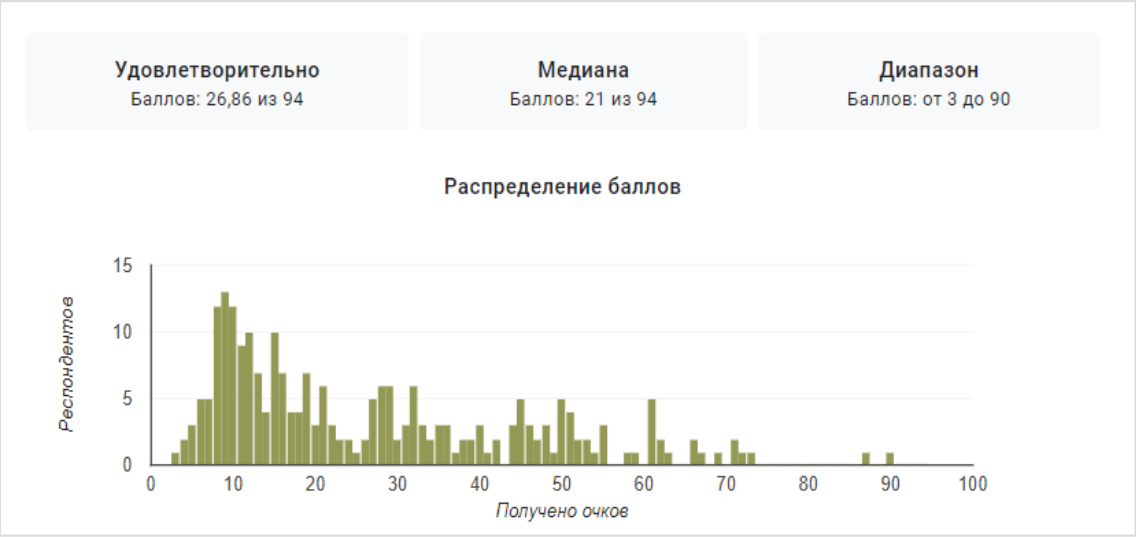


Рис. 3. Результат выполнения заданий в практико-ориентированном модуле олимпиады /
Fig. 3. The result of completing tasks in the practice-oriented module of the Olympiad

Это подтверждается и дополнительной статистикой данного сервиса – статистикой по вопросам, на которые часто даются неправильные ответы. 57 вопросов из 70 в целом по олимпиаде вызвали у участников очень большие затруднения. Проанализировав статистику в олимпиаде, отметим:

– наименее сложными заданиями стали вопросы на сопоставление из раздела «Чтение» (10 из 16 вопросов); задания на множественный выбор из раздела «Лексика» и «Грамматика» (5 из 8 вопросов);

– наиболее сложными стали задания на самостоятельный ввод слов / фраз (16 из 16 вопросов) и на перефразирование (10 вопросов из 10).

Трудный уровень олимпиады (С1) выявил наиболее сильных студентов и школьников. В дальнейшем с ними планируется работа по совершенствованию их языковой компетенции при изучении английского языка.

По результатам анализа результатов олимпиады и викторины были сделаны рекомендации по преподаванию английского языка в школе и в вузе с целью подготовки студентов и школьников к участию в дальнейших мероприятиях подобного типа:

1) на занятиях по английскому языку следует увеличить долю заданий с повышенным уровнем сложности: самостоятельный ввод текста от / без основы, перефразирование;

2) пересмотреть содержание такого аспекта обучения, как внеаудиторная (самостоятельная) работа для обеспечения студентов / школьников стратегиями самообучения и необходимым инструментарием для самостоятельного изучения английского языка;

3) организовать лингвистические клубы, кружки для развития социокультурных знаний студентов, где они могли бы не только общаться на языке на определенную тему, но и обогащали бы свои знания посредством просмотров и обсуждения видеофильмов на английском языке, драматизацией произведений англоязычных авторов, воспроизведения песен на английском языке.

В заключение отметим, что проведение таких внеаудиторных мероприятий, как олимпиада и викторина в Google-форме, не только интегративно включается в образовательное пространство университета и школы, но и способствует преемственности в обучении. Это позволяет преподавателям и обучаемым на разных ступенях обучения идти в ногу со временем, при этом качественно организуя и контролируя внеаудиторную работу при изучении иностранного языка.

1. Ефимова А. Д., Поддубская О. Н. Актуальность применения ИКТ на уроке иностранного языка в период пандемии (на примере использования сервиса «GOOGLE FORMS») // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 1. С. 42–49. URL: https://vestnikggtu.ru/актуальность-применения-иктна-уроке (дата обращения: 03.06.2024).

2. Зимина М. В., Люляева Н. А. Использование информационно-коммуникационных технологий в преподавании иностранных языков // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=26678 (дата обращения: 03.06.2024)

3. Кузнецова Г. А. Оптимизация процесса обучения иностранному языку в гуманитарном вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 3 (802). С. 64–71. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-protsessa-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-gumanitarnom-vuze (дата обращения: 01.06.2024).

4. Лавриненко И. Ю. Опыт использования Гугл-форм в образовательном процессе (на материале обучения иностранному языку) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 4 (33). С. 134–137. DOI: https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-33-134-137

5. Попова Т. П., Малинина И. А. Использование онлайн-курса как компонента технологии смешанного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе // Педагогика и психология образования. 2020. № 1. С. 125–145. DOI: https://doi.org/10.31862/2500-297X-2020-1-125-145

6. Тимофеева Е. В., Виноградова Ю. Б. Активизация учебно-познавательной деятельности студентов средствами ИКТ // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 96–99. URL: https://elibrary.ru/tbfmpr (дата обращения: 03.06.2024).

7. Колесова Т. В. Организация среды для самостоятельного изучения английского языка средствами ИКТ в вузе // Образование и саморазвитие. 2013. № 2 (36). С. 18–24. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=19050970 (дата обращения: 07.06.2024).

8. Колышкина И. М., Кремнева Н. П., Родионова А. В. Дистанционное обучение: исторический и прагматический аспекты (из опыта работы с иностранными слушателями на предвузовском этапе обучения) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (29). С. 108–112. DOI: https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-29-108-112

9. Курзенков С. В. Опыт использования информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе УО БГСХА: пути и перспективы развития // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 1. С. 217–224. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-ispolzovaniya-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-v-uchebnom-protsesse-uo-bgsha-puti-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 01.06.2024).

10. Колесова Т. В. Применение новых информационных технологий для проведения языковой олимпиады среди магистрантов // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 3. С. 283−289. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-3-283-289

Статья поступила в редакцию 15.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 19.08.2024 г.; принята к публикации 16.09.2024 г.

Об авторе

Колесова Татьяна Валерьевна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иноязычной речевой коммуникации, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6951-8252, *kolesova_tv@inbox.ru*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Efimova A. D., Poddubskaya O. N. Aktual'nost' primeneniya IKT na uroke inostrannogo yazyka v period pandemii (na primere ispol'zovaniya servisa “GOOGLE FORMS”) [Relevance of ICTS application in a foreign language lesson during the pandemic (using the Google Forms service as an example)]. *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta* = Vestnik of State University of Humanities and Technology, 2022, no. 1, pp. 42–49. Available at: https://vestnikggtu.ru/актуальность-применения-иктна-уроке (accessed 03.06.2024). (In Russ.).

2. Zimina M. V., Lyulyaeva N. A. Ispol'zovanie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v prepodavanii inostrannykh yazykov [Informaton and communication technologies use in foreign languages teaching]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern problems of science and education, 2017, no. 4. Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=26678 (accessed 03.06.2024) (In Russ.).

3. Kuznetsova G. A. Optimizatsiya protsessa obucheniya inostrannomu yazyku v gumanitarnom vuze [Optimization of the process of foreign language learning in a humanitarian university]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching, 2018, no. 3 (802), pp. 64–71. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-protsessa-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-gumanitarnom-vuze (accessed 01.06.2024). (In Russ.).

4. Lavrinenko I. Yu. Opyt ispol'zovaniya Gugl-form v obrazovatel'nom protsesse (na materiale obucheniya inostrannomu yazyku) [Experience of using Google forms in the educational process (based on teaching foreign language)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research, 2021, no. 4 (33), pp. 134–137. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-33-134-137

5. Popova T. P., Malinina I. A. Ispol'zovanie onlain-kursa kak komponenta tekhnologii smeshannogo obucheniya inostrannym yazykam v neyazykovom vuze [The use of online course as part of blended leaning technology in teaching foreign languages at non-linguistic university]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* = Pedagogy and Psychology of Education, 2020, no. 1, pp. 125–145. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31862/2500-297X-2020-1-125-145

6. Timofeeva E. V., Vinogradova Yu. B. Aktivizatsiya uchebno-poznavatel'noi deyatel'nosti studentov sredstvami IKT [Activation of students' educational-cognitive activity with information and communications technologies]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = World of Science, Culture and Education, 2014, no. 5 (48), pp. 96–99. Available at: https://elibrary.ru/tbfmpr (accessed 03.06.2024). (In Russ.).

7. Kolesova T. V. Organizatsiya sredy dlya samostoyatel'nogo izucheniya angliiskogo yazyka sredstvami IKT v vuze [Organization of an environment for independent learning of English using ICT at a university]. *Obrazovanie i samorazvitie* = Education and self-development, 2013, no. 2 (36), pp. 18–24. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=19050970 (accessed 07.06.2024). (In Russ.).

8. Kolyshkina I. M., Kremneva N. P., Rodionova A. V. Distantsionnoe obuchenie: istoricheskii i pragmaticheskii aspekty (iz opyta raboty s inostrannymi slushatelyami na predvuzovskom etape obucheniya) [Distance learning: historical and pragmatic aspects (from the experience of working with foreign students at the pre-university stage of training)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research, 2020, no. 4 (29), pp. 108–112. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-29-108-112

9. Kurzenkov S. V. Opyt ispol'zovaniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v uchebnom protsesse UO BGSKhA: puti i perspektivy razvitiya [S. V. Kurzenkov. The experience of using information-communication technologies in educational process at Belarusian State Agricultural Academy: ways and prospects of development]. *Vestnik Belorusskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii* = Bulletin of the Belarussian State Agricultural Academy, 2021, no. 1, pp. 217–224. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-ispolzovaniya-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-v-uchebnom-protsesse-uo-bgsha-puti-i-perspektivy-razvitiya (accessed 01.06.2024). (In Russ.).

10. Kolesova T. V. Primenenie novykh informatsionnykh tekhnologii dlya provedeniya yazykovoi olimpiady sredi magistrantov [Application of new information technologies for conducting a language Olympiad among graduates]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University. 2021, vol. 15, no. 3, pp. 283−289. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-3-283-289

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 19.08.2024; accepted for publication 16.09.2024.

About the author

Tatyana V. Kolesova
Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of Department of Foreign Language Speech Communication, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6951-8252, *kolesova_tv@inbox.ru*

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 378.046.4
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-324-332

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О. Е. Кропотова[1,2], Е. В. Кондратенко[1]

[1,2]Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
[2]Марийский институт образования, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** Значимую роль в развитии непрерывного профессионального образования педагогов играет научно-методическое сопровождение педагогических работников как комплекс взаимосвязанных целенаправленных действий, мероприятий, направленных на оказание всесторонней помощи педагогу в решении возникающих затруднений, способствующих его развитию и самоопределению на протяжении всей профессиональной деятельности. ***Цель исследования*** – выявить и обосновать организационно-педагогические условия, способствующие эффективному управлению развитием региональной системы дополнительного профессионального образования педагогов. ***Материалы и методы:*** теоретический анализ, обобщение, моделирование, SWOT-анализ, анкетирование, тестирование, метод экспертной оценки. ***Результаты исследования, обсуждения.*** Выявлены, научно обоснованы и экспериментально подтверждены организационно-педагогические условия научно-методического сопровождения педагогических работников в условиях региональной системы дополнительного профессионального образования: создание единого информационно-образовательного пространства научно-методического сопровождения педагогов средствами механизмов сетевого взаимодействия; проектирование и реализация индивидуальных образовательных маршрутов, обеспечивающих развитие профессионального мастерства педагогических работников с учетом социально-экономических характеристик региона и регионального образовательного пространства; выявление, систематизация, отбор и распространение эффективных региональных практик наставничества; системная оценка результативности научно-методического сопровождения педагогических работников в региональной системе дополнительного образования. ***Заключение.*** Эффективность выявленных организационно-педагогических условий в процессе реализации модели научно-методического сопровождения педагогических работников в условиях региональной системы дополнительного профессионального образования были подтверждены результатами проведенного нами педагогического эксперимента. В экспериментальной части исследования приняли участие 2178 педагогов из 249 образовательных организаций Республики Марий Эл. Показатель абсолютного прироста педагогических работников, получивших адресную методическую поддержку в разработке и реализации индивидуальных образовательных маршрутов, составил 5 %, обеспеченных персональным сопровождением в процессе повышения квалификации и педагогического мастерства при реализации индивидуальных образовательных маршрутов, – 100 %, молодых педагогов, вовлеченных в различные формы поддержки и сопровождения, от общего числа молодых педагогов – 98,5 %. Положительная динамика отмечена по всем показателям организации повышения квалификации педагогических работников в рамках реализации приоритетных федеральных программ.

Ключевые слова: научно-методическое сопровождение, региональная система дополнительного образования педагогов, организационно-педагогические условия управления развитием, индивидуальный образовательный маршрут

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Кропотова О. Е., Кондратенко Е. В.* Организация научно-методического сопровождения педагогических работников в региональной системе дополнительного профессионального образования // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 324–332. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-324-332

ORGANIZATION OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT FOR TEACHING STAFF IN THE REGIONAL SYSTEM OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

O. E. Kropotova[1,2], E. V. Kondratenko[1]

[1,2]Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation
[2]Mari Institute of Education, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** A significant role in the development of continuous professional education of teachers is played by scientific and methodological support of teaching staff as a complex of interconnected targeted actions

© Кропотова О. Е., Кондратенко Е. В., 2024

and events aimed at providing comprehensive assistance to the teacher in solving emerging difficulties, contributing to his development and self-determination throughout his professional activity. ***The purpose*** of the study is to identify and substantiate organizational and pedagogical conditions that contribute to the effective management of the development of a regional system of additional professional education for teachers. Materials and methods: theoretical analysis, generalization, modeling, questionnaires, testing, expert assessment method. ***Results, discussion.*** The organizational and pedagogical conditions for scientific and methodological support of teaching staff in the context of the regional system of additional professional education have been identified, scientifically substantiated and experimentally confirmed: the creation of a unified information and educational space for scientific and methodological support of teachers by means of network interaction mechanisms; design and implementation of individual educational routes that ensure the development of professional skills of teaching staff, taking into account the socio-economic characteristics of the region and the regional educational space; identification, systematization, selection and dissemination of effective regional mentoring practices; systematic assessment of the effectiveness of scientific and methodological support for teaching staff in the regional system of additional education. ***Conclusion:*** The effectiveness of the identified organizational and pedagogical conditions in the process of implementing the model of scientific and methodological support for teaching staff in the context of the regional system of additional professional education was confirmed by the results of the pedagogical experiment we conducted. 2178 teachers from 249 educational organizations of the Republic of Mari El took part in the experimental part of the study. The absolute increase in the number of teaching staff who received targeted methodological support in the development and implementation of individual educational routes was 5 %, those provided with personal support in the process of improving their qualifications and pedagogical skills in the implementation of individual educational routes was 100 %, young teachers involved in various forms of support and support, from the total number of young teachers 98.5 %. Positive dynamics were noted for all indicators of the organization of advanced training of teaching staff within the framework of the implementation of priority federal programs.

Keywords: scientific and methodological support, regional system of additional education for teachers, organizational and pedagogical conditions for development management, individual educational route

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Kropotova O. E., Kondratenko E. V.* Organization of scientific and methodological support for teaching staff in the regional system of additional professional education. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 324–332. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-324-332

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 76)[1] дополнительное профессиональное образование определяется как образование, направленное на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды. Различные подходы к определению целей, содержания и форм организации дополнительного профессионального педагогического образования, характеристика региональных аспектов развития и функционирования дополнительного профессионального образования педагогов представлены в исследованиях Е. П. Тонконогой, И. Ю. Алексашиной, Н. И. Мицкевича, О. В. Давлятшиной, А. А. Орлова, В. Ю. Кричевского, Э. М. Никитина, Н. М. Чегодаева, Н. И. Яковлева и др. [1; 2; 3]. Значимой функцией современного дополнительного профессионального образования педагога является организация процесса научно-методического сопровождения его деятельности. В Концепции создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров (2022 г.)[2], разработанной на основе Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской

[1] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

[2] Распоряжение Минпросвещения России от 16.12.2020 № Р-174 (ред. от 16.01.2024) «Об утверждении Концепции создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403234/c7df5a12ad3b16cb33672489c761128b99d6bbc3/ (дата обращения: 23.04.2023).

Федерации на период до 2030 года»[1]; распоряжения Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2019 г. № 3273-р; паспорта федерального проекта «Современная школа» национального проекта «Образование» (утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16), актуальность создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров определяется значимостью профессиональной деятельности педагогов в достижении приоритетных национальных задач и обеспечении повышения качества образования. В работах современных исследователей (А. А. Кашаев, А. А. Петренко, Н. О. Яковлева) выделены ведущие направления по реализации научно-методического сопровождения в условиях региональной системы дополнительного профессионального образования педагогов: инновационное развитие, проектно-исследовательская деятельность, кооперация и координация с наукой, реализация экспертной функции, сохранение единства образовательного пространства, внедрение цифровых технологий и гибких траекторий обучения [4; 5; 6]. В современной педагогической науке научно-методическое сопровождение педагога рассматривается как способ сопровождения педагогического труда (Е. И. Казакова, М. Г. Сергеева, А. С. Соколова и др.) [7]; как механизм управления процессами развития в образовательном учреждении (В. С. Лазарев, А. П. Тряпицына и др.) [8]; как средство развития педагогического творчества учителя, проектирования педагогических систем, управления профессионально-личностным развитием педагогов (Е. С. Заир-Бек, М. М Поташник, О. Г. Прикот и др.) [9]; как специально организованная деятельность, направленная на повышение квалификации педагогов, их подготовку к решению новых задач в условиях модернизации образования (Е. Р. Блинова, В. И. Зверева, С. В. Кульневич, Т. П. Лакоценина, В. М. Лизинский, Н. В. Немова, М. Н. Певзнер и др.) [10]. В ряде диссертационных исследований [11] научно-методическое сопровождение педагога представлено как деятельность по разрешению актуальных проблем инновационного развития учителя (Е. В. Шушакова); как деятельность, реализующая право личности на выбор пути своего развития (Л. Г. Тарита[2]); как одно из средств профессионального развития педагогов (В. П. Ларина); как результат количественных и качественных, содержательных и структурных преобразований личности педагога (С. В. Кирдянкина).

Научно-методическое сопровождение деятельности учителя определяется нами как комплекс взаимосвязанных целенаправленных действий, мероприятий, направленных на оказание всесторонней помощи учителю в решении возникающих затруднений, способствующих его развитию и самоопределению на протяжении всей профессиональной деятельности.

Анализ современных исследований и опыта регионов [12; 13] позволяет утверждать, что ввиду сложности и многоаспектности процесса научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров его полноценное и эффективное осуществление возможно только с учетом специфики региональной системы дополнительного профессионального образования. В связи с этим на констатирующем этапе опытно-экспериментальной работы нами был проведен мониторинг научно-методического сопровождения педагогических работников в региональной системе дополнительного профессионального образования. На основе результатов мониторинга был осуществлен SWOT-анализ, в ходе которого выявлен ряд рисков и проблем, связанных с организацией научно-методического сопровождения педагогических работников в региональной системе дополнительного профессионального образования, определены перспективы его реализации с учетом региональных особенностей. К сильным сторонам региональной системы дополнительного профессионального образования относятся реализация с 2013 года в республике адаптивной, многовекторной модели повышения квалификации педагогов; вовлеченность не менее 30 % педагогов республики в конкурсную, экспертную и проектную деятельность; проведение

[1] Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012 (дата обращения: 23.04.2023).

[2] Тарита Л. Г. Методическое сопровождение инновационных процессов в районной образовательной системе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. 22 с.

мероприятий по поддержке и сопровождению молодых педагогов; опыт сетевого партнерства в повышении квалификации; реализация программ наставничества в отдельных образовательных организациях; учет этнорегионального компонента в проектировании программ дополнительного профессионального образования. К слабым сторонам региональной системы дополнительного профессионального образования можно отнести нерациональное использование ресурсов и потенциала различных субъектов научно-методического сопровождения; стихийный характер их сетевого взаимодействия, разрозненность цифровых систем и ресурсов системы дополнительного профессионального образования региона. В связи с этим перспективными векторами развития региональной системы дополнительного профессионального образования обозначены вариативность и дифференциация моделей и программ для педагогических работников разной квалификации и уровня профессионального развития. К основным рискам нами отнесены дефицит педагогических кадров в системе образования региона, неприятие участниками образовательного процесса изменений в содержании и формах повышения квалификации, нехватка высококвалифицированных специалистов; неэффективная коммуникация субъектов научно-методического сопровождения.

В ходе исследования нами была разработана модель научно-методического сопровождения педагогических работников в условиях региональной системы дополнительного профессионального образования, состоящая из трех блоков: теоретического, включающего целевой и методологический компоненты; процессуального, объединяющего содержательный и организационно-процессуальный компоненты; оценочно-аналитического, который включает аналитико-результативный компонент модели, описывающий систему оценивания результатов ее реализации через критерии и показатели результативности.

Под организационно-педагогическими условиями, обеспечивающими эффективности функционирования представленной модели, понимается комплекс внешних и внутренних обстоятельств, обеспечивающих достижение конкретной цели и упорядочивание построения и реализации педагогической стратегии научно-методического сопровождения педагогических работников в региональной системе дополнительного образования. В число организационно-педагогических условий, обеспечивающих эффективность научно-методического сопровождения педагогов в региональной системе дополнительного профессионального образования нами были включены создание единого информационно-образовательного пространства научно-методического сопровождения педагогов средствами механизмов сетевого взаимодействия; проектирование и реализация индивидуальных образовательных маршрутов, обеспечивающих развитие профессионального мастерства педагогических работников с учетом социально-экономических характеристик региона и регионального образовательного пространства; выявление, систематизация, отбор и распространение эффективных региональных практик наставничества; организация системной оценки результативности научно-методического сопровождения педагогических работников в региональной системе дополнительного образования.

Опытно-экспериментальная работа была реализована в 2021–2024 гг. на базе ГБУ ДПО «Марийский институт образования» и состояла из трех этапов: констатирующего, формирующего и обобщающего. Всего в педагогическом эксперименте приняли участие 2178 педагогов из 249 образовательных организаций Республики Марий Эл. При реализации первого педагогического условия – *создания единого информационно-образовательного пространства научно-методического сопровождения педагогов средствами механизмов сетевого взаимодействия* – мы исходили из определения современными авторами сетевого взаимодействия как системы связей, обеспечивающих деятельность профессионального педагогического сообщества по совместному использованию ресурсов информационно-образовательного пространства. На этапе формирующего эксперимента в информационно-образовательное пространство научно-методического сопровождения педагогических работников Республики Марий Эл были интегрированы различные автоматизированные информационные системы: база данных педагогических работников Республики Марий Эл, автоматизированная система «Аттестация педагогических работников», система дистанционного обучения, сервис «Цифровой кабинет методиста». Сформированы реестры педагогических

работников: «Региональный методический актив» (2022 г.), объединивший 95 педагогов-методистов образовательных организаций, расположенных во всех муниципалитетах республики, «Актив наставников» (2022 г.), в который вошло 112 педагогов-наставников из 89 образовательных организаций, создано «Региональное учебно-методическое объединение» (2017 г.), ориентированное на координацию действий общеобразовательных организаций в обеспечении качества и развития содержания общего образования.

Кроме того, при реализации сетевого взаимодействия был использован потенциал инновационной инфраструктуры Республики Марий Эл, представленный 54 региональными инновационными площадками. В их числе 11 исследовательских площадок, 32 пилотных, 8 стажировочных, 2 учебно-методических лаборатории, 1 межшкольный методический центр, а также современные инфраструктурные объекты региона: «Точка роста», «Кванториум», «IT-куб», что позволило не только познакомить педагогов, включенных в систему научно-методического сопровождения, с инновационными моделями содержания образования и управления системой образования, но и организовать их непосредственную интеграцию в инновационную и исследовательскую деятельность в процессе стажировок на региональных инновационных площадках.

В процессе реализации второго организационно-педагогического условия – *проектирования и реализации индивидуальных образовательных маршрутов, обеспечивающих развитие профессионального мастерства педагогических работников с учетом социально-экономических характеристик региона и регионального образовательного пространства,* – были выявлены основные дефициты в области профессиональной компетентности педагогических работников образовательных организаций. Было проведено диагностирование 680 педагогов республики, на основании оценки профессиональных дефицитов которых составлены индивидуальные образовательные маршруты как целенаправленные проектируемые дифференцированные образовательные программы, обеспечивающие позиции субъекта выбора, разработки и реализации личной программы развития при осуществлении научно-методического сопровождения его профессионального развития. Образовательные мероприятия в рамках прохождения индивидуального образовательного маршрута были зафиксированы в республиканской базе данных педагогических работников и включали курсы переподготовки и повышения квалификации, краткосрочные семинары, мероприятия с участием из разных субъектов научно-методического сопровождения, индивидуальные и групповые стажировки педагогов в образовательных организациях, участие в деятельности методических объединений различного уровня, участие в конкурсах профессионального мастерства, различные виды самообразования, дистанционное обучение, обобщение и распространение профессионального опыта работы, работу в творческих и проектных группах и др. За период формирующего эксперимента в рамках реализуемых индивидуальных образовательных маршрутов на базе ГБУ ДПО «Марийский институт образования» было проведено 147 курсов переподготовки и повышения квалификации, организовано более 900 краткосрочных семинаров и вебинаров, 55 индивидуальных и 68 групповых стажировок педагогов в образовательных организациях республики.

Третье организационно-педагогическое условие состояло в *выявлении, систематизации, отборе и распространении эффективных региональных практик наставничества.* Среди 6038 педагогов в эксперименте приняли участие 357 молодых педагогов со стажем работы до 3 лет, что составляет 6 % от общего числа педагогических работников. Основной целью работы с молодыми специалистами в процессе научно-методического сопровождения являлось создание условий для их непрерывного профессионального роста с учетом методических, педагогических запросов-дефицитов и личностных качеств, способствующих снижению проблем адаптации к условиям работы в образовательных организациях, планомерному вхождению в профессиональную деятельность в сопровождении педагога-наставника. В связи с этим в ходе формирующего эксперимента была актуализирована деятельность республиканского совета молодых педагогов и совета наставников, организовано участие молодых педагогов в ежегодном межрегиональном форуме молодых педагогов и наставников «Таир», который проводится в Республике Марий Эл

с 2010 года с целью укрепления и дальнейшего развития кадрового потенциала региональной системы образования, формирования профессионального педагогического сообщества, повышения профессионального мастерства и гражданской активности молодых педагогов. Участниками форума в 2023 году стали 352 молодых педагога республики из 68 субъектов Российской Федерации. С целью поддержки молодых педагогов, содействия их профессиональному росту, привлечения к решению проблем в области образования и воспитания организованы и проведены такие республиканские научно-практические конференции, как «Педагогическая премьера» (МОУ «Советская средняя общеобразовательная школа № 2»), «Шаг вперед» (МОУ «Звениговский лицей)» и др., участниками которых стали более 120 молодых педагогов республики. Распространение эффективных региональных практик наставничества осуществлялось через деятельность региональных инновационных площадок «Разработка индивидуальной траектории личностного развития молодых педагогов гимназии в условиях реализации республиканской системы учительского роста», «Центр методического сопровождения «Слышать сердцем» как ресурс непрерывного профессионального развития педагогов, работающих с категорией лиц с нарушениями слуха, речи и комплексными нарушениями» (ГБОУ Республики Марий Эл «Семеновская школа-интернат», с 2022 г.), «Профессиональное и личностное развитие педагогов в условиях образовательной экосистемы лицея» (МОУ «Лицей г. Козьмодемьянска», с 2021 г). В 2022 году Советом наставников Республики Марий Эл был инициирован проект «Вторник с наставником», организованы профессиональные конкурсы «Педагогический дебют» и «Педагогический дуэт», участниками которых стали более 200 молодых педагогов и их наставников, проведены республиканские фестивали методических разработок, творчества молодых педагогов и наставников. В качестве виртуального инструмента создания информационной среды наставничества молодых специалистов республики в социальной сети «ВКонтакте» создано сообщество «Совет молодых педагогов Республики Марий Эл» (https://vk.com/young_teachers_rme).

Четвертое организационно-педагогическое условие касалось *организации системной оценки результативности научно-методического сопровождения педагогических работников в региональной системе дополнительного образования.* К основным критериям эффективности научно-методического сопровождения педагогических работников в региональной системе дополнительного профессионального образования нами были отнесены критерий повышения профессионального мастерства педагогических работников образовательных организаций региона; критерий устранения дефицита педагогических кадров в регионе; критерий повышения квалификации педагогических работников региона в рамках реализации приоритетных федеральных программ. Обобщающий этап опытно-экспериментальной работы был реализован посредством сравнения, обобщения и анализа данных проведенных опросов и диагностик, полученных на констатирующем (стартовая диагностика) и обобщающем (контрольная диагностика) этапах эксперимента. Обобщенные данные оценки результативности научно-методического сопровождения педагогических работников в региональной системе дополнительного образования позволяют утверждать, что в результате реализации выделенных нами организационно-педагогических условий в 2024 году по сравнению с 2022 годом на 57,8 % возросла доля педагогов, прошедших диагностику профессиональных дефицитов, и на 7,1 % снизилось количество педагогов, имеющих профессиональные дефициты в предметных областях. Доля молодых педагогов, вовлеченных в различные формы поддержки и сопровождения, от общего числа молодых педагогов в республике выросла на 29 % и составила 98,5 %. Позитивные изменения произошли во всех показателях, связанных с организацией повышения квалификации педагогических работников в рамках реализации приоритетных федеральных программ. Показатель абсолютного прироста педагогических работников, получивших адресную методическую поддержку в разработке и реализации индивидуальных образовательных маршрутов, составил 5 %, обеспеченных персональным сопровождением в процессе повышения квалификации и педагогического мастерства при реализации индивидуальных образовательных

маршрутов – 100 %. Статистическая достоверность результатов исследования была доказана методами математической статистики: для выявления различий в уровне исследуемого признака для зависимых выборок применялся t-критерий Стьюдента, для независимых – критерий Манна – Уитни; для выявления степени зависимости использовался коэффициент корреляции Пирсона, для анализа изменений признака под влиянием контролируемых условий – двухфакторный анализ.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают эффективность сформулированных нами в качестве гипотезы организационно-педагогических условий научно-методического сопровождения педагогических работников в условиях региональной системы дополнительного профессионального образования.

1. Александрова Е. А. Научно-методическое сопровождение педагогов // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 14–21. DOI: https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-6-117-14-21

2. Ильина А. В., Коптелов А. В., Машуков А. В. Особенности научно-методического сопровождения развития инновационной инфраструктуры общего образования Челябинской области // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. С. 61. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36344858 (дата обращения: 26.05.2024).

3. Кашаев А. А., Петренко А. А. Ведущие направления научно-методического сопровождения педагогических кадров в условиях дополнительного профессионального образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 2 (94). С. 149–156. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/veduschie-napravleniya-nauchno-metodicheskogo-soprovozhdeniya-pedagogicheskih-kadrov-v-usloviyah-dopolnitelnogo-professionalnogo (дата обращения: 30.05.2024).

4. Давлятшина О. В. Сущность, структура и содержание научно-методического сопровождения в современных условиях развития общеобразовательной организации. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 44–48. URL: http://www.nauteh-journal.ru/index.php/--gn17-03/3241-a (дата обращения: 20.04.2024).

5. Яковлева Н. О. Структура региональной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров // Педагогическая перспектива. 2021. № 3. С. 27–39. DOI: https://doi.org/10.55523/27822559_2021_3_27

6. Яковлева Н. О. Педагогические условия научно-методического сопровождения региональной инновационной сетевой инфраструктуры, обеспечивающей непрерывный рост профессионального мастерства учителя // Педагогическая перспектива. 2024. № 2 (14). С. 43–53. DOI: https://doi.org/10.55523/27822559_2024_2(14)_43

7. Сергеева М. Г., Соколова А. С. Научно-методическое сопровождение непрерывности профессионального совершенствования педагогов // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67–1. С. 219–222. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-metodicheskoe-soprovozhdenie-nepreryvnosti-professionalnogo-sovershenstvovaniya-pedagogov (дата обращения: 20.04.2024).

8. Тряпицына А. П., Писарева С. А. Современные методологические подходы к исследованию педагогического образования // Человек и образование. 2014. № 3. С. 4–13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metodologicheskie-podhody-k-issledovaniyu-pedagogicheskogo-obrazovaniya (дата обращения: 21.04.2024).

9. Поташник М. М. Управление профессиональным ростом учителя в современной школе. М. : Педагогическое общество России, 2011. 448 с.

10. Научно-методическое сопровождение персонала школы: педагогическое консультирование и супервизия : монография / М. Н. Певзнер, О. М. Зайченко, В. О. Букетов и др. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. 316 с.

11. Коротаева Е. В. О роли научно-методического сопровождения в развитии теории и практики образования // Педагогическое образование в России. 2015. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-nauchno-metodicheskogo-soprovozhdeniya-v-razvitii-teorii-i-praktiki-obrazovaniya (дата обращения: 26.02.2024).

12. Фрицко Ж. С., Жижина И. В. Региональная модель научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров Свердловской области // ИРО-ЭКСПРЕСС: Профессиональное развитие педагога: ресурсы, механизмы и маршруты : сборник статей. Екатеринбург, 2021. С. 5–10. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46288473 (дата обращения: 21.04.2024).

13. Региональная модель подготовки педагогических кадров как объект исследования / Л. Ф. Шаламова, Д. М. Марусяк, Т. Н. Владимирова, Н. Ю. Лесконог // Science for Education Today. 2022. Т. 12. № 1. С. 99–125. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2201.05

Статья поступила в редакцию 20.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 23.07.2024 г.; принята к публикации 29.08.2024 г.

Об авторах

Кропотова Оксана Евгеньевна
аспирант, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), проректор по учебно-методической работе, Марийский институт образования, (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, д. 41), *oekroll@gmail.com*

Кондратенко Елена Валентиновна
кандидат педагогических наук, профессор, директор педагогического института, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), *inped@marsu.ru*

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Aleksandrova E. A. Nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie pedagogov [Scientific and methodological support of teachers]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* = Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 2020, no. 6 (117). pp. 14–21. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-6-117-14-21

2. Ilina A. V., Koptelov A. V., Mashukov A. V. Osobennosti nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniya razvitiya innovatsionnoi infrastruktury obshchego obrazovaniya Chelyabinskoi oblasti [Features of scientific and methodical support of general education's innovative infrastructure development in Chelyabinsk Region]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern problems of science and education, 2018, no. 4, p. 61. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36344858 (accessed 26.05.2024). (In Russ.).

3. Davlyatshina O. V. Sushchnost', struktura i soderzhanie nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniya v sovremennykh usloviyakh razvitiya obshcheobrazovatel'noi organizatsii [Essence, structure and content of scientific and methodological support in modern conditions of development of education organization]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* = Modern science: actual problems of theory and practice. Series of "Humanities", 2017, no. 3. pp. 44–48. Available at: http://www.nauteh-journal.ru/index.php/--gn17-03/3241-a (accessed 20.04.2024). (In Russ.).

4. Kashaev A. A., Petrenko A. A. Vedushchie napravleniya nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniya pedagogicheskikh kadrov v usloviyakh dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [The leading directions of scientific and methodological support of teaching staff in conditions of additional professional education]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* = Society: sociology, psychology, pedagogy, 2022, no. 2 (94), pp. 149–156 Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/veduschie-napravleniya-nauchno-metodicheskogo-soprovozhdeniya-pedagogicheskih-kadrov-v-usloviyah-dopolnitelnogo-professionalnogo (accessed 30.05.2024). (In Russ.).

5. Yakovleva N. O. Struktura regional'noi sistemy nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniya pedagogicheskikh rabotnikov i upravlencheskikh kadrov [Structure of the regional system of scientific and methodological support of pedagogical workers and managers]. *Pedagogicheskaya perspektiva* = Pedagogical perspective, 2021, no. 3, pp. 27–39. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.55523/27822559_2021_3_27

6. Yakovleva N. O. Pedagogicheskie usloviya nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniya regional'noi innovatsionnoi setevoi infrastruktury, obespechivayushchei nepreryvnyi rost professional'nogo masterstva uchitelya [Pedagogical conditions for scientific and methodological support of regional innovative network infrastructure, ensuring the continuous growth of teacher professional skills]. *Pedagogicheskaya perspektiva* = Pedagogical perspective, 2024, no. 2 (14), pp. 43–53. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.55523/27822559_2024_2(14)_43

7. Sergeeva M. G., Sokolova A. S. Nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie nepreryvnosti professional'nogo sovershenstvovaniya pedagogov [Scientific and methodical support of continuity of professional perfection of teachers]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* = Problems of modern pedagogical education, 2020, no. 67–1, pp. 219–222. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-metodicheskoe-soprovozhdenie-nepreryvnosti-professionalnogo-sovershenstvovaniya-pedagogov (accessed 20.04.2024). (In Russ.).

8. Tryapitsyna A. P., Pisareva S. A. Sovremennye metodologicheskie podkhody k issledovaniyu pedagogicheskogo obrazovaniya [Modern methodological approaches to teacher education research]. *Chelovek i obrazovanie* = Man and education, 2014, no. 3, pp. 4–13. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metodologicheskie-podhody-k-issledovaniyu-pedagogicheskogo-obrazovaniya (accessed 21.04.2024). (In Russ.).

9. Potashnik M. M. Upravlenie professional'nym rostom uchitelya v sovremennoi shkole [Management of professional growth of a teacher in a modern school]. M., Pedagogical Society of Russia Publ., 2011, 448 p. (In Russ.).

10. Pevzner M. N., Zaichenko O. M., Buketov V. O. et al. Nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie personala shkoly: pedagogicheskoe konsul'tirovanie i superviziya : monografiya [Scientific and methodological support of school staff: pedagogical counseling and supervision : monograph]. Veliky Novgorod, NovGU named after Yaroslav the Wise Publ. house, 2002, 316 p. (In Russ.).

11. Korotaeva E. V. O roli nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniya v razvitii teorii i praktiki obrazovaniya [On the role of pedagogical support in the development of theory and practice of education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* = Pedagogical education in Russia, 2015, no. 4. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-nauchno-metodicheskogo-soprovozhdeniya-v-razvitii-teorii-i-praktiki-obrazovaniya (accessed 26.02.2024). (In Russ.).

12. Fritsko Zh. S., Zhizhina I. V. Regional'naya model' nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniya pedagogicheskikh rabotnikov i upravlencheskikh kadrov Sverdlovskoi oblasti [Regional model of scientific and methodological support for teaching staff and management personnel of the Sverdlovsk region]. *IRO-EKSPRESS: Professional'noe razvitie pedagoga: resursy, mekhanizmy i marshruty : sbornik statei* = IRO-EXPRESS: Professional development of a teacher: resources, mechanisms and routes: collection of articles, Ekaterinburg, 2021, pp. 5–10. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46288473 (accessed 21.04.2024). (In Russ.).

13. Shalamova L. F., Marusyak D. M., Vladimirova T. N., Leskonog N. Yu. Regional'naya model' podgotovki pedagogicheskikh kadrov kak ob"ekt issledovaniya [Regional model of teacher education as a research problem]. *Science for Education Today*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 99–125 (In Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2201.05

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 29.08.2024.

About the authors

Oksana E. Kropotova
Postgraduate Student, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), Vice-Rector for Educational and Methodological Work, Mari Institute of Education (41 Kremlevskaya St., Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation), *oekroll@gmail.com*

Elena V. Kondratenko
Ph. D. (Pedagogy), Professor, Director of the Pedagogical Institute, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), *inped@marsu.ru*

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 378
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-333-339

АКАДЕМИЧЕСКИЙ РИСУНОК В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. Г. Медведев[2], К. А. Кравченко[1]

[1]Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация
[2]Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** В статье рассматриваются отдельные проблемы подготовки обучающихся по академическому рисунку в контексте современных условий реформирования системы образования. Реформированию подверглись все уровни образования, что вносит свои коррективы в содержание подготовки по специальным художественным дисциплинам не только на художественных факультетах педагогических вузов, но и в системе начального предпрофессионального образования. В частности, большим изменениям подверглись методические подходы к обучению учащихся и студентов академическому рисунку, поскольку именно эта дисциплина в первую очередь опирается на процессы восприятия и мышления в ходе создания любого изображения. Процесс освоения начальных профессиональных умений рисования базируется на восприятии и осмыслении закономерностей конструктивного строения изображаемых предметов и требует длительных упражнений по формированию образного восприятия, а также по освоению посильной техники рисунка, позволяющей передать сформированное представление об эстетической оценке, композиционном решении и выразительных особенностях изображаемых предметов. В условиях сокращения контактных учебных часов по академическому рисунку в вузе необходимо существенно переосмыслить содержание специальных художественных дисциплин, а также методическую систему обучения на всех уровнях непрерывного художественного образования. ***Цель исследования*** – рассмотреть методические особенности формирования и развития умений рисования в системе дополнительного художественного образования, а также в системе высшего образования. ***Материалы и методы:*** теоретический анализ литературы по проблеме исследования, наблюдения за учебно-творческой деятельностью студентов художественных факультетов педагогических вузов, анализ учебных работ абитуриентов на вступительных испытаниях, а также длительные наблюдения за учебным процессом по академическому рисунку и другим специальным художественным дисциплинам на базе детских художественных школ и школ искусств. ***Результаты исследования, обсуждения:*** выявление типичных ошибок и отдельных проблем в контексте освоения специальных умений рисования обучающимися на различных уровнях непрерывного художественного образования. ***Заключение:*** определение задач обучения академическому рисунку в системе дополнительного художественного образования, акцентирование задач обучения рисунку на понимании гармонии окружающего мира, поиск образных решений, изучение приемов и средств создания гармоничного образного изображения различными графическими материалами и средствами.

Ключевые слова: академический рисунок, непрерывное художественное образование, типичные ошибки, профессиональные умения рисования, композиционная организованность листа, пространственно-конструктивное восприятие, аналитическое мышление, представление о законченном рисунке

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Медведев Л. Г., Кравченко К. А.* Академический рисунок в современной системе непрерывного художественного образования // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 333–339. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-333-339

ACADEMIC DRAWING IN THE MODERN SYSTEM OF CONTINUOUS ART EDUCATION

L. G. Medvedev[1], K. A. Kravchenko[2]

[1]Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation
[2]Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** The article discusses individual problems of training students in academic drawing in the context of modern conditions for reforming the education system. All levels of education have been subject to reform, which makes its own adjustments to the content of training in special artistic disciplines not only in the art departments of pedagogical universities, but also in the system of initial pre-professional education, as well as in the context of teaching fine arts in comprehensive schools. In particular, methodological

© Медведев Л. Г., Кравченко К. А., 2024

approaches to teaching schoolchildren and student academic drawing have undergone major changes, since this discipline, first of all, relies on the processes of perception and thinking in the course of creating any image. The process of mastering initial professional drawing skills is based on the perception and comprehension of the patterns of the constructive structure of the depicted objects and requires long-term exercises in the formation of figurative perception, as well as in mastering the technique of drawing, which allows conveying the formed idea of the aesthetic assessment, compositional solution and constructive features of the depicted objects. In the context of the reduction of contact teaching hours in academic drawing at the university, it is necessary to substantially revise the content of special artistic disciplines and the methods of their teaching at all levels of continuous artistic education. ***Purpose*** – consider the methodological features of the formation and development of professional drawing skills, clearly delineate the tasks of teaching academic drawing in a secondary school, in the system of additional art education, at the level of higher education. ***Materials and methods:*** theoretical analysis of the literature on the research problem, long-term observations of the educational and creative activities of students of art faculties of pedagogical universities, analysis of the educational work of applicants for entrance examinations, as well as long-term observations of the educational process in academic drawing and other special artistic disciplines on the basis of secondary schools, children's art schools and art schools. ***Results, discussion:*** dentification of typical errors and individual problems in the context of mastering professional drawing skills by students at all levels of continuous art education. ***Conclusion:*** determining the objectives of teaching academic drawing in the system of general secondary and additional art education, highlighting uniform requirements for applicants to the art departments of pedagogical universities, emphasizing the objectives of teaching drawing to understand the harmony of the surrounding world, searching for figurative solutions, studying techniques and means of creating a harmonious figurative image using various graphic materials and means.

Keywords: academic drawing, continuous art education, typical mistakes, professional drawing skills, compositional organization of the sheet, spatial-constructive perception, analytical thinking, idea of the finished drawing

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Medvedev L. G., Kravchenko K. A.* Academic drawing in the modern system of continuous art education. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 333–339. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-333-339

Процессы реформирования системы образования в РФ существенно разрушили складывающуюся веками традиционную систему подготовки специалистов в области изобразительного искусства. В частности, художественное и художественно-педагогическое образование подверглись кардинальным изменениям. Например, вузы практически лишились контактных учебных часов, необходимых для формирования творческой личности художника и педагога. При этом акцент в обучении на формирование обобщенных компетенций зачастую отдаляет учителя-предметника от специфики преподаваемых им дисциплин. Представители педагогического сообщества пытаются приспособиться к такому положению и изыскивают различные пути для сдерживания падения профессионализма в отдельно взятых учебных заведениях. Поскольку в современных государственных стандартах не определены общие для всех требования к профессиональному уровню выпускников, многие педагоги пытаются самостоятельно найти подходы для повышения эффективности подготовки выпускника вуза к самостоятельной творческой деятельности и педагогической работе [1].

Сокращение сроков обучения в вузе, существенное снижение обязательных контактных часов на специальные художественные дисциплины, перенос акцентов в обучении на самостоятельную работу студента, а также требования государственных стандартов к уровню подготовки выпускников, заключающиеся в формировании обобщенных компетенций, не учитывающих специфику подготовки художника и педагога, заставляет искать новые формы и методы обучения, позволяющие сохранить высокие достижения отечественной школы художественного и художественно-педагогического образования. В настоящее время на художественных

факультетах педагогических университетов вскрылись проблемы в подготовке по специальным художественным дисциплинам, что связано с действующими стандартами, следовательно, необходимо в достаточно короткий срок дать базовые умения в области искусства и сформировать творческие подходы у молодого художника-педагога [2].

Специфика образовательного процесса художественного и художественно-педагогического образования требует особого отношения к проектированию новых методических подходов для достижения достаточного уровня подготовки художника-педагога.

Многие современные ученые и художники-педагоги (С. П. Ломов, С. П. Рощин, А. М. Савинов, С. Е. Игнатьев, А. И. Иконников, О. В. Шаляпин и другие) выделяют в учебном процессе общеобразовательных школ, детских художественных школ, школ искусств, а также художественных факультетов педагогических вузов отдельные значимые проблемы, которые существенно повышают эффективность овладения обучающимися профессиональными умениями рисования.

Нередко в школе происходит подмена задач обучения изобразительному искусству. В частности, академик РАО С. П. Ломов отмечает, что «основной целью изобразительного искусства в школе является воспитательный и образовательно-развивающий аспект, а не просто восприятие профессионального искусства, (на котором так усердно настаивают различные экспериментаторы от искусства. И, к сожалению, эта установка не на обучение, а на восприятие искусства в образовательном пространстве школы вошла в новый формат нормативных актов), пассивное созерцание и надуманный пересказ о том или ином сюжете в рассматриваемой картине» [3, с. 77–78].

Также следует отметить некоторые проблемы в обучении специальным художественным дисциплинам в системе начального профессионального художественного образования, которые касаются последовательности взаимодействия аналитических и творческих начал на различных этапах обучения. Например, в детских художественных школах акцентируются задачи на развитие художественного восприятия, композиционного мышления, представления, воображения, зачастую в отрыве от решения учебно-аналитических задач.

Проведенные наблюдения за изобразительным процессом в детских художественных школах, на вступительных испытаниях в вузах, а также анализ законченных учебных работ по академическому рисунку показали, что обучающиеся в основном допускают одни и те же типичные ошибки:

– большинство учащихся незамедлительно приступают к выполнению учебного задания, не уделяя внимания композиционному поиску, выбору точки зрения на постановку;

– учащиеся выбирают стандартный формат бумаги, независимо от характера натурной постановки и поставленных задач, что свидетельствует об отсутствии композиционного осмысления рисунка;

– зачастую в изображениях нет целостности, поскольку отсутствует анализ главных и второстепенных предметов в постановке;

– наблюдается интуитивное нахождение перспективных искажений (зачастую строится обратная перспектива), без последующей проверки;

– ошибочно определяются пространственные связи, отсутствуют точки отсчета;

– толщина и характер конструктивных и контурных линий в рисунках не изменяется в зависимости от ее функциональности и пространственного расположения предметов натюрморта.

Как правило, абитуриенты, поступающие на художественные факультеты педагогических вузов, показывают недостаточно высокий уровень композиционного мышления, конструктивного анализа, понимания процессов формообразования и логики в процессе рисования.

Проведенные наблюдения позволили подчеркнуть необходимость совершенствования существующей системы непрерывного художественного образования и эстетического воспитания обучающихся изобразительному искусству в различных учебных заведениях: в общеобразовательной школе, в системе дополнительного художественного образования, в художественных колледжах, а также в высшей школе.

В новых образовательных условиях необходимо выстроить содержание фундаментальных художественных дисциплин (рисунок, живопись, композиция и других) в динамической последовательности – от начального предпрофессионального художественного образования

(детские художественные школы, школы искусств) до профессионального художественно-педагоги-ческого образования.

Например, С. П. Ломов, считает, что «образовательные цели обучения изобразительному искусству в школе можно сформулировать следующим образом: ознакомление с основами изобразительной грамоты – ее основными понятиями, законами и теориями; формирование в сознании учащихся в процессе рисования с натуры естественно-научной картины окружающего нас мира (здесь надо отметить важность именно рисования с натуры как особого фактора формирования научного и гуманистического мировоззрения)» [3, с. 78].

В этом процессе важны не только специальные умения, но и высокие эстетические предпочтения, активизирующие творческие начала в изобразительной деятельности. В рамках этого тезиса следует выделить характеристики изобразительного образа, которые соответствуют эстетическому, пространственно-образному пониманию предметного мира. Вместе с тем важно проследить логику формирования замысла, включающего общее представление о законченном изображении.

Композиционная организованность листа при этом является основополагающей, поскольку она лежит в основе процесса создания любого изобразительного образа на плоскости листа. Приступая к выполнению задания, учащимся необходимо, прежде всего, продумать композиционное наполнение плоскости листа, в соответствии с первоначальным замыслом.

Соблюдение известных композиционных правил позволит учащимся на начальном этапе обучения не допускать типичных ошибок, которые вносят диссонанс в их рисунок. Здесь следует оговориться, что данные правила являются общими, но, как и во всех правилах, имеются исключения, которые корректируются объяснением педагога индивидуально.

Основными показателями композиционно-пространственного решения является нахождение пропорционального соотношения изображения к формату, ритмическое расположение в пространстве различных объемных форм и акцентировка главного смыслового узла. К пространственным характеристикам относятся объективные взаимосвязи, присущие натурной постановке в пространстве (пропорции, месторасположение частей объемной формы в пространстве относительно друг друга). Выявление расположения в пространстве листа объемной формы предметов, их взаимодействия еще не решает композиционной задачи натурной постановки – необходимо в процессе анализа формообразования сложных предметов выявить его невидимые внутренние конструктивные взаимосвязи, а также обнаружить нити, композиционно связывающие все предметы натурной постановки в единый образ [4; 5].

Нередко в художественных школах педагоги позволяют учащимся не трудиться над достижением целостности и убедительности изобразительного образа. В системе дополнительного художественного образования рисование с натуры – основной вид деятельности обучающихся, где, нередко, педагоги позволяют обучающимся трактовать форму субъективно, искажая ее по своему усмотрению, что и называют творческим подходом. Эта проблема не нова, об этом писали многие выдающиеся художники (И. Н. Крамской, П. П. Чистяков, И. Е. Репин, А. С. Голубкина и др.) Однако и сегодня такой подход популярен у тех педагогов, которые не знают, как и чему учить детей в различные возрастные периоды. Профессор С. П. Рощин, анализируя современное художественно-педагогическое образование, отмечает, что «некоторые несуразности и погрешности в трактовке формы ставятся в заслуги как новаторство в поисках формотворчества и даже определяют стилевые направления» [6, с. 764].

Следовательно, необходимость разработки современной системы непрерывного художественного образования является вполне очевидной актуальной проблемой, требующей объединенных усилий ученых различных направлений: философских, психологических, педагогических, методических.

Логическим завершением процесса изображения является реализация всех имеющихся знаний на практике (на разных уровнях обучения). Посильное владение изобразительными и выразительными средствами и материалами рисунка, умение применять их на практике, в соответствии с замыслом отличает художественный подход в рисовании от протокольного копирования. Следует подчеркнуть, что формирование специальных двигательных умений (штриховка, выявление конструкции и т. п.) является производным

от умственного анализа, эстетической оценки объектов изображения, предопределяющим выбор графических средств и материалов, соответствующих выполнению поставленной цели. При этом важно акцентировать и значимость технического исполнения рисунка, поскольку именно техника исполнения делает умозрительный образ материально воспринимаемым для других и позволяет оценивать не только грамотность, но выразительность изображения. Достоинство рисунка определяется не эффектно положенными штрихами, а выявлением образного смысла и достижением конструктивной убедительности изображения. Таким образом, в системе начального предпрофессионального художественного образования, процесс обучения академическому рисунку необходимо строить на динамичном взаимодействии образных и аналитических начал, соответствующих определенному возрастному периоду.

Анализ типичных ошибок в рисовании, допускаемых учащимися художественных школ, а также анализ процесса обучения академическому рисунку в высших учебных заведениях показал, что необходима разработка целостной, научно обоснованной методики, учитывающей возрастные и психологические особенности обучающихся в различных образовательных учреждениях.

Понимание гармонии окружающего мира, поиск образных решений, соответствующих эстетическим требованиям обучающихся, в контексте посильного овладения изобразительными и выразительными возможностями различных художественных материалов позволит грамотно и выразительного передавать красоту и эстетическую оценку окружающего мира. Это отмечают многие исследователи современного художественно-педагогического образования [7; 8; 9; 10].

Только разработка современной системы непрерывного художественного образования и эстетического воспитания обучающейся молодежи, в частности, в процессе обучения академическому рисунку, позволит в какой-то степени компенсировать сокращенные контактные часы и с большей эффективностью использовать самостоятельную учебно-творческую деятельность студентов.

1. Арзамасцева Н. Г., Константинова В. В., Арефьева С. А. Универсальные компетенции студентов: содержание и средства их развития // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 2. С. 158–164. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-2-158-164

2. Шаляпин О. В., Соколов М. В., Кравченко К. А. Современные подходы к обучению художественным и декоративно-прикладным дисциплинамв вузах // Образование от «А» до «Я». 2022. № 1. С. 65–68. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49862168 (дата обращения: 11.05.2024).

3. Ломов С. П., Ломова Н. Ф. История и теория методов обучения рисованию в школах России : монография. М., 2018, 170 с. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36305699&selid=36305709 (дата обращения: 12.05.2024).

4. Сухарев А. И., Шаляпин О. В. Проблемы художественного образования // Философия образования. 2011. № 2 (35). С. 188–195. URL: https://www.sibran.ru/journals/issue.php?ID=120692&ARTICLE_ID=131775 (дата обращения: 12.05.2024).

5. Шаляпин О. В. Изобразительное искусство в современном образовательном процессе // Образование сегодня: векторы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 26 декабря 2018 года / гл. ред. М. П. Нечаев. 2018. С. 52–54. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36798683&pff=1 (дата обращения: 15.05.2024).

6. Ломов С. П., Павельева И. Н. Изобразительная грамотность школьников // Образовательная область искусство: проблемы и перспективы : монография. М., 2023. С. 76–90. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54625513&pff=1 (дата обращения: 11.05.2024).

7. Рощин С. П., Лебедева С. Д. К вопросу о некоторых тенденциях развития методов преподавания рисунка // Современные тенденции творческого образования в сфере искусства и культуры : сборник статей. М., 2023. С. 762–766. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56576295&pff=1 (дата обращения: 11.05.2024).

8. Игнатьев С. Е., Черная Л. В. История становления методов обучения натюрморту и их значение в современном художественном образовании // Наука и образование: актуальные вопросы теории и практики : материалы III Международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию Самарского государственного университета путей сообщения, Самара, 21–22 марта 2023 года. Оренбург, 2023. С. 234–241. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50755339 (дата обращения: 15.05.2024).

9. Дубровин В. М., Рощин С. П., Филиппова Л. С. Традиционные и современные аспекты художественно-педагогического образования // Антропологическая дидактика и воспитание. 2023. Т. 6. № 2. С. 25–38.

10. Савинов А. М. Методические принципы работы над академическим рисунком в художественной подготовке студента // Художественно-педагогическое наследие Николая Николаевича Ростовцева: классика и современность : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. Н. Ростовцева, Москва, 16–19 апреля 2018 года. М., 2022. С. 210–214. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=kotnzh (дата обращения: 11.05.2024).

Статья поступила в редакцию 10.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.08.2024 г.; принята к публикации 09.09.2024 г.

Об авторах

Медведев Леонид Георгиевич
академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры академической живописи и рисунка, Омский государственный педагогический университет, (644043, Российская Федерация, г. Омск, ул. Партизанская, д. 4а), *lgmedvedev_omgpu@mail.ru*

Кравченко Ксения Алексеевна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры изобразительного искусства, Новосибирский государственный педагогический университет (630132, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Советская, д. 79), *kka-78@mail.ru*

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Arzamastseva N. G., Konstantinova V. V., Arefyeva S. A. Universal'nye kompetentsii studentov: soderzhanie i sredstva ikh razvitiya [Students' universal competencies: content and means of their development]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2023, vol. 17, no. 2, pp. 158–164. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-2-158-164

2. Chaliapin O. V., Sokolov M. V., Kravchenko K. A. Sovremennye podkhody k obucheniyu khudozhestvennym i dekorativno-prikladnym distsiplinamv vuzakh [Modern approaches to teaching artistic and arts and crafts disciplines in universities]. *Obrazovanie ot "A" do "Ya"* = Education from "A" to "Z", 2022, no. 1, pp. 65–68. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49862168 (accessed 11.05.2024). (In Russ.).

3. Lomov S. P., Lomova N. F. Istoriya i teoriya metodov obucheniya risovaniyu v shkolakh Rossii : monografiya [History and theory of methods of teaching drawing in Russian schools : monograph]. M., 2018, 170 p. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36305699&selid=36305709 (accessed 12.05.2024). (In Russ.).

4. Sukharev A. I., Shalyapin O. V. Problemy khudozhestvennogo obrazovaniya [The problems of artistic education]. *Filosofiya obrazovaniya* = Philosophy of education, 2011, no. 2 (35). pp. 188–195. Available at: https://www.sibran.ru/journals/issue.php?ID=120692&ARTICLE_ID=131775 (accessed 12.05.2024). (In Russ.).

5. Shalyapin O. V. Izobrazitel'noe iskusstvo v sovremennom obrazovatel'nom protsesse [Fine arts in the modern educational process]. *Obrazovanie segodnya: vektory razvitiya : materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 26 dekabrya 2018 goda* = Education today: vectors of development : materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, December 26, 2018. Editor-in-Chief M. P. Nechaev, 2018, pp. 52–54. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36798683&pff=1 (accessed 15.05.2024). (In Russ.).

6. Lomov S. P., Pavelyeva I. N. Izobrazitel'naya gramotnost' shkol'nikov [Visual literacy of schoolchildren]. *Obrazovatel'naya oblast' iskusstvo: problemy i perspektivy : monografiya* = Educational field of art: problems and prospects : monograph. M, 2023, pp. 76–90. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54625513&pff=1 (accessed 11.05.2024). (In Russ.).

7. Roshchin S. P., Lebedeva S. D. K voprosu o nekotorykh tendentsiyakh razvitiya metodov prepodavaniya risunka [On the question of some trends in the development of methods of teaching drawing]. *Sovremennye tendentsii tvorcheskogo obrazovaniya v sfere iskusstva i kul'tury : sbornik statei* = Modern trends in creative education in the field of art and culture : Collection of articles. M., 2023, pp. 762–766. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56576295&pff=1 (accessed 11.05.2024). (In Russ.).

8. Ignatev S. E., Chernaya L. V. Istoriya stanovleniya metodov obucheniya natyurmortu i ikh znachenie v sovremennom khudozhestvennom obrazovanii [The history of still life teaching methods formation and their significance in modern art education]. *Nauka i obrazovanie: aktual'nye voprosy teorii i praktiki : materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu Samarskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya, Samara, 21–22 marta 2023 goda* = Science and education: current issues of theory and practice: Materials of the III International scientific and methodological conference dedicated to the 50th anniversary of Samarsky State University of Transport, Samara, March 21–22, 2023, Orenburg, 2023, pp. 234–241. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50755339 (accessed 15.05.2024). (In Russ.).

9. Dubrovin V. M., Roshchin S. P., Filippova L. S. Traditsionnye i sovremennye aspekty khudozhestvenno-pedagogicheskogo obrazovaniya [Traditional and modern aspects of artistic and pedagogical education]. *Antropologicheskaya didaktika i vospitanie* = Anthropological didactics and education, 2023, vol. 6, no. 2, pp. 25–38. (In Russ.).

10. Savinov A. M. Metodicheskie printsipy raboty nad akademicheskim risunkom v khudozhestvennoi podgotovke studenta [Methodological principles of working on academic drawing in the artistic preparation of a student]. *Khudozhestvenno-pedagogicheskoe nasledie Nikolaya Nikolaevicha Rostovtseva: klassika i sovremennost' : materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. N. Rostovtseva, Moskva, 16–19 aprelya 2018 goda* = The artistic and pedagogical heritage of Nikolai Nikolaevich Rostovtsev: classics and modernity: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of N. N. Rostovtsev , Moscow, April 16–19, 2018. M., 2022, pp. 210–214. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=kotnzh (accessed 11.05.2024). (In Russ.).

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 09.09.2024.

About the authors

Leonid G. Medvedev
Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Professor of the Department of Academic Painting and Drawing, Omsk State Pedagogical University (4a Partizanskaya St., Omsk 644043, Russian Federation), *lgmedvedev_omgpu@mail.ru*

Ksenia A. Kravchenko
Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Fine Arts, Novosibirsk State Pedagogical University (79 Sovetskaya St., Novosibirsk 630132, Russian Federation), *kka-78@mail.ru*

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 37.012
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-340-350

МОДЕЛЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

С. Н. Федорова[1], М. А. Кулебяев[1,2]

[1]Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
[2]Волжский филиал МАДИ, г. Чебоксары, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** Актуальность исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании модели и комплекса педагогических условий, направленных на формирование культуры информационной безопасности среди студентов технического вуза, включающего не только передачу технических знаний и навыков, но и развитие понимания значимости информационной безопасности как неотъемлемой части профессиональной компетентности будущих специалистов в сфере высоких технологий. ***Цель:*** апробация модели и педагогических условий формирования культуры информационной безопасности у студентов технического вуза. ***Материалы и методы:*** использован комплекс теоретических и эмпирических методов исследования, таких как изучение методологической, научно-методической, специальной литературы, по проблеме формирования и развития культуры информационной безопасности студентов; сравнение и обобщение фактического материала, наблюдение, тестирование, анкетирование, количественный и качественный анализ результатов деятельности студентов. ***Результаты исследования, обсуждения:*** результаты сравнительного анализа на статистически значимом уровне демонстрируют положительные трансформации в сформированности структурных компонентов культуры информационной безопасности среди студентов экспериментальной группы, в отличие от относительно стабильных показателей, зафиксированных в контрольной группе. Так, для формирования технического компонента культуры информационной безопасности достаточно эффективными являются педагогические условия: 1) включение в учебный процесс специализированного факультатива «Культура информационной безопасности»; 2) конкурс студенческих проектов по кибербезопасности; для формирования когнитивного компонента: 3) психодиагностика когнитивно-личностных особенностей студентов, 4) развитие критического мышления посредством использования интерактивных методов обучения; для формирования поведенческого компонента: 5) создание кибердружины университета, 6) внедрение системы мотивации и обратной связи за участие в учебном проекте «Моя кибербезопасность в цифровой среде»; для формирования ценностно-смыслового компонента: 7) интеграция этических аспектов информационной безопасности в учебные программы, 8) разработка и применение кейс-метода «Cyber Ethics – Этика в Цифровом пространстве». ***Заключение.*** Предложенная модель и педагогические условия демонстрируют свою эффективность в контексте повышения уровня технической подготовленности студентов в области цифровой информационной безопасности, способностей критически мыслить, обнаруживать причинно-следственные связи, развития соответствующих поведенческих компетенций, что подчеркивает значимость подобных образовательных инициатив.

Ключевые слова: информационная безопасность, культура, студенты, технический вуз

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Федорова С. Н., Кулебяев М. А.* Модель и педагогические условия формирования культуры информационной безопасности у студентов технического вуза // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 340–350. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-340-350

THE MODEL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF AN INFORMATION SECURITY CULTURE AMONG STUDENTS OF A TECHNICAL UNIVERSITY

S. N. Fedorova[1], M. A. Kulebyaev[1,2]

[1]Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation
[2]Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Volga branch, Cheboksary, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** The relevance of the research lies in the development and theoretical justification of a model and a set of pedagogical conditions aimed at forming a culture of information security among students of a technical university, including not only the transfer of technical knowledge and skills, but also the development of an understanding of the importance of information security as an integral part of the professional competence of future specialists in the field of high technologies. ***Purpose:*** to test the model and pedagogical conditions

© Федорова С. Н., Кулебяев М. А., 2024

for the formation of an information security culture among students of a technical university. ***Materials and methods:*** a set of theoretical and empirical research methods was used, such as: the study of methodological, scientific and methodological, specialized literature on the problem of formation and development of a culture of information security of students; comparison and generalization of factual material, observation, testing, questionnaires, quantitative and qualitative analysis of the results of students' activities. ***Research results, discussions:*** the results of the comparative analysis conducted within the framework of the formative experiment, at a statistically significant level, demonstrate positive transformations in the formation of structural components of the information security culture among students of the experimental group, in contrast to the relatively stable indicators recorded in the control group. Thus, pedagogical conditions are quite effective for the formation of the technical component of the information security culture: 1) the inclusion of a specialized elective "Culture of information security" in the educational process; 2) a competition of student projects on cybersecurity; for the formation of a cognitive component: 3) psychodiagnostics of cognitive and personal characteristics of students, 4) the development of critical thinking through the use of interactive teaching methods; to form a behavioral component: 5) creation of the university's cyberdrug, 6) implementation of a motivation and feedback system for participation in the educational project "My cybersecurity in the digital environment"; for the formation of a value-semantic component: 7) integration of ethical aspects of information security into educational programs, 8) development and application of the case method "Cyber Ethics – Ethics in the Digital space". ***Conclusion.*** The proposed model and pedagogical conditions demonstrate their effectiveness in the context of increasing the level of technical preparedness of students in the field of digital information security, the ability to think critically, detect cause-and-effect relationships, and the development of appropriate behavioral competencies, which emphasizes the importance of such educational initiatives.

Keywords: information security, culture, students, technical university

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Fedorova S. N., Kulebyaev M. A.* The model and pedagogical conditions for the formation of an information security culture among students of a technical university. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 340–350. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-340-350

Актуальность

В эпоху глобализации и стремительного прогресса цифровых технологий происходит радикальное трансформирование мирового информационного пространства, которое охватывает все аспекты человеческой деятельности, начиная от личностного развития и заканчивая глобальными социально-политическими процессами. Данное явление обуславливает формирование новых вызовов и угроз в сфере информационной безопасности, актуализируя потребность в комплексных подходах к обеспечению защиты национальных интересов и личной безопасности граждан в цифровой среде.

Особенно актуальной становится проблема формирования и развития культуры информационной безопасности в контексте социализации молодежи. Период обучения в высших учебных заведениях является ключевым этапом в жизни молодых людей, когда осуществляется их личностное и профессиональное становление. В этот период студенты, активно используя цифровые технологии в образовательном процессе, сталкиваются с рисками, связанными с доступностью и бесконтрольностью информационного пространства.

Существующие в педагогической практике подходы к решению задачи формирования культуры информационной безопасности у студентов носят преимущественно технологический характер и фокусируются на обучении методам и технологиям защиты информации. Однако данная стратегия не охватывает полный спектр аспектов, связанных с формированием у студентов устойчивых ценностных ориентиров, осознания рисков и ответственного поведения в информационном пространстве.

Таким образом, на передний план выходит необходимость поиска педагогических условий, разработки комплексных образовательных программ, направленных на формирование у студентов не только технических навыков безопасного взаимодействия в цифровом информационном пространстве, но и на развитие критического мышления, осознанного отношения к информационной безопасности как к одному из ключевых аспектов современной жизни.

Изученность проблемы

В современном научном дискурсе активно разрабатываются и анализируются вопросы,

связанные с формированием и развитием культуры информационной безопасности среди студентов высших учебных заведений. Труды таких ученых, как О. В. Артюшкин [1], Л. В. Астахова [1], А. М. Атаян[2], А. А. Ахметвалиева[3], Н. В. Быстрова [2], О. И. Ваганова [3], А. В. Галыня[4], Е. А. Гнатишина, Е. В. Гнатишина [4], М. Л. Груздева [5], Н. Ю. Евсюкова, С. А. Соловьева [6], Т. А. Изосимова [7], Н. П. Петрова [8], Э. М. Ребко, А. П. Федорова [9], И. Д. Рудинского, Д. Я. Околота [10], А. А Эльтемерова, С. Н. Федоровой [11] и др., представляют собой значимый вклад в изучение данной тематики, охватывая широкий спектр подходов и методологий исследования культуры информационной безопасности в образовательном процессе.

Несмотря на обширный массив научных работ, посвященных данной проблематике, наблюдается отчетливый пробел в исследованиях, касающихся специфики формирования культуры информационной безопасности у студентов технических специальностей, тогда как именно эта категория обучающихся, обладая углубленными знаниями в области информационных технологий и имея повышенный доступ к техническим средствам и данным, одновременно испытывает увеличенные риски и угрозы, связанные с информационной безопасностью.

Предполагается, что техническая подготовка и компетенции студентов технических направлений должны обеспечивать им достаточный уровень защиты от возможных информационных рисков. Однако, как показывает практика, технические знания не всегда коррелируют с высоким уровнем осознанности в вопросах информационной безопасности и формированием соответствующей культуры.

Вышеизложенное определяет актуальность и необходимость разработки и обоснования педагогических условий формирования культуры информационной безопасности у студентов технического вуза.

Целью настоящего исследования является разработка и теоретическое обоснование комплекса педагогических условий, способствующих эффективному формированию культуры информационной безопасности среди студентов технического высшего учебного заведения. В контексте поставленной цели нами были поставлены и реализованы следующие задачи:

1) осуществить анализ и систематизацию существующего научного и методологического опыта в области формирования культуры информационной безопасности. Исходя из синтеза предшествующих научных достижений и анализа текущего состояния культуры информационной безопасности у студентов, был разработан комплекс педагогических условий, которые способствовали достижению поставленной цели;

2) организовать апробацию разработанных педагогических условий на выборке студентов технических направлений подготовки. Апробация предполагала практическое внедрение предложенных условий в учебный процесс, что позволило оценить их эффективность и практическую применимость в реальных условиях образовательной деятельности;

3) провести комплексный анализ результатов апробации для оценки степени влияния реализованных педагогических условий на уровень сформированности культуры информационной безопасности у студентов. На основе полученных данных были составлены выводы, которые позволили сделать обоснованные предложения по улучшению и оптимизации процесса формирования культуры информационной безопасности.

Научная новизна представленного исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании комплекса педагогических условий, направленных на формирование культуры информационной безопасности среди студентов технического вуза, включающего не только передачу технических знаний и навыков, но и развитие понимания значимости информационной безопасности как неотъемлемой части профессиональной компетентности будущих специалистов в сфере высоких технологий.

---

[1] Артюшкин О. В. Организационно-педагогические условия формирования информационной культуры личности обучающегося средствами информатизации : автореф. дис. … канд. пед. наук. Новокузнецк, 2005. 24 с.

[2] Атаян А. М. Дидактические основы формирования информационной культуры личности в условиях информатизации общества : автореф. дис. … канд. пед. наук. Владикавказ, 2001. 24 с.

[3] Ахметвалиева А. А. Развитие культуры информационно-психологической безопасности студентов вуза : автореф. дис. … канд. пед. наук. Челябинск, 2011. 26 с.

[4] Галыня А. В. Формирование информационной культуры у будущих бакалавров-инженеров автомобильно-дорожного строительства в процессе профессиональной подготовки : автореф. дис. … канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2015. 22 с.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении границ научного знания в области формирования культуры информационной безопасности среди студентов технических вузов и предлагает новаторский подход к решению данной проблемы, основанный на комплексном применении современных педагогических условий и методик.

Практическая значимость

Результаты апробации педагогических условий формирования культуры информационной безопасности предоставляют возможность оптимизировать образовательный процесс в технических вузах с точки зрения формирования у студентов необходимых компетенций в области информационной безопасности, адаптируя его к текущим вызовам цифровой эпохи.

Методология

Методологический базис исследования представлен культурологическим и системно-деятельностным подходами. Вместе с тем в ходе работы были использованы теоретические и эмпирические методы исследования: анализ, синтез, обобщение, анкетирование и наблюдение.

Анализ существующего научного и методологического опыта исследований культуры информационной безопасности позволил нам определить его содержание, под которым мы понимаем совокупность ценностей, норм, знаний, умений, навыков и практик, направленных на обеспечение безопасности государственной, общественной и личной информации, защиту ее от угроз в цифровом пространстве.

По нашему мнению, в качестве основных характеристик культуры информационной безопасности студентов – будущих специалистов инженерной отрасли – должны выступать такие компоненты как:

– технический компонент, включающий знание и понимание основных принципов работы с информационными системами и технологиями, умение использовать современные средства защиты информации, способность анализировать и оценивать уровень безопасности информационных систем;

– когнитивный компонент, включающий способность к анализу и критическому мышлению в контексте информационной безопасности, понимание логики работы информационных систем и потенциальных уязвимостей;

– поведенческий компонент, паттерны применения на практике знаний о мерах безопасного поведения в цифровом информационном пространстве (адекватное использование паролей, защиту персональных данных, осмотрительное обращение с носителями информации и соблюдение правил безопасного интернет-серфинга);

– ценностно-смысловой компонент, осознание и принятие системы ценностей (конфиденциальность, целостность, доступность, ответственность, этичность), определяющей отношение личности к безопасному поведению в информационном пространстве.

Таким образом, формирование культуры информационной безопасности среди студентов технических направлений подготовки представляет собой комплексный и многоаспектный процесс, требующий создания определенных педагогических условий. Эти условия должны способствовать не только усвоению теоретических знаний, но и развитию способностей к анализу и критического мышления, практических навыков, формированию ценностных ориентиров и ответственного отношения к вопросам информационной безопасности.

В контексте данного понимания содержания и структурных характеристик культуры информационной безопасности нами была разработана модель ее формирования и определены педагогические условия (табл. 1).

Материалы и методы

В формирующем эксперименте, который проводился в течение двух учебных семестров, приняли участие 177 студентов очной формы обучения Волжского филиала Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). Участники были разделены на две группы: экспериментальная – 81 студент и контрольная – 96 студентов. В экспериментальной группе в течение двух учебных семестров при организации учебного процесса были учтены и реализованы педагогические условия для формирования культуры информационной безопасности. В качестве диагностического инструмента использовался опросник «Исследование культуры информационной безопасности», разработанный на кафедре гуманитарных и естественно-научных дисциплин ВФ МАДИ. Опросник состоит из 4 субтестов, раскрывающих уровень сформированности структурных компонентов (технический, когнитивный, поведенческий, ценностно-смысловой компонент) культуры информационной безопасности.

Таблица 1 / Table 1

Модель формирования культуры информационной безопасности студентов технического вуза / A model for the formation of an information security culture for students of a technical university

<table>
<tr><th colspan="4">Блок целеполагания / The goal setting block</th></tr>
<tr><th colspan="2">Социальный заказ</th><th colspan="2">Цель</th></tr>
<tr><td colspan="2">Потребность в специалистах инженерной отрасли с высоким уровнем культуры информационной безопасности</td><td colspan="2">Формирование культуры информационной безопасности у студентов – будущих бакалавров инженерной отрасли</td></tr>
<tr><th colspan="4">Блок содержательный / The block is informative</th></tr>
<tr><th colspan="4">Структурно-функциональные компоненты культуры информационной безопасности (КИБ)</th></tr>
<tr><td>Технический компонент</td><td>Когнитивный компонент</td><td>Поведенческий компонент</td><td>Ценностно-смысловой компонент</td></tr>
<tr><td>– знания, умения и навыки современных цифровых технологий информационного пространства;
– инструментальная функция</td><td>– способность обнаруживать причинно-следственные связи, критически мыслить в контексте информационной безопасности,
– аналитическая функция</td><td>– совокупность паттернов поведения, направленных на безопасное взаимодействие в информационном пространстве;
– практическая функция</td><td>– система ценностей защиты информации, осознание рисков и угроз, связанных с использованием информационных технологий;
– регулятивная функция</td></tr>
<tr><th colspan="4">Блок технологический / The technological block</th></tr>
<tr><th colspan="4">Комплекс педагогических условий / The complex of pedagogical conditions</th></tr>
<tr><td>Технический компонент</td><td>Когнитивный компонент</td><td>Поведенческий компонент</td><td>Ценностно-смысловой компонент</td></tr>
<tr><td>1. Включение в учебный процесс специализированного факультатива «Культура информационной безопасности».
2. Организация и мотивация студентов к участию в конкурсе проектов по кибербезопасности «Info Shield Workshop» (Мастерская Информационной Безопасности)</td><td>1. Психодиагностика уровня критического мышления, когнитивно-личностных особенностей студентов.
2. Развитие критического мышления посредством использования интерактивных методов обучения, индивидуально-личностных коррекционных программ</td><td>1. Организация студенческой кибердружины университета.
2. Внедрение системы мотивации и обратной связи за участие в учебном проекте «Моя кибербезопасность в цифровой среде»</td><td>1. Интеграция этических аспектов информационной безопасности в учебные программы.
2. Разработка и применение кейс-метода «Cyber Ethics – Этика в Цифровом пространстве»</td></tr>
<tr><th colspan="4">Результативный блок / The effective block</th></tr>
<tr><th colspan="4">Уровни сформированности компонентов культуры информационной безопасности (КИБ) / The levels of formation of the components of the information security culture (CIB)</th></tr>
<tr><td>Технический компонент</td><td>Когнитивный компонент</td><td>Поведенческий компонент</td><td>Ценностно-смысловой компонент</td></tr>
<tr><td>Высокий – глубокие знания, умения и навыки инструментального обеспечении КИБ, уверенно ориентируется в цифровом пространстве.
Средний – базовые знания, умения и навыки инструментального обеспечении КИБ, слабо ориентируется в цифровом пространстве.
Низкий – незначительные знания, умения и навыки инструментального обеспечении КИБ, поверхностно ориентируется в цифровом пространстве</td><td>Высокий – глубокие знания, умения и навыки аналитического обеспечения КИБ.
Средний – базовые знания, умения и навыки аналитического обеспечения КИБ.
Низкий – незначительные знания, умения и навыки аналитического обеспечения КИБ</td><td>Высокий – сформированный паттерн поведения в цифровом пространстве в контексте КИБ, высокая потребность в постоянном обучении и саморазвитии.
Средний – неустойчивый паттерн поведения в цифровом пространстве в контексте КИБ, потребность в обучении и саморазвитии по ситуации.
Низкий – несформированный паттерн поведения, отсутствие потребности в обучении и саморазвитии в вопросах КИБ</td><td>Высокий – устойчивая система ценностей КИБ.
Средний – неустойчивые, базовые компетенции КИБ.
Низкий – слабовыраженные компетенций КИБ</td></tr>
</table>

Результаты и их обсуждение

Результаты динамики уровней сформированности структурных компонентов культуры информационной безопасности представлены на рисунках 1–4.

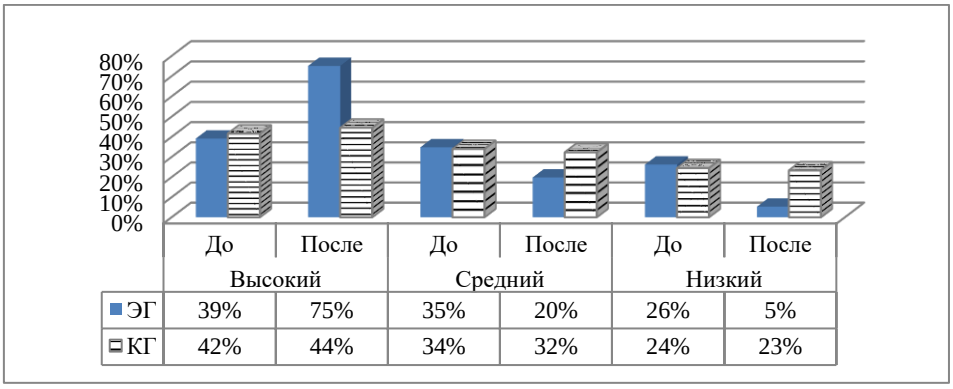


Рис. 1. Динамика уровня технического компонента / Fig. 1. Dynamics of the level of the technical component

Для формирования технического компонента культуры информационной безопасности для студентов экспериментальной группы были созданы такие педагогические условия, как:

1. *Включение в учебный процесс специализированного факультатива «Культура информационной безопасности»,* который охватывал последние технологии и инструменты защиты информации. Данный факультатив был проведен в течение двух учебных семестров, по окончании которого студенты представили свои проекты на общеуниверситетский конкурс по кибербезопасности.

2. *Конкурс проектов по кибербезопасности «InfoShield Workshop: Мастерская информационной безопасности»*, который мотивировал студентов к дополнительному обучению и саморазвитию. Конкурс стимулировал студентов к глубокому изучению вопросов информационной безопасности, самостоятельному поиску и разработке безопасных приложений, анализу существующих угроз и методов их нейтрализации. Студенты также занимались разработкой методических рекомендаций по обеспечению безопасности информационного пространства и проводили просветительскую работу среди своих одногруппников.

Реализация данных педагогических условий способствовала значительному повышению уровня сформированности технического компонента культуры информационной безопасности у студентов экспериментальной группы. Это было подтверждено результатами формирующего эксперимента: доля студентов с высоким уровнем технического компонента в экспериментальной группе возросла с 39 % до 75 % ($p<0,01$). В то же время в контрольной группе наблюдались лишь незначительные изменения: процент студентов с высоким уровнем данного компонента увеличился всего с 42 % до 44 %.

Таким образом, внедрение специализированных педагогических условий демонстрирует свою эффективность в контексте повышения уровня технической подготовленности студентов по направлению информационной безопасности, что подчеркивает значимость подобных образовательных инициатив.

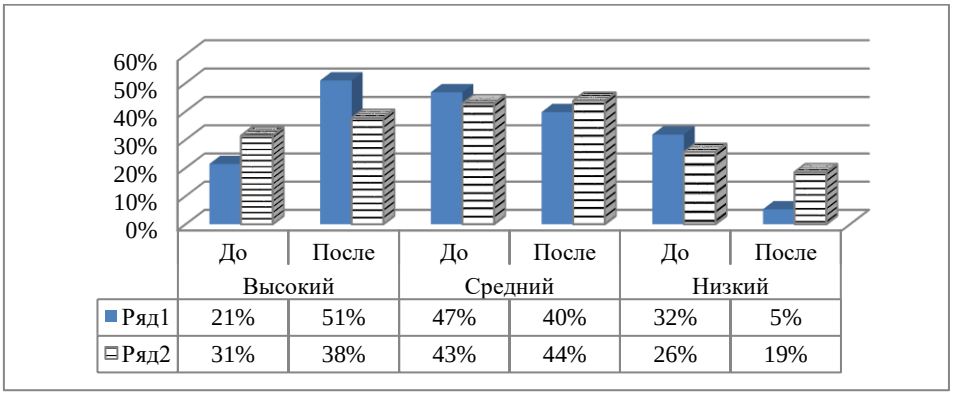


Рис. 2. Динамика уровня когнитивного компонента / Fig. 2. Dynamics of the cognitive component level

Формирование когнитивного компонента в структуре культуры информационной безопасности студентов является ключевым аспектом в подготовке квалифицированных специалистов, способных адекватно оценивать и эффективно реагировать на угрозы в информационной среде. Для достижения данной цели необходимо создание и реализация определенных педагогических условий, направленных на развитие аналитического мышления, критического осмысления и глубокого понимания проблематики информационной безопасности. Считаем, что здесь важно обозначить такие ключевые педагогические условия, как:

1. *Психодиагностика когнитивно-личностных особенностей студентов,* позволяющая обнаружить особенности и уровень критического мышления, а также особенностей установления причинно-следственных связей. Диагностика позволяет обнаружить проблемные аспекты когнитивных процессов и подготовить индивидуально-личностные коррекционные программы.

2. *Развитие критического мышления посредством использования интерактивных методов обучения,* таких как кейс-методы «Threat Trackers – Отслеживание угроз в Сети», дебаты «Информационное разоблачение», решение ситуаций из реальной практики «DataDefenders – Операция Защита данных», требующих от студентов поиска решений на основе анализа существующих угроз и разработки стратегий защиты. Такой подход способствует развитию навыков прикладного анализа и принятия обоснованных решений.

Реализация указанных педагогических условий позволила сформировать у студентов технических направлений подготовки не только необходимый объем знаний по информационной безопасности, но и развить когнитивные способности, необходимые для успешной профессиональной деятельности в условиях постоянно меняющегося информационного пространства.

Анализ данных показал, что процент студентов экспериментальной группы, демонстрирующих высокий уровень когнитивного компонента, увеличился с 21 % до 51 % ($p<0,001$). Соответственно, доля студентов с низким уровнем данного компонента существенно снизилась с 32 % до 5 % ($p<0,001$). Такие результаты свидетельствуют о значительном положительном влиянии предложенных педагогических условий на развитие когнитивных способностей студентов. Указанные изменения отражают улучшение аналитических навыков, способности к критическому анализу, оценке доказательств, рефлексии и многоперспективному восприятию информационного пространства. В контрольной группе наблюдались менее выраженные тенденции изменений. Несмотря на некоторое увеличение числа студентов с высоким уровнем когнитивного компонента с 31 % до 38 % и снижение доли студентов с низким уровнем с 26 % до 19 %, данные изменения не достигли статистической значимости. Это указывает на отсутствие существенного воздействия обычного учебного процесса на развитие когнитивного компонента культуры информационной безопасности в контрольной группе в сравнении с целенаправленными педагогическими вмешательствами, реализованными в рамках формирующего эксперимента в экспериментальной группе.

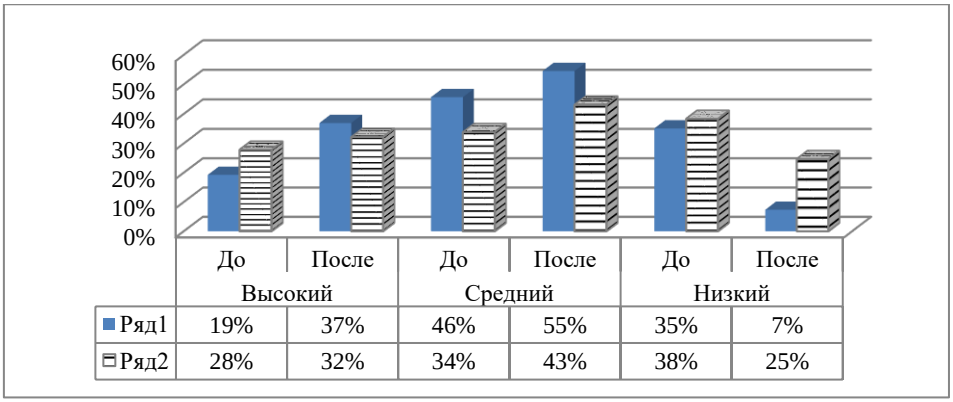


Рис. 3. Динамика уровня поведенческого компонента / Fig. 3. Dynamics of the behavioral component level

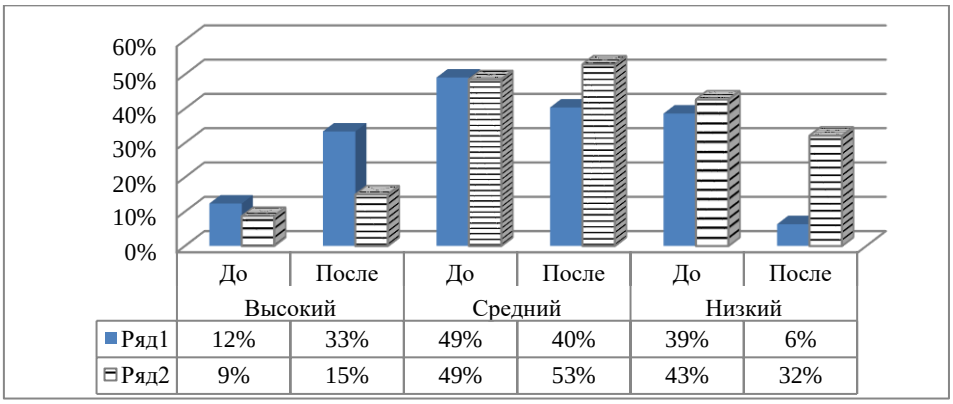
Формирование поведенческого компонента в структуре культуры информационной безопасности студентов является критически важной задачей, направленной на развитие у обучающихся устойчивых моделей безопасного поведения в информационном пространстве. Для достижения данной цели необходимо создание и реализация специфических педагогических условий, которые будут способствовать осознанию студентами важности информационной безопасности и формированию соответствующих поведенческих навыков:

1. Создание кибердружины университета. Вовлечение студентов в проекты по информационной безопасности, направленные на просвещение широкой общественности. Участие в таких проектах не только способствует формированию у студентов ответственного отношения к собственной безопасности в Сети, но и развивает навыки социального взаимодействия и коммуникации.

2. Внедрение системы мотивации и обратной связи за участие в учебном проекте «Моя кибербезопасность в цифровой среде». Студенты, принимающие участие в данном проекте, получают дополнительный рейтинг за демонстрацию безопасного поведения в информационном пространстве и конструктивной рефлексии собственных действий. Обратная связь от преподавателей способствует коррекции и совершенствованию поведенческих стратегий студентов.

Реализация данных педагогических условий требует комплексного подхода и активного взаимодействия между преподавателями и студентами. Это предполагает не только изменение содержания и методик обучения, но и создание образовательной среды, которая способствует формированию у студентов глубокого понимания значимости информационной безопасности и развитию соответствующих поведенческих компетенций.

В результате проведения формирующего эксперимента в экспериментальной группе было отмечено статистически значимое увеличение доли студентов с высоким уровнем поведенческого компонента – с 19 % до 37 % ($p<0,01$), что свидетельствует о значительном улучшении. Также произошло снижение числа студентов с низким уровнем данного компонента – с 35 % до 7 % ($p<0,01$). Напротив, в контрольной группе изменения оказались менее выраженными и не достигли статистической значимости, что подчеркивает эффективность внедренных педагогических условий в экспериментальной группе для развития поведенческого компонента культуры информационной безопасности.



	До	После	До	После	До	После
	Высокий		Средний		Низкий	
Ряд1	12%	33%	49%	40%	39%	6%
Ряд2	9%	15%	49%	53%	43%	32%

Рис. 4. Динамика уровня ценностно-смыслового компонента / Fig. 4. Dynamics of the value-semantic component level

Формирование ценностно-смыслового компонента в структуре культуры информационной безопасности студентов представляет собой задачу, направленную на культивирование системы ценностей, способствующих осознанному и ответственному поведению в информационном пространстве. Для эффективного достижения данной цели необходимо создание и реализация таких педагогических условий, которые будут способствовать внутреннему принятию и усвоению студентами основополагающих принципов информационной безопасности как значимой части профессиональной и личностной идентичности:

1. *Интеграция этических аспектов информационной безопасности в учебные программы.* Включение в дисциплины «Информатика», «Социология и политология», «Психология

и педагогика профессиональной деятельности» тем, посвященных информационной безопасности, разделов, ориентированных на обсуждение этических дилемм, связанных с использованием информационных технологий. Это способствует формированию у студентов глубокого понимания ценностных аспектов защиты данных.

2. *Разработка и применение кейс-метода «Cyber Ethics – Этика в Цифровом пространстве».* Использование в учебном процессе кейсов, основанных на реальных ситуациях из практики защиты информации, для развития у студентов способности анализировать сложные проблемы, принимать обоснованные решения и осознавать последствия своих действий с точки зрения ценностных ориентиров.

Реализация вышеупомянутых педагогических условий требует целостного подхода к образовательному процессу, предполагающему не только передачу знаний, но и активное вовлечение студентов в деятельность, направленную на формирование ценностно-смыслового компонента культуры информационной безопасности. Это способствует развитию у будущих специалистов не только профессиональных компетенций, но и формированию глубокого осознания значимости информационной безопасности как важного элемента современного информационного общества.

Результаты сравнительного анализа, проведенного в рамках формирующего эксперимента, демонстрируют значимые трансформации в структуре ценностно-смыслового компонента культуры информационной безопасности среди студентов экспериментальной группы, в отличие от относительно стабильных показателей, зафиксированных в контрольной группе.

В частности, в экспериментальной группе было зафиксировано увеличение доли студентов, демонстрирующих высокий уровень развития ценностно-смыслового компонента, с 12 % до 33 %. Данное изменение обладает статистической значимостью ($p<0,01$), что свидетельствует о низкой вероятности случайного характера наблюдаемых результатов. Кроме того, наблюдалось сокращение числа студентов с низким уровнем данного компонента с 39 % до 6 %, что также подтверждается статистической значимостью ($p<0,01$).

В контексте контрольной группы изменения оказались менее выраженными. Процент студентов с высоким уровнем ценностно-смыслового компонента увеличился с 9 % до 15 %, что не достигает порога статистической значимости. Аналогичная тенденция наблюдалась и в отношении студентов со средним уровнем данного компонента, где произошло увеличение с 49 % до 53 %. Снижение доли студентов с низким уровнем ценностно-смыслового компонента с 43 % до 32 %, несмотря на его позитивную направленность, также не является статистически значимым изменением.

Таким образом, проведенный анализ указывает на эффективность реализованных в рамках формирующего эксперимента педагогических условий для стимулирования развития ценностно-смыслового компонента культуры информационной безопасности у студентов экспериментальной группы. Эти результаты подчеркивают значимость целенаправленных образовательных воздействий для формирования у студентов осознанного отношения к вопросам информационной безопасности и развития соответствующих ценностных ориентиров.

Выводы

Анализ положительной динамики уровней сформированности структурных компонентов культуры информационной безопасности в экспериментальной группе демонстрирует эффективность предложенных и реализованных в рамках формирующего эксперимента педагогических условий. Апробация разработанного комплекса педагогических условий является важным этапом на пути к формированию эффективной системы обучения, направленной на развитие культуры информационной безопасности среди студентов технических специальностей, что имеет как теоретическую, так и практическую значимость для современного образовательного процесса. Развитие данных компонентов культуры информационной безопасности у будущих специалистов инженерной отрасли является ключевым фактором подготовки квалифицированных кадров, способных обеспечивать защиту информационных активов в условиях постоянно развивающихся технологий и меняющихся угроз.

1. Astakhova L. V. The concept of the information-security culture // Scientific and Technical Information Processing. 2014. Vol. 41. No. 1. Pp. 22–28. DOI: https://doi.org/10.3103/S0147688214010067

2. Быстрова Н. В., Уракова М. Н., Ермолаева Е. Л. Цифровые технологии в образовательном пространстве // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы : сборник статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск – Барнаул – Челябинск – Омск – Нижний Новгород – Москва – Санкт-Петербург, 02–17 ноября 2020 года / под общей ред. А. Г. Миронова. Красноярск, 2020. С. 88–91. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44405907&pff=1 (дата обращения: 15.04.2024).

3. Цифровые технологии в образовательном пространстве / О. И. Ваганова, А. В. Гладков, Е. Ю. Коновалова, И. Р. Воронина // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 53–56. DOI: https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0902-0012

4. Гнатышина Е. А., Гнатышина Е. В. Технология формирования информационной культуры в подготовке педагогов профессионального обучения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 1 (8). С. 97–100. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=orjzbn (дата обращения: 15.04.2024).

5. Груздева М. Л. Концепция формирования информационной культуры студентов вуза. Нижний Новгород : Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2011. 268 с.

6. Евсюкова Н. Ю., Соловьева С. А. Формирование культуры информационной безопасности у студентов как профилактика молодежного экстремизма и ксенофобии // Государственная политика Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом, коррупцией и наркотизацией общества : сборник научных трудов XVII Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 24 ноября 2022 года. Чебоксары : Волжский филиал МАДИ, 2022. С. 481–484.

7. Изосимова Т. А., Кулебяев М. А. Мастер-класс «Информационная безопасность» как один из методов формирования культуры безопасного поведения в интернет-пространстве // Теоретические и прикладные вопросы комплексной безопасности : материалы III Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 марта 2020 года. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2020. С. 207–209. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=avfvuk (дата обращения: 15.04.2024).

8. Петрова Н. П. Информационная культура личности и ее формирование у студентов в условиях информационно-образовательной среды вуза // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 286–287. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=xunexj (дата обращения: 15.04.2024).

9. Ребко Э. М., Федорова А. П. Информационная образовательная среда учебного заведения как средство формирования информационной культуры студентов // Молодой ученый. 2014. № 1. С. 566–568.

10. Рудинский И. Д., Околот Д. Я. Формирование культуры информационной безопасности студентов колледжа // Информатика и образование. 2019. № 9 (308). С. 29–36. DOI: https://doi.org/10.32517/0234-0453-2019-34-9-29-36

11. Эльтемеров А. А., Федорова С. Н. Цифровые компетенции курсантов вузов министерства чрезвычайных ситуаций России // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 3 (37). С. 64–71. DOI: https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-3-64-71

Статья поступила в редакцию 06.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.07.2024 г.; принята к публикации 20.08.2024 г.

Об авторах

Федорова Светлана Николаевна
доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8163-8273, *svetfed65@rambler.ru*

Кулебяев Михаил Анатольевич
аспирант кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1); старший преподаватель, Волжский филиал МАДИ (428028, Российская Федерация, г. Чебоксары, пр. Тракторостроителей, д. 101, корп. 30), ORCID: https://orcid.org/0009-0007-6657-5041, *kadet21rus@yandex.ru*

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Astakhova L. V. The concept of the information-security culture. *Scientific and Technical Information Processing*, 2014, vol. 41, no. 1, pp. 22–28. (In Eng.). DOI: https://doi.org/10.3103/S0147688214010067

2. Bystrova N. V., Urakova M. N., Ermolaeva E. L. Tsifrovye tekhnologii v obrazovatel'nom prostranstve [Digital technologies in the educational space]. *Professional'noe samoopredelenie molodezhi innovatsionnogo regiona: problemy i perspektivy : sbornik statei po materialam Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnoyarsk – Barnaul – Chelyabinsk – Omsk – Nizhnii Novgorod – Moskva – Sankt-Peterburg, 02–17 noyabrya 2020 goda* = Professional self-determination of youth in the innovative region: problems and prospects : collection of articles based on the materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference, Krasnoyarsk – Barnaul – Chelyabinsk – Omsk – Nizhny Novgorod Novgorod – Moscow – Saint

Petersburg, November 02–17, 2020, edit. by A. G. Mironov. Krasnoyarsk, 2020, pp. 88–91. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44405907&pff=1 (accessed 15.04.2024). (In Russ.).

3. Vaganova O. I., Gladkov A. V., Konovalova E. Yu., Voronina I. R. Tsifrovye tekhnologii v obrazovatel'nom prostranstve [Digital technologies in the educational space]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* = Baltic Humanitarian Journal, 2020, vol. 9, no. 2 (31), pp. 53–56. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0902-0012

4. Gnatyshina E. A., Gnatyshina E. V. Tekhnologiya formirovaniya informatsionnoi kul'tury v podgotovke pedagogov professional'nogo obucheniya [Technology of information culture formation in the training of teachers of vocational training]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* = Science vector of Togliatti State University. Series: pedagogy, psychology, 2012, no. 1 (8), pp. 97–100. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=orjzbn (accessed 15.04.2024). (In Russ.).

5. Gruzdeva M. L. Kontseptsiya formirovaniya informatsionnoi kul'tury studentov vuza [The concept of forming of information culture of students of High scool]. Nizhny Novgorod, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University Publ., 2011, 268 p. (In Russ.).

6. Evsyukova N. Yu., Soloveva S. A. Formirovanie kul'tury informatsionnoi bezopasnosti u studentov kak profilaktika molodezhnogo ekstremizma i ksenofobii [Formation of a culture of information security among students as prevention of youth extremism and xenophobia]. *Gosudarstvennaya politika Rossiiskoi Federatsii v sfere bor'by s terrorizmom, korruptsiei i narkotizatsiei obshchestva : sbornik nauchnykh trudov XVII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 24 noyabrya 2022 goda* = State policy of the Russian Federation in the field of combating terrorism, corruption and drug addiction of society : collection of scientific papers of the XVII All-Russian Scientific and practical conference, Cheboksary, November 24, 2022. Cheboksary, Volga branch of the Moscow Automobile and Road State University (MADI) Publ., 2022, pp. 481–484. (In Russ.).

7. Izosimova T. A., Kulebyaev M. A. Master-klass “Informatsionnaya bezopasnost'” kak odin iz metodov formirovaniya kul'tury bezopasnogo povedeniya v internet-prostranstve [Master class “information security” as one of methods of creating culture of safe behaviour in the internet space]. *Teoreticheskie i prikladnye voprosy kompleksnoi bezopasnosti : materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 20 marta 2020 goda* = Theoretical and applied issues of integrated security : proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 20, 2020, St. Petersburg, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Civil Defense, Emergencies and Disaster Response of the Russian Federation Publ., 2020, pp. 207–209. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=avfvuk (accessed 15.04.2024). (In Russ.).

8. Petrova N. P. Informatsionnaya kul'tura lichnosti i ee formirovanie u studentov v usloviyakh informatsionno-obrazovatel'noi sredy vuza [Information culture of a person and it’s formation of students under conditions of the information and educational environment of higher education]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = World of Science, Culture, and Education, 2018, no. 3 (70), pp. 286–287. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=xunexj (accessed 15.04.2024). (In Russ.).

9. Rebko E. M., Fedorova A. P. Informatsionnaya obrazovatel'naya sreda uchebnogo zavedeniya kak sredstvo formirovaniya informatsionnoi kul'tury studentov [Information educational environment of an educational institution as a means of forming the information culture of students]. *Molodoi uchenyi* = Young scientist, 2014, no. 1, pp. 566–568. (In Russ.).

10. Rudinskiy I. D., Okolot D. Ya. Formirovanie kul'tury informatsionnoi bezopasnosti studentov kolledzha [The formation of information security of college students]. *Informatika i obrazovanie* = Informatics and education. 2019, no. 9 (308), pp. 29–36. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.32517/0234-0453-2019-34-9-29-36

11. Eltemerov A. A., Fedorova S. N. Tsifrovye kompetentsii kursantov vuzov ministerstva chrezvychainykh situatsii Rossii [Digital competencies of cadets of university of the Ministry of Emergency Situations of Russia (of the EMERCOM of Russia)]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie* = Pedagogical review, 2021, no. 3 (37), pp. 64–71. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-3-64-71

The article was subm itted 06.06.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 20.08.2024.

About the authors

Svetlana N. Fedorova
Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Professor of the Department of Methodology and Management of Educational Systems, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation) ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8163-8273, *svetfed65@rambler.ru*

Mikhail A. Kulebyaev
Postgraduate student of the Department of Methodology and Management of Educational Systems, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424001, Russian Federation); senior lecturer, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Volga branch (101/30 Tractorostroiteley Ave., Cheboksary 428028, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0009-0007-6657-5041, *kadet21rus@yandex.ru*

All authors have read and approved the final manuscript.

Вестник Марийского государственного университета. Т. 18. № 3. 2024

Vestnik of the Mari State University, vol. 18, no. 3, 2024

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOLOGY

УДК 81'1
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-351-358

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

С. В. Аликова

Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. ***Цель исследования*** – анализ терминосферы киберпреступлений для выявления наиболее распространенных категорий лексики и словообразовательных моделей, определение наиболее типичных трудностей при переводе терминологических единиц с английского языка на русский. ***Актуальность*** данного исследования обусловлена тем, что киберпреступность является одним из самых популярных видов преступлений XXI века. Терминология и ее перевод, особенно в рамках узких сфер, таких как киберпреступность, играют важную роль в переводоведении и в лингвистике**.** ***Материалом*** данного исследования послужили 200 терминов в сфере информационных технологий, отобранных в процессе анализа словарных дефиниций из электронных тезаурусов и глоссариев, которые входят в учебно-методическое пособие для будущих сотрудников правоохранительных органов от Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, а также из научных статей в глобальной сети Интернет. Использовался сравнительно-сопоставительный метод при выявлении типов терминологии и типичных словообразовательных моделей. Рассматриваются лексические и словообразовательные особенности, и по аналогии с юридической лексикой терминология киберпреступлений подразделяется на пять категорий, за исключением латинизмов. Были определены типичные особенности терминосферы, представляющие трудности для переводчиков и сотрудников правоохранительных органов. ***Научная новизна*** работы состоит в акцентировании очевидности значимости объекта исследования в таких научных и практико-ориентированных сферах, как лингвистика, правоохранительная деятельность. ***В результате*** было выявлено, что одной из самых распространенных трудностей при переводе терминов киберпреступности, т. е. в сфере лексикографии и в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов, являются аббревиатуры. В силу высокой продуктивности данного метода словообразования, аббревиатура становится препятствием на пути к правильному переводу, поскольку может иметь иное толкование в другом профессиональном языке или функциональном стиле английского и русского языков. В терминологии киберпреступности существует огромное количество многокомпонентных терминов. Грамматическое оформление в них может быть выражено различными способами, но с сохранением формальных и семантических функций, присущих национальному языку.

Ключевые слова: киберпреступление, терминология, категории юридической лексики, аббревиатура, омофоны, многокомпонентный термин

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Аликова С. В.* Лингвистический аспект терминологической сферы киберпреступлений // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 351–358. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-351-358

LINGUISTIC ASPECT OF THE TERMINOLOGICAL SPHERE OF CYBERCRIME

S. V. Alikova

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. ***The purpose*** of the study is to analyze the terminology of cybercrime in order to identify the most common categories of vocabulary and word–formation models, to reveal the most typical difficulties

© Аликова С. В., 2024

in translating terminological units from English into Russian. ***The relevance*** of this study is due to the fact that cybercrime is one of the most popular types of crimes of the XXI century. Terminology and its translation, especially in narrow fields such as cybercrime, play an important role in translation studies and linguistics. ***The material of this study*** was 200 terms in the field of information technology, selected in the process of analyzing dictionary definitions from electronic thesauri and glossaries, which are included in the training manual for future law enforcement officers from the United Nations Office on Drugs and Crime, as well as from scientific articles on the global Internet. A comparative method was used to identify the types of terminology and typical word-formation models. Lexical and word-formation features are considered, and by analogy with the legal vocabulary the terminology of cybercrime is divided into five categories, with the exception of Latinisms. Typical features of the terminosphere that pose difficulties for translators and law enforcement officers have been identified. ***The scientific novelty*** of the work consists in recognizing the obvious importance of the object of research in such scientific and practice-oriented fields as linguistics, law enforcement. ***As a result***, it was revealed that one of the most common difficulties in translating cybercrime terms, i. e. in the field of lexicography and in the practical activities of law enforcement officers, are abbreviations. Due to the high productivity of this method of word formation, the abbreviation becomes an obstacle to correct translation, since it may have a different interpretation in another professional language or functional style of English and Russian. There are a huge number of multicomponent terms in the terminology of cybercrime. Grammatical design in them can be expressed in various ways, but with the preservation of formal and semantic functions inherent in the national language.

Keywords: cybercrime, terminology, categories of legal vocabulary, abbreviation, homophones, multicomponent term

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Alikova S. V.* Linguistic aspect of the terminological sphere of cybercrime. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 351–358. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-351-358

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что киберпреступность является одним из самых популярных видов преступлений XXI века. Данный вид правонарушений характеризуется совершением противоправных деяний с использованием информационных технологий. По актуальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершается каждое третье преступление. В настоящее время в этой сфере зарегистрировано на 29,2 % преступлений больше, чем в прошлом году. В связи с этим необходимо развивать компетенцию сотрудников органов внутренних дел в сфере IT-технологий, а также поощрять овладение английской специальной терминологией, что позволит профессионалам легко ориентироваться в сфере киберпреступлений.

Активное развитие терминологии киберпреступности также связано с постоянным развитием отношений между странами в области юриспруденции, криминалистики и пр. Правоохранительным органам необходимо общаться на одном языке для обеспечения безопасности населения. В сфере борьбы с киберпреступлениями им стал английский язык. Большинство преступлений, связанных с компьютерными технологиями, происходит на международном уровне. При этом криминалистам необходимо предъявлять доказательства виновности и невиновности. Следовательно, требуются знания различной терминологии, чтобы предъявлять более точные и верные доказательства. Для борьбы с такими преступлениями была выделена область криминалистики – цифровая криминалистика (digital criminalistics). В России она зародилась в 90-е годы, когда в одном из документов о заключении экспертов появилась фраза – «судебно-кибернетическая экспертиза». На тот момент исследовались чип-карты, которые были предназначены для таксофона.

В начале текущего столетия начался процесс обмена экспертным опытом. Среди выпущенных на тот момент докладов можно выделить следующие: реферативные сборники «Применение

специальных познаний при раскрытии и расследовании преступлений, сопряженных с использованием компьютерных средств», «Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации»[1], «Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы»[2]. Затем последовала профессиональная краткосрочная подготовка экспертов компьютерной экспертизы: 2002–2003 гг. – подготовка программы обучения эксперта компьютерной экспертизы для Минюста России и МВД в Саратовском юридическом институте МВД России; 2003 – первые в России сборы экспертов компьютерной экспертизы для Минюста России; 2004 – первые в России сборы экспертов компьютерной экспертизы для МВД России.

Терминология и ее перевод, особенно в рамках узких сфер, таких как киберпреступность, играют важную роль в переводоведении и в лингвистике. Киберпреступность – понятие, которое достигло огромных масштабов почти во всех сферах человеческой жизни. В докладе X Конгресса ООН 2000 г. говорится, что термин «киберпреступность» относится к любому преступлению, которое совершается с помощью компьютерных систем или сетей. Все понятия, связанные с киберпреступлениями, так или иначе относятся к юридическому английскому языку. Для сотрудников полиции юридический английский язык является довольно трудным в плане понимания значения слов. Особенно сложными для перевода и понимания, как мы убедимся далее, являются аббревиатуры и сокращения терминосферы киберпреступности.

Материалы и методы исследования

Материалом данного исследования послужили 200 терминов в сфере информационных технологий, отобранных в процессе анализа словарных дефиниций из электронных тезаурусов и глоссариев, которые входят в учебно-методическое пособие для будущих сотрудников правоохранительных органов от Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, а также из научных статей в глобальной сети Интернет. Использовался сравнительно-сопоставительный метод при выявлении типов терминологии и типичных словообразовательных моделей.

Теоретическую основу работы составили труды в области лексической и словообразовательной классификации терминосферы киберпреступлений[3,4], работы, раскрывающие виды данных преступлений [1; 2], а также особенности терминообразования [3; 4; 5; 6; 7; 8].

Лексические и словообразовательные особенности сферы киберпреступности

Одной из главных особенностей юридического английского языка является наличие различных пластов лексики. Наиболее всеобъемлющим, на наш взгляд, является разделение на следующие категории[5]:

- юридические омонимы;
- техническая юридическая лексика;
- юридические латинизмы;
- имена собственные;
- сокращения;
- жаргон.

Под понятием «юридические омонимы» подразумевается использование кажущихся повседневными слов, которые имеют специфические и часто очень разные значения в юридических контекстах. Это слова, которые используются в нетехнических и неправовых разговорах. В качестве примеров можно привести *civil* (гражданский), *complaint* (жалоба), *assault* (нападение). Юридические значения таких слов не всегда будут даны в неспециализированных словарях. Данную лексику необходимо понимать исходя из ее конкретного юридического контекста, например слово *assault*, которое в общем значении означает «физическое нападение». В специализированном юридическом онлайн-словаре эта единица определяется как «преднамеренное действие со стороны одного лица, вызывающее у другого опасение неминуемого вредного или оскорбительного контакта». Часто нападение – это преступление, заключающееся

[1] Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 39 с.

[2] Усов А. И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы : автореферат дис. ... д-ра юридических наук : М., 2002. 41 с.

[3] Раушер К. Ф., Ященко В. Основы критически важной терминологии. Двусторонний проект Россия – США по выработке основ критически важной терминологии в области кибербезопасности. Москва, Нью-Йорк, 2011. 41 с.

[4] Boyd M. Handbook Linguistic Cybercrime. Juropean Judicial Training Network, 2017. 83 p.

[5] Там же. P. 9.

в угрозе человеку вместе с актом физического контакта с ним. В сфере киберпреступности, которая постоянно меняется с развитием более сложных технологий (при этом преступники также совершенствуют свои методы), официальные словари не всегда могут угнаться за темпами динамичных изменений. Примеры данных лексических единиц в рассматриваемой нами сфере: *latency* (период, в течение которого вирус или червь воздерживаются от явной активности или нанесения ущерба), *injection* (атака, осуществляемая путем внедрения вредоносного кода или данных в то, что принимающая система считает действительным запросом). Необходимо обладать достаточной профессиональной и языковой осведомленностью, чтобы суметь выбрать требуемый вариант перевода. Один из принятых методов решения такой проблемы – это, конечно же, обращение к словарям. Например, могут быть расхождения в значении термина в английском и русском языках, следовательно, использовать общеизвестное эквивалентное слово нельзя. Огромную сложность также могут составить слова-ловушки, с которыми специалисты ранее сталкивались только в сфере общеупотребительной лексики. Так, толкование термина *packet* (сетевой блок данных) может не вызвать затруднений, поскольку он переводится на русский язык как «пакет», но процесс перевода слова *flooding* может ввести в заблуждение. Всем известно, что оно переводится как затопление, наводнение. Но в компьютерной области *flooding* – это алгоритм атаки системы путем перенасыщения ее информацией. В русскоязычных источниках это слово, как правило, переводят как *флудинг*.

Вторая категория, техническая юридическая лексика, относится к словам, которые обычно встречаются только в юридическом контексте. Многие из данных лексических единиц могут быть известны гражданским лицам, например: *defendant* обвиняемый, *judge* судья, *jury* присяжные заседатели. Эти слова считаются техническими или профессиональными, поскольку они функционируют исключительно в правовой сфере и не имеют применения за ее пределами. Примерами из рассматриваемой нами сферы можгут служить слова *mail-bombing* (отправка большого количества нежелательных сообщений электронной почты одному получателю или группе получателей. Почтовая бомбардировка – это форма отказа в обслуживании), *malware* (компьютерный код со злыми намерениями. Вредоносное ПО включает троянских коней, программы-вымогатели, шпионские программы).

Следует отметить, что английский юридический язык полон латинских слов и выражений, чего нельзя сказать о терминосфере киберпреступлений. Четвертая категория, имена собственные, не является широко распространенной. В качестве примера можно привести американское выражение *Miranda warning* – правило Миранды (юридическое требование в США, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий должен получить положительный ответ на вопрос, понимает ли он сказанное). В области терминосферы киберпреступлений таким примером может выступить словосочетание *Trojan horse* (троянский конь, название вируса).

Аббревиатуры и жаргонизмы очень часто встречаются в юридических текстах в сфере киберпреступности. Акронимы, аббревиатуры широко используются в юридическом английском языке. Отмечается, что использование таких сокращений полезно для эффективного профессионального общения, и знание таких форм свидетельствует о принадлежности к специализированной группе юристов-профессионалов, например: *NFC – Near Field Communication* (набор протоколов связи, который позволяет двум электронным устройствам, одним из которых обычно является портативное устройство, например смартфон, устанавливать связь, располагая их на расстоянии примерно 4 см). *APT – Advanced Persistent Threat* (злоумышленник с долгосрочными целями, обладающий высокой квалификацией и хорошо финансируемый, как правило, правительством или организованной преступностью. *APT* обычно представляет собой сложную атаку, использующую несколько методов для получения максимальной выгоды).

Одной из самых распространенных трудностей при переводе текстов в сфере киберпреступности являются аббревиатуры, в силу того что аббревиация выступает как самый продуктивный метод словообразования. Основной задачей применения аббревиатур и акронимов является экономия речи, перенос смысловой единицы

в максимально емкой форме. Преимущества такой экономии не затрагивают носителя языка-реципиента. Часто аббревиатура становится препятствием на пути к правильному переводу, поскольку обладает полисемантичностью и относится к разным сферам употребления. В качестве наглядного примера выступает аббревиатура *DAC*. В компьютерной безопасности *DAC* расшифровывается как *Discretionary Access Control* и переводится как избирательное управление доступом – управление доступом субъектов к объектам на основе матрицы доступа. В научных текстах *DAC* выступает как обозначение ячейки с алмазными наковальнями – *Diamond Anvil Cell*. Это конструкция, используемая в определенных научных экспериментах с давлением и температурой. В интернет-коммуникации можно найти данное сокращение и с другим значением, подразумевающим название игры *Divide and Conquer*. Четвертая область применения аббревиатуры *Divide-and-conquer algorithm* – в качестве термина, используемого в информатике для обозначения алгоритма рекурсивного разбиения задачи на подзадачи. Два термина из четырех вышеупомянутых относятся к родственным тематикам – информатика, компьютерная безопасность, но обозначают совершенно разные понятия.

Последняя категория – сленговые или жаргонные термины, которые используются представителями юридической профессии для обозначения той или иной части их работы при неофициальном общении, например: *arguendo* (аргументированно), *black-latter law* (закон о черных буквах, т. е. стандартные правила, которые широко приняты и не подлежат обсуждению), *chilling effect* (леденящий эффект – подавление или препятствование законному осуществлению естественных и законных прав под угрозой юридических санкций). В дополнение к юридическим жаргонным терминам одной из определяющих характеристик текстов в сфере киберпреступности является широкое использование компьютерного технического жаргона: *botnet* (сеть компьютеров, зараженных ботами, которые используются для контроля и атаки на компьютерные системы), *brute force attack* (процесс, при котором злоумышленник пробует множество паролей в надежде угадать), *crimeware* (программные инструменты, предназначенные для помощи преступникам в совершении онлайн-преступлений), *hacktivism* (политически или идеологически мотивированный вандализм; порча сайта в целях размещения политической пропаганды или нанесения вреда идеологическому противнику), *moneymule* (человек, которого используют для перевозки или отмывания украденных денег в целях содействия преступной деятельности и связанных с ней организаций).

Следует подчеркнуть, что многие неологизмы были созданы относительно недавно с помощью различных форм словообразования и часто основаны на других терминах, уже существующих как часть так называемого компьютерно-опосредованного взаимодействия. Один из самых популярных типов неологизмов в терминологии киберпреступности – омофоны. Например, *pharming* (созвучное с farming) – процедура скрытного перенаправления жертвы на ложный IP-адрес. Это явление, согласно многим владельцам крупных корпораций, назвали так ради маркетингового хода, чтобы привлечь больше компаний к покупке защитных программ. Другим похожим примером служит термин *phishing* (созвучное с fishing) – вид интернет-мошенничества для получения доступа к конфиденциальным данным пользователей. Такого рода термины на русский язык переводятся с помощью транскрибирования: фарминг и фишинг.

Для образования терминов используются различные суффиксы и префиксы, общие для всех функциональных стилей. Например, при помощи суффиксов *-er, -or, -ist* образуются существительные, именующие работников и специалистов: *(computer)specialist* (компьютерщик), *developer* (разработчик), *(security) officer* (сотрудник службы безопасности) *hacker* (хакер). Существительные, определяющие конкретные предметные значения, образуются с помощью суффиксов *-ing, -ment: e-Government* (электронное правительство) *spoofing* (подмена, подделка). Отвлеченное значение в существительных передается через суффиксы свойств и качеств *-ness, -ty: (system) integrity* (целостность системы, уровень надежности) *weakness* (уязвимость, слабое место). Технологические процессы и действия находят отражение посредством суффикса *-ing: trunking* (перемещение лиц между адресами), *broadcasting* (трансляция), *clickbaiting* (создание заголовков и контента с целью максимального получения кликов и просмотров).

Однословные термины можно разделить на следующие группы: 1) с одной основой: *byte* (байт*) filter* (фильтр) *monitor* (дисплей) *net* (сеть) 2) с основой и одним или более аффиксом: *transceiver* (приемопередатчик), *selector* (ручка настройки).

В сфере терминологии киберпреступности существует огромное количество многокомпонентных терминов. Их грамматическое оформление может быть выражено следующими способами: 1) суффиксами: *outsider threat* (внешняя угроза безопасности) 2) предлогами: *continuity of operations* (обеспечение непрерывности действий) 3) окончаниями: *risk-based data* (данные с учетом рисков) [1]. Следует подчеркнуть, что термины-словосочетания в терминосфере киберпреступности гораздо более устойчивы, чем общелитературные словосочетания, некоторые из них можно причислить к тематическим коллокациям.

Заключение

Терминология в сфере киберпреступности и ее адекватный перевод играют важную роль в лингвистике и профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Для последних важно не только обладать высокими навыками в сфере информационных технологий для оказания эффективного противодействия киберпреступности, но и, прежде всего, владеть соответствующей специальной английской терминологией. Одной из самых распространенных трудностей при переводе текстов в сфере киберпреступности являются аббревиатуры. В силу высокой продуктивности данного метода словообразования аббревиатура становится препятствием на пути к правильному переводу, поскольку может иметь иное толкование в другом профессиональном языке или функциональном стиле английского и русского языков. В терминологии киберпреступности существует значительное количество многокомпонентных терминов. Грамматическое оформление в них может быть выражено различными способами, но с сохранением формальных и семантических функций, присущих национальному языку.

1. Витвицкая С. С., Витвицкий А. А., Исакова Ю. И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 1. С. 126–136. DOI: https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136

2. Головенченко А. А. Английский язык в сфере кибербезопасности – лексико-семантический аспект некоторых современных тенденций // Инновационная траектория развития лингвистических исследований в современном мире : сборник научных трудов. Избранное, Москва – Мехико, 03 декабря 2021 года. М : Центр современных научных исследований и образовательных технологий, 2021. С. 44–55. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=esjjgc (дата обращения: 13.05.2024).

3. Богданова Н. В. Особенности терминирования новых юридических понятий и специфика перевода неологизмов // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права : материалы IV всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 сентября 2018 года / отв. ред. Е. В. Трофимов. СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 28–34. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36630419 (дата обращения: 11.05.2024).

4. Кислицкая С. С. Трансформация языковых единиц в компьютерном жаргоне // Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию заслуженного деятеля науки РД, заслуженного работника высшей школы РФ, доктора филологических наук, профессора Велибека Мирзабековича Загирова, Махачкала, 25 сентября 2020 года / Дагестанский государственный педагогический университет. Махачкала : АЛЕФ, 2020. С. 214–218.

5. Магомедова А. А., Рагимханова Т. И. Лексико-грамматические особенности компьютерного жаргона (на материале англоязычных сайтов) // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в неязыковых вузах : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Академия ФСИН России, 26 мая 2023 года. Рязань : Академия ФСИН России, 2023. С. 154–157. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60059467&pff=1 (дата обращения: 13.05.2024).

6. Медведева С. А., Голуб Л. Н., Кулиничев С. А. Английская лексика в компьютерных терминах // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Информационные технологии. 2020. № 1 (15). С. 17–19. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43029496 (дата обращения: 12.05.2024).

7. Осадчая И. Ю. Обучение студентов компьютерных специальностей английской профессиональной лексике с применением когнитивных стратегий // E-Scio. 2023. № 5 (80). С. 300–308. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-studentov-kompyuternyh-spetsialnostey-angliyskoy-professionalnoy-leksike-s-primeneniem-kognitivnyh-strategiy (дата обращения: 11.05.2024).

8. Юнда Д. Р., Пишкова Е. Ю. Способы перевода безэквивалентной юридической лексики // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 25 декабря 2020 года). Чебоксары : ИД «Среда», 2020. С. 222–224. DOI: https://doi.org/10.31483/r-97502

Статья поступила в редакцию 17.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 22.07.2024 г.; принята к публикации 29.08.2024 г.

Об авторе

Аликова Светлана Викторовна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков, Краснодарский университет МВД России (350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3708-8766, *kopaeva1979@yandex.ru*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Vitvitskaya S. S., Vitvitsky A. A., Isakova Yu. I. Kiberprestupleniya: ponyatie, klassifikatsiya, mezhdunarodnoe protivodeistvie [Cybercrime: concept, classification, international counteraction]. *Pravovoi poryadok i pravovye tsennosti* = Legal order and legal values, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 126–136. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136

2. Golovenchenko A. A. Angliiskii yazyk v sfere kiberbezopasnosti – leksiko-semanticheskii aspekt nekotorykh sovremennykh tendentsii [English in the cybersecurity domain – lexico-semantic aspect of some current tendencies]. *Innovatsionnaya traektoriya razvitiya lingvisticheskikh issledovanii v sovremennom mire : sbornik nauchnykh trudov. Izbrannoe, Moskva – Mekhiko, 03 dekabrya 2021 goda* = The innovative trajectory of linguistic research in the modern world : a collection of scientific papers. Favorites, Moscow – Mexico City, December 03, 2021, M., Center for Modern Scientific Research and Educational Technologies, 2021, pp. 44–55. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=esjjgc (accessed 13.05.2024). (In Russ.).

3. Bogdanova N. V. Osobennosti terminirovaniya novykh yuridicheskikh ponyatii i spetsifika perevoda neologizmov [Features of the termination of new legal concepts and the specifics of the translation of neologisms]. *Aktual'nye voprosy razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti i publichnogo prava : materialy IV vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2018 goda* = Topical issues of the development of Russian statehood and public law : proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, September 27, 2018. The responsible editor is E. V. Trofimov, SPb. : St. Petersburg Institute (branch) VGUY (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2018, pp. 28–34. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36630419 (accessed 11.05.2024). (In Russ.).

4. Kislitskaya S. S. Transformatsiya yazykovykh edinits v komp'yuternom zhargone [Transformation of linguistic units in computer jargon]. A*ktual'nye problemy sovremennoi lingvistiki i lingvodidaktiki : materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu zasluzhennogo deyatelya nauki RD, zasluzhennogo rabotnika vysshei shkoly RF, doktora filologicheskikh nauk, professora Velibeka Mirzabekovicha Zagirova, Makhachkala, 25 sentyabrya 2020 goda* = Actual problems of modern linguistics and linguodidactics : materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Honored Scientist of the Republic of Tatarstan, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor Velibek Mirzabekovich Zagirov, Makhachkala, September 25, 2020 year, Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, ALEF Limited Liability Company, 2020, pp. 214–218. (In Russ.).

5. Magomedova A. A., Ragimkhanova T. I. Leksiko-grammaticheskie osobennosti komp'yuternogo zhargona (na materiale angloyazychnykh saitov) [Lexico and grammatical features of computer jargon (based on the material of English-language websites)]. *Filologicheskie i pedagogicheskie aspekty gumanitarnogo obrazovaniya v neyazykovykh vuzakh : sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Akademiya FSIN Rossii, 26 maya 2023 goda* = Philological and pedagogical aspects of humanitarian education in non-linguistic universities : collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, May 26, 2023, Ryazan , Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023, pp. 154–157. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60059467&pff=1 (accessed 13.05.2024). (In Russ.).

6. Medvedeva S. A., Golub L. N., Kulinichev S. A. Angliiskaya leksika v komp'yuternykh terminakh [English vocabulary in computer terms]. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskii universitet. Informatsionnye tekhnologii* = Bulletin of the educational consortium Central Russian University. Information technology, 2020, no. 1 (15), pp. 17–19. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43029496 (accessed 12.05.2024). (In Russ.).

7. Osadchaya I. Yu. Obuchenie studentov komp'yuternykh spetsial'nostei angliiskoi professional'noi leksike s primeneniem kognitivnykh strategii [Teaching students of computer specialties English professional vocabulary using cognitive strategies]. *E-Scio*, 2023, no. 5 (80), pp. 300–308. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-studentov-kompyuternyh-spetsialnostey-angliyskoy-professionalnoy-leksike-s-primeneniem-kognitivnyh-strategiy (accessed 11.05.2024). (In Russ.).

8. Iunda D. R., Pishkova E. Iu. Sposoby perevoda bezekvivalentnoi yuridicheskoi leksiki [Methods of translation of non-equivalent legal vocabulary]. *Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: sovremennye vzglyady : materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Cheboksary, 25 dekabrya 2020 goda)* = Culturology, art criticism and philology: modern views : materials of the All-Russian Scientific and Practical conference with international participation (Cheboksary, December 25, 2020). Cheboksary, Limited Liability Company “Publishing House “Wednesday”, 2020, pp. 222–224. (In Eng.). DOI: https://doi.org/10.31483/r-97502

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 27.07.2024; accepted for publication 29.08.2024.

About the author

Svetlana V. Alikova
Ph. D. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (128, Yaroslavskaya, Krasnodar 350005, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3708-8766, *kopaeva1979@yandex.ru*

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 398.2
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-359-367

Особенности реализации мотива путешествия (женского квеста) в романе М. В. Семеновой «Лебединая дорога»

А. Р. Ахмедзянова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** Статья посвящена актуальной проблеме – исследованию природы женских образов в творчестве известной писательницы Марии Семеновой. Автор статьи показывает особенности реализации так называемого «женского квеста» на примере путешествия главной героини романа «Лебединая дорога» – словенской девушки, пережившей плен, спасение, адаптацию к чужой культуре и возвращение домой. Структурные элементы квеста связаны с мифологическим хронотопом и рассматриваются с опорой на методики В. Я. Проппа и Дж. Кэмпбелла. ***Методической базой исследования*** являются работы А. Я. Гуревича, В. В. Каратовской, М. Элиаде, Ц. Тодорова. Роман «Лебединая дорога» как отдельное произведение исследовано недостаточно, чаще его используют как пример сравнения и установления закономерностей в произведениях Марии Семеновой или в славянском фэнтези в целом. Вместе с тем роман представляет интерес именно с точки зрения особенностей пути героя в произведениях жанра фэнтези. ***Цель статьи*** заключается в попытке установления квестовой природы романа. ***Заключение.*** Автор приходит к выводу о том, что реализация мотива путешествия осуществляется с использованием как женской, так и мужской моделей. Женский квест героини, таким образом, инициирует начало мужских квестов, где она выступает либо в качестве награды, либо дарителя. Также показаны межкультурные связи в системе мифологем. Автор статьи утверждает, что Мария Семенова создает психологические портреты героев с использованием одной из определяющих в мифологических системах разных этносов оппозиции свой / чужой. В принятии «чужих» представлений о мире при верности «своим» и заключается уникальность квеста главной героини романа.

Ключевые слова: мифологема, фэнтези, М.В. Семенова, женский образ, мотив путешествия, квест, женский квест

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Ахмедзянова А. Р.* Особенности реализации мотива путешествия (женского квеста) в романе М. В. Семеновой «Лебединая дорога» // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 359–367. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-359-367

The features of the implementation of the travel motif (women's quest) in the novel by M. V. Semenova “Swan Road”

A. R. Akhmedzyanova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** The article is devoted to an urgent problem – the study of the nature of female images in the work of the famous writer Maria Semenova. The author of the article shows the peculiarities of the implementation of the so-called “women's quest” using the example of the journey of the main character of the novel “Swan Road” – a Slovenian girl who survived captivity, rescue, adaptation to a foreign culture and return home. The structural elements of the quest are connected with the mythological chronotope and are considered based on the methods of V. Y. Propp and J. Campbell's. ***The methodological basis*** of the research is the work of A. Ya. Gurevich, V. V. Karatovskaya, M. Eliade, Ts. Todorov. The novel “Swan Road” as a separate work has not been studied enough, it is more often used as an example of comparing and establishing patterns in the works of Maria Semenova or in Slavic fantasy as a whole. At the same time, the novel is of interest precisely from the point of view of the peculiarities of the hero's path in the works of the fantasy genre. ***The purpose*** of the article is to attempt to establish the quest nature of the novel. ***Conclusion.*** The author comes to the conclusion that the realization of the travel motive is carried out using both female and male models. The heroine's female quest thus initiates the beginning of male quests, where she acts either as a reward or a giver. Intercultural connections in the system of mythologies are also shown.

© Ахмедзянова А. Р., 2024

The author of the article claims that Maria Semenova creates psychological portraits of heroes using one of the oppositions of her / someone else defining in the mythological systems of different ethnic groups. The uniqueness of the quest of the main character of the novel lies in accepting “other people's” ideas about the world while being faithful to “her own”.

Keywords: mythologem, fantasy, M.V. Semenova, female image, travel motif, quest, female quest

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Akhmedzyanova A. R.* The features of the implementation of the travel motif (women's quest) in the novel by M. V. Semenova “Swan Road”. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 359–367. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-359-367

Введение

Роман М. В. Семеновой «Лебединая дорога» был издан в 2006 году в сборнике под одноименным названием. В трудах современных исследователей проблем авторской мифологии и славянского фэнтези он рассматривается по преимуществу либо в сопоставлении с другими произведениями М. В. Семеновой, либо других авторов [1; 2; 3]. На наш взгляд, роман интересен и как оригинальная попытка создания автором своеобразного и весьма сложного образца путешествия героя в нескольких его вариациях: женской, мужской и теневой. При этом Семенова создает хронотоп, насыщенный разнообразными мифологемами.

С главной героиней романа «Лебединая дорога», словенской девушкой Звениславкой, читатель знакомится при обстоятельствах, угрожающих ее жизни. Купленная на невольничьем торге и увезенная в неизвестном направлении, Звениславка практически гибнет на покинутом во время шторма корабле. В развернутой метафоре оставленного людьми судна Семенова реализует несколько мифологем. Первая – образ скандинавского бога Ньёрда – хозяина морской стихии, переменчивого и безжалостного ко всему живому. Его необходимо умилостивить жертвами, одной из которых предположительно и должна была стать Звениславка.

Мифологический хронотоп романа автор дополняет образами-символами стихий: буря, ветер и море также являются живыми. По свидетельству А. Я. Гуревича, подобное олицетворение стихий характерно для средневекового сознания [4]. Также исследователь неоднократно отмечает, что именно в скандинавской мифологии геоцентрический мир людей – Миргард в старшей Эдде – ограничивается защищающим людей от великанов «забором» – морем [4; 5]. Образ скандинавского Мидгарда (букв. Срединной усадьбы) Семенова воплощает и далее в обозначении хронотопа первой книги романа: *«Благосклонные боги создали мир наподобие жилого двора»*[1].

Образ грозного морского бога, дарующего гибель в равной степени с удачей, реализуется далее в процессе общении с ним воинов-викингов, однако главная героиня не принадлежит к национальному сообществу скандинавов, следовательно, эта деталь указывает на возможный дальнейший путь главной героини в северной стране Норэгр.

Другая мифологема – изображение корабля как живого страдающего существа: *«Буря разорвала его парус, расшатала деревянные члены. Волны перебрасывали одна другой разваливавшийся, переставший сопротивляться остов»* (с. 9). Она может быть истолкована двояко. Во-первых, согласно исследователям древнегерманской литературы, образ корабля как живого существа также принадлежит скандинавской мифологии более, чем славянской [4; 5; 6]. Для героини Семеновой пересечение возмущенной границы мира живых и мира мертвых смертельно опасно: она вступает в другую мифологическую картину мира, в средневековом сознании перерождается в другом мире. Не погибая, Звениславка все же теряет сознание, «умирая» для своего родного мира словен и возрождаясь в мире викингов с другим именем – Ас-стейнн-ки. Его дал девушке ее спаситель – Хельги Виглафсон. При этом корабль у скандинавов воспринимался как живое существо неслучайно: от наличия и состояния кораблей разных видов зависели благополучие и жизнь викингов и их семей. Хотя, как выясняется позже, корабль

[1] Семенова М. В. Лебединая дорога : сборник. М., 2006. 510 с. Далее ссылки в тексте на это издание в круглых скобках с указанием страницы.

был немецким, но автор рассматривает его именно через призму мифического сознания древних скандинавов: *«Высоко наверху хрустнула мачта, словно кость, переломленная ударом…»* (с. 8).

Во-вторых, функцию этой мифологемы, согласно исследованиям Дж. Кэмпбелла [7; 8; 9], можно рассматривать как чрево кита для Ионы – некое изолированное место, в котором герой проходит внутреннюю трансформацию. Хотя, с точки зрения читателя, странствие Звениславки еще не началось, значение смертельно опасной изоляции на корабле в данном случае – внешняя, социальная трансформация героини. Будучи свободной девушкой из племени словен, захваченной в невольники, героиня переживает избавление от рабства, данное судьбой. Роман «Лебединая дорога» начинается практически с завязки, сюжет открывается незамедлительным сообщением беды, в которой оказывается героиня.

Этимология нового имени Звениславки неясна. По данным словаря Мультитран, в современном норвежском языке существуют слова as – бог (один из многих в политеистической религии), stein – камень, kyst – побережье, берег, с которыми можно этимологически связать имя Ас-стейн-ки как «богини / (девушки), данной богами с каменного берега». Однако это предположение не соответствует ни сюжету, ни образу героини, поэтому данная гипотеза о происхождении имени героини не может считаться правильной. На неясность этимологии норвежского имени Звениславки указывает и замечание самого автора этого имени – Хельги: «*Ее зовут Ас-стейнн-ки. Это не совсем так, но лучше не выговорить*» (с. 12).

В ситуации спасения героини от смерти сама она остается безучастным объектом, как та самая живая награда – прекрасная царевна из фольклорных сюжетов, в которых героями – исполнителями основного действия, проходящими путь испытаний, являются мужчины. В романе «Лебединая дорога» линия мужчины-героя воплощается в нескольких персонажах: Халльгрим Виглафсон, его брат Хельги Виглафсон и сын Видга. Именно их путь автор показывает полностью. Другие мужские персонажи выполняют функцию тени [10] этих героев. В то же время женские персонажи не становятся тенью для главной героини – Звениславки / Ас-стейнн-ки, они проходят каждая свой путь: Унн, спасенная с корабля, Вигдис, дочь Рунольва, воительница Нежелана Вышатична и рабыня Смиренка.

Главное отличие главных и второстепенных (включая теневых) персонажей в романах Семеновой – психологические портреты первых. Второстепенные персонажи выполняют функции, необходимые для создания конфликта или ситуации испытания главного героя. В случае главных героев показаны их чувства, мысли и ощущения, обращения и молитвы к богам, заговоры и их персональное отношение к ним. В то же время главные герои выполняют и необходимые социальные и сюжетные функции, однако читатель проникается сочувствием к ним именно потому, что видит мир их глазами.

Образ Звениславки, чудом выжившей и оказавшейся в своем новом морском доме, на корабле викингов возле своего спасителя, раскрывается постепенно, не столько действием, сколько обнаруженными в ее личности чудесными свойствами. Читатель узнает ее словенское имя и историю ее жизни до испытания. Экспозиция оказывается ретроспективной, отложенной до начала действия: *«Дома ее звали Звениславкой – целых шестнадцать дет, до тех самых пор, покуда не сцапали ее вечером в лесу недобрые гости… да не продали за пригоршню серебра немцам-саксам из далекой рейнской земли»* (с. 10). Откладывание исходной ситуации объясняется возможным стремлением автора ввести мифологический хронотоп уже в начале повествования. Обозначение границ мира повествования характерно именно для произведений жанра фэнтези. Его создатели пытаются захватить внимание читателя, создать иллюзию необычной реальности, заставить читателя и героя колебаться между верой и неверием в происходящее. Отсюда, согласно исследователю фантастического в литературе Цветану Тодорову, создание хронотопа – одна из главных задач данного жанра [11]. В других романах Семеновой: «Валькирия, или Тот, кого я всегда жду», цикл «Волкодав» и др. – создание мифологического хронотопа идет одновременно с введением психологического и внешнего портрета главного героя, что объясняет отложенную экспозицию романа «Лебединая дорога».

Сама М. В. Семенова в интервью неоднократно замечала, что именно жанровые законы фэнтези дают ей возможность показать работу мифологического сознания человека, в том числе

раннего Средневековья, как, например, викингов, видевших валькирий[1],[2].

Наличие фантастического в романе подтверждается и поведением самой Звениславки практически с самого начала повествования. Пытаясь выбраться из трюма корабля, она размышляет, какая судьба ей уготована, и называет бога – хозяина моря – «морским дедом», гадая, «отпустит ли русалкою по чистым речкам домой» (с. 8). Для нее, как и для других героев, чудесные события – то, что достойно веры, причем речь идет не только о «знакомом», родном для персонажа чудесном, но и о чужеземном чудесном (например, при болезни Халльгрима хевдинга Звениславке разрешили сотворить крест топором над заболевшим, а Торгейра Херсира лечил арабский лекарь Абу Джафар).

Методы и материалы

Использование мифологического хронотопа позволяет Семеновой проследить путь героини, который можно проанализировать по методикам В. Я. Проппа и Дж. Кэмпбелла. Отношение героини к упомянутым выше мифологемам также позволяет описать развитие сюжета романа как фольклоризованный квест [12; 13]. Принадлежность романа М. В. Семеновой к фольклорному квесту подтверждают два основных признака, реализующиеся в романе. Во-первых, роман имеет фольклорную основу: хронотоп произведения – мифологический, причем он развивается в двух национально-мифических сферах: скандинавской и славянской, что позволяет разделить путь героев на сферу «дома» и «чужой земли», то есть самого путешествия. Во-вторых, роман «Лебединая дорога» вписывается в классические сюжетные схемы фольклорной сказки [14] и мифа [7], однако в данном случае в основных сюжетных линиях реализуется сразу несколько квестов или части квестов. Выстраивание сюжета по принципу пути героя от испытания к испытанию с инициациями и ожидаемой наградой в конце пути – это реализация мотива путешествия в формате квеста.

Первый – и основной – квест главной героини романа, Звениславки, рассматривается наиболее подробно в данной статье. Второй – путь Халльгримма Виглафсона. В этой сюжетной линии мотив путешествия реализуется и на физическом, т. е. реальном уровне, и действительно представляет собой форму путешествия. Третий – квест Хельги Виглафсона, однако в нем реализуется не только мотив путешествия, но и мотив психологического странствия, но не прямого, а обратного: оно начинается с обретением любимой, а заканчивается расставанием с нею и смертью героя. Четвертый квест – это квест, связанный со взрослением Видги, сына Халльгрима. Из вспыльчивого подростка он превращается в молодого воина, который осознанно рискует жизнью, берет ответственность и за себя, и за других, спасает жизни.

Квест Звениславки для других путешествий героев является инициирующим и связующим звеном.

Обсуждение и результаты

Обратимся к анализу женского квеста-путешествия в соотнесении с параллелями квестов мужских персонажей.

Если рассматривать роман по аналогии с волшебной сказкой и героическим мифом, которые построены по схожей схеме, то введение исходной ситуации, а также отправки героини в путь осуществляется ретроспективно. О начале пути Звениславки, ее родном городе и семье читатель узнает постепенно, по ходу повествования. Звениславка предстает перед читателем в момент перехода границы между миром словен и миром викингов. Этот переход для нее сложен, поскольку героиня перерождается в своем социальном статусе: она умирает как жительница родной земли и возрождается как спасенная чужестранка на корабле викингов. Таким образом, героиня проходит частичную инициацию в чужой для себя культуре, что почти противоречит самому понятию инициации, необходимой для включения индивида в общество.

Инициация [15], пройденная Звениславкой, «условно естественна» для мифологического мира, героиня проходит только лиминарную и постлиминарную стадии обряда перехода. Так, лиминарной стадией можно назвать ее пребывание на корабле: ни на земле (в привычном ей мире людей), ни на небе или в подземном царстве

[1] Интервью Марии Семеновой каналу «Текстуально!». URL: https://vk.com/podcast-199864905_456239020 (дата обращения: 21.04.2024).

[2] Балуева А. Мария Семенова: «Посмотрите мне в глаза – я и есть Волкодав» // Комсомольская правда. 2014. 27 мая. URL: https://www.kp.ru/daily/26235/3118090/ дата обращения: 21.04.2024).

(в привычном ей мире богов). Девушка понимает свою близость к смерти (реальную опасность, в отличие от обрядовой иллюзии) и обращается за помощью к «морскому деду». Такое обращение показывает ее принадлежность к славянской (в тексте Семеновой – словенской) культуре и мифологической картине мира: славяне, называющие себя внуками богов (например, в романах Семеновой – Даждьбога), находящимися в родстве с силами природы, могут обращаться к своим божествам на равных. При этом неполнота инициации героини подчеркивается Семеновой несколько раз. Звениславка выглядит как славянка. Например, носит волосы заплетенными в косу, что удивляет скандинавов. У нее необычное для их слуха имя: Хельги назвал спасенную именем, приближенным к звучанию настоящего имени Звениславки. Имянаречение – это постлиминарный этап обряда перехода для героини.

Принятая викингами, Звениславка остается славянкой и не изменяет себе: она живет со скандинавами как гостья, путешественница. Она не отвечает на любовь Хельги Виглафсона, оставаясь верной князю Чуриле Мстиславичу, скучает по дому и родным. Любое напоминание о доме заставляет ее тосковать, пока викинги сами не предпринимают путешествие в Гардарики. Они не посягают на ее идентичность с народом и покинутой родиной. Халльгрим говорит о ней: «Это Ас-стейнн-ки. Она из Гардарики». Следовательно, нельзя сказать, что, попав к викингам, Звениславка полностью интегрировалась в новое сообщество, ее инициация – это уважительная к своей и чужой культуре инициация путешественника. В то же время именно после инициации читатель узнает о своего рода магической составляющей, приведшей Звениславку в страну Норэгр. Зов странствий героини заключается в знании языков: *«Северную речь Звениславка разумела без труда. Зимой приезжал к ним в Кременец свейский гость и жил, хворый, у князя в доме до самой весны. Она с тем гостем под конец объяснялась вовсе свободно, ни у кого такто не выходило, даже у молодого князя, а уж на что князь умен был да хитер. Иные ей тогда завидовали: на что тебе, девка, чужеплеменнаято речь, не иначе за море Варяжское с купцами разбежалась? А сама она, глупая, знай только радовалась, что и со свеем по-свейски, и с хазарином по-хазарски, и с булгарином на его языке, и с мерянином, из лесу пришедшим… Кто ж ведал, что оно так повернется!»* (с. 15). Это умение индивидуально для героини: взаимопонимание с абсолютно разными по статусу и характеру людьми, а также незлобливость и мягкость в поведении помогают ей выжить среди гордых и суровых воинов.

Что касается мотива путешествия, то он реализуется по классической схеме развития сюжета. В трактовках как В. Я. Проппа, так и Дж. Кэмпбелла герой должен отвергнуть зов или получить одобрение странствия. В случае Звениславки физически зов странствия отвергается: героиня смиряется с предполагаемой гибелью. Однако странствие возможно, так как психологически и интеллектуально героиня к нему готова.

Другой индивидуальной и необычной чертой, почти чудесным свойством в мифологическом сознании скандинавов, является ее привычка записывать то, что видит, вести путевые заметки. Для нового окружения героини создание записей сродни волшебству. Узнавая об этой привычке, читатель понимает, что героиня хорошо образованна для своей социально-исторической ситуации, хотя первое впечатление о ней не предполагает столь глубоких знаний о мире. Поначалу ее принимают за рабыню Хельги (как, например, его родич Эйрик Эйриксон) или не воспринимают всерьез – как Видга: *«Внук Ворона не стал марать кулаков о такое ничтожество, как гардская девчонка»* (с. 43).

Своим появлением в повествовании Звениславка инициирует начало путешествия и других героев, в первую очередь – безответно полюбившего ее Хельги Виглафсона. Он является сильным и опытным воином, но имеет недуг, несовместимый с жизнью. В то же время слепота делает его чутким и позволяет чудесным образом спасти девушку с тонущего корабля и обрести в ней свою любимую: *«По-прежнему не было видно ни души. Но тут слепой снова взял Видгу за плечо, и его пальцы настороженно сжались. Здесь кто-то есть»*. С момента их встречи начинается квест Хельги, где ожидаемой наградой должна стать любовь Звениславки, однако вместо этого герой получает исцеление от своего недуга и право продолжить полноценную жизнь.

Необходимо также отметить, что М. В. Семенова подчеркивает уникальность путешествия своей героини, постоянно вводя персонажей-теней

в значимых эпизодах, являющихся этапами квеста. Эти тени – женские персонажи, которые реализуют иные паттерны поведения, по сравнению с главной героиней. Так, например, тенями Звениславки в романе «Лебединая дорога» становятся уроженка южных земель Унн, которую спасает сын кормщика Сигурд, дочь Рунольва Скальда – Вигдис. При этом ситуация со спасением Унн традиционна. Сигурд «получает» спасенную девушку: она переходит под его защиту, однако ее никто не называет рабыней. Для сравнения: пленников с немецкого корабля привозят на землю как рабов.

Унн оказывается в той же ситуации, что и Звениславка: спасенная чужеземка, она попадает под защиту Сигурда, который берет ее в жены. Однако Унн выполняет ожидаемую роль жены и матери, а Звениславка идет путем реализации своего квеста – возвращения домой.

Данную героиню можно рассматривать как психологический тип тени по отношению к Звениславке в первой книге романа. Появление Унн, чья история нетипична для пленницы или потенциальной рабыни, выявляет внутренний конфликт Звениславки: попав в чужую страну, она оказалась оторвана от суженого – князя Чурилы Мстиславича, с которым читатель столкнется в славянской части книги. Унн выполняет предназначение быть матерью и женой, которого Звениславка оказывается лишена. Однако главная героиня не отказывается от предназначенного возлюбленного и не отвечает на чувства Хельги Виглафсона. Неосознанно, по воле судьбы, она следует своему пути – встрече с возлюбленным. Подобные внутренние конфликты в фольклорных произведениях – несогласие девушек с немилым замужеством – решаются магически. Так, например, в «Калевале» дева Похьёлы, отказываясь от брака с Вяйнямёйненом, обращается в рыбу. Героини сюжетов «Свиной чехол», «Сестра просела», «Чудесное бегство», а также некоторых мифов о похищении или погоне в различных культурах, как, например, миф об Аполлоне и Дафне в античной мифологии, обращаются в животных или объекты природы: деревья, камни и т. д. В романе «Лебединая дорога» магия максимально для демонстрации мифологического сознания дистанцирована от быта героев: в нее верят, однако ее действие воспринимается опосредовано, как, например, в ситуации с излечением матери Халльгрима госпожи Фрейдис или самого Халльгрима, а также в ситуации заговора Смиренки на защиту ее спасителя и возлюбленного – Видги. В подобном отношении к магии читатель слышит голос автора. Главные герои (братья Виглафсоны, Звениславка и Чурила Мстиславич) больше доверяют своим силам, нежели помощи сверхъестественного.

Мотив спасения женщины мужчиной и последующей ее защиты повторяется и в квесте Вигдис, дочери врага Виглафсонов Рунольва Скальда. В ее образе воплощается именно архетип девы-воительницы. В романе этот архетип реализуется и в образе словенской девушки-поляницы Нежеланы, однако Нежелану можно также назвать психологической тенью Вигдис.

Хельги Виглафсон, средний брат из троих, выполняет несколько функций: как участник путешествия Звениславки, а также как герой, проходящий собственный квест. По отношению к Звениславке Хельги является дарителем, а также тенью обещанного суженого. Переплетение двух путешествий – мужского квеста Хельги и женского квеста Звениславки – необходимо и для того, чтобы подчеркнуть уникальность квеста героини. Будучи женщиной, для которой в обществе с мифологическим сознанием логичной траекторией путешествия является инициация в девичество, любовь и брак, рождение и воспитание детей, Звениславка проходит часть своего жизненного пути по «мужскому» типу: странствие, добыча награды – собственной свободы – и обретение возлюбленного.

Звениславка показывает качества, характерные именно для героя: незаурядный ум и необычную для женщины мифологического общества в романе ученость, стойкость и верность своей судьбе, однако это не отменяет женского характера ее квеста: она сохраняет здравый смысл, надеясь на встречу с истинным возлюбленным, однако не отвергает его «тень» – незрячего Хельги, чем доказывает свое милосердие.

Хельги же проходит «обратный» квест: он находит «чудесную возлюбленную» в Звениславке, но спасение возлюбленной – это лишь начало пути. Его странствие – внутреннее, психологическое, пример неразделенной жертвенной любви. На протяжении развития всего сюжета Хельги пытается доказать свою любовь к Астейнн-ки / Звениславке: защищает ее от гибели, затем от рабства в своем доме, предлагает ей защиту – свое войско. Кульминация его сюжетной

линии как исполнителя квеста – признание в любви: *«Не могу я часто бывать в твоем доме, Торлейв Мстицлейвсон, и не хочу. Потому что я люблю твою жену, конунг, люблю давно»* (с. 395). Единственный возможный выход из неразрешимого любовного конфликта для гордого Хельги – смерть, и он намеренно ищет и находит ее.

Теневой характер образа Хельги Виглафсона по отношению к другому ключевому персонажу – князю Чуриле Мстиславичу – подтверждается следующими моментами: они похожи внешностью, статусом и заботливым отношением к Звениславке, ценят ее статус женщины – потенциальной продолжательницы рода. Такое обожание граничит с чествованием жреца (по Дж. Фрейзеру): Чурила принимает от Звениславки заговоренный пряник; мать Хельги, Фрейдис, уверена, что героиня околдовала ее сына. При этом ни Хельги, ни Чурила не указывают напрямую на связь Звениславки с магией.

В квесте Звениславки Хельги – лишь тень ее истинного возлюбленного, однако взаимодействие с этой тенью обогащает психологический портрет героини: она предстает как верная своему жениху невеста. Встреча с Хельги и его любовь к Звениславке – испытание, которое предполагается в функции дарителя [14] и искусителя (у Кэмпбелла эта роль отводится женщине [7]). В структуре квеста отношения Хельги и Звениславки – это двунаправленные отношения «герой-даритель». Звениславка является для Хельги именно чудесной возлюбленной, однако и дарителем (полюбив ее, он обретает смысл жизни). Как даритель Звениславка выступает и для Халльгрима, который через нее находит возможность спасения от покорения конунгу Харальду – путешествие в Гардарики и военный союз с Чурилой Мстиславичем. Неполный (в романе Скегги второстепенный персонаж) квест юного Скегги Скальда также отмечен дарительством Звениславки: она становится для мальчика единственным другом, который над ним не смеется.

Тенями по отношению к Звениславке являются и девы-воительницы Вигдис и Нежелана. Мотив путешествия в истории Вигдис реализуется как квест с измененной целью. Героиня ставит перед собою цель отомстить за смерть отца смертью того, кто убил его, – Халльгрима. Однако это путешествие заканчивается превращением врага в возлюбленного и предполагаемым возвращением воительницы Вигдис к женской роли в традиционном обществе: гордая воительница смиряется перед неожиданно возникшими чувствами к Халльгриму. Сюжетная линия Нежеланы развивается похожим образом. Ее квест также заканчивается обретением возлюбленного – круглицкого князя Радима, и она оставляет воинское дело ради любви.

Заключение

В образах дев-воительниц, созданных М. В. Семеновой, часто реализуется этот квест – путешествие, итогом которого становится обретение чудесного возлюбленного. При обретении любви как награды они начинают выполнять принятые в традиционном обществе женские функции: вельхинка Эртан в романе «Волкодав из рода Серых Псов» выходит замуж за кнеса и становится матерью, Зима Желановна в романе «Валькирия, или Тот, кого я всегда жду» обретает внутренний балланс, завершая психологически обусловленный квест по обретению долгожданного любимого и возвращаясь домой, в свой род, из которого она ушла в начале квеста.

В то же время Звениславка, будучи смелой и самотверженной девушкой, не является воительницей. Она представляет собой пример женской стойкости: проходя квест в землях скандинавов, героиня все-таки возвращается домой и продолжает идти традиционно женским путем: свадьба, счастливое замужество, рождение ребенка. Именно в этом заключается уникальность ее квеста: он имеет вид именно реализации мотива путешествия. Звениславка остается верна не только своей любви, но и этническому сообществу: она не выходит из рода, не становится женой чужеземца, не проходит ни мужских, ни женских инициаций (кроме имянаречения, однако оно не подкреплено обрядом) в чужой для нее культуре и ведет себя как наблюдатель по отношению к ней. Данный квест, как и многие женские квесты героинь Семеновой, в большей мере является психологическим: это квест взросления. Звениславка учится находить друзей, принимать самостоятельные решения, сочувствовать, общаться со сверхъестественным. На родную землю она возвращается уже не «девчонкой», а внутренне зрелой девушкой, что позволяет ей обрести статус не только жены ее возлюбленного, но и княгини, достойной уважения.

Итак, основная сюжетная линия, центральным персонажем которого является словенская девушка

Звениславка, имеет квестовую природу, в которой реализуется мотив путешествия. Квест имеет определенную структуру, сопоставимую со структурой мифа и волшебной сказки: исходная ситуация, встреча и взаимодействие с дарителями, выполнение основной задачи (в случае Звениславки – сохранение своей культурной идентичности).

Квест Звениславки, как и многие женские квесты у Семеновой, имеет целью обретение чудесного возлюбленного (в случае данной героини – возвращение к предназначенному возлюбленному). Кроме того, этот квест не только внешний, социально-культурный, но и внутренний, психологический. Героиня проходит путь взросления, демонстрируя чуткость, ум и верность – качества идеальной для автора героини. Героиня взаимодействует с другими персонажами, выполняя функции дарителя и награды. Взаимодействие с теневыми персонажами служит для раскрытия психологического портрета героини. Квест Звениславки является уникальным для Семеновой как автора фэнтези, поскольку все инициации и переходы героини проходят по законам ее родного национально-культурного сообщества, хотя при этом Звениславка отправляется в путешествие.

1. Валитова В. А. Гендерная универсальность в творчестве Марии Семеновой // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1 (43). С. 260–267. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-universalnost-v-tvorchestve-marii-semenovoy (дата обращения: 21.04.2024).

2. Васильева С. С., Дуюнова А. Г. Жанр и идейное содержание романа М. Семеновой «Валькирия» // Научные исследования и инновации. 2021. № 7. С. 155–160. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-i-ideynoe-soderzhanie-romana-m-semenovoy-valkiriya (дата обращения: 21.04.2024).

3. Кораблев Л. Л. Древнегерманский мифологический словарь. М. : АСТ, 2019. 496 с.

4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. 350 с.

5. Гуревич А. Я. Походы викингов. М. : Наука, 1966. 184 с.

6. Каратовская В. В. Норманнская проблема и отечественная художественная литература // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. 75–78. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normannskaya-problema-i-otechestvennaya-hudozhestvennaya-literatura (дата обращения: 21.04.2024).

7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб. .: Питер, 2018. 480 с.

8. Кэмпбелл Дж. Богини. Тайны женской божественной сущности. СПб. : Питер, 2019. 304 с.

9. Кэмпбелл Дж. Мифы для жизни. СПб. : Питер, 2018. 496 с.

10. Воглер К. Путешествие писателя: мифологические структуры в литературе и кино / пер. с англ. М. Николенко М. : АНФ, 2015. 476 с.

11. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.

12. Янковский А. Н. Игра «квест» как синтез литературных и кинематографических традиций // Культура и искусство. 2018. № 9. С. 55–58. DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.9.27465

13. Aarseth E. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1997. Pp. 100–102.

14. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М. : Наука, 1969. 170 с.

15. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.-СПб. : Университетская книга, 1999. 352 с.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 23.07.2024 г.; принята к публикации 26.08.2024 г.

Об авторе

Ахмедзянова Альмира Рашидовна
старший преподаватель кафедры иноязычной речевой коммуникации, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), *askiprema93@gmail.com*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Valitova V. A. Gendernaya universal'nost' v tvorchestve Marii Semenovoi [Childhood theme: Chekhov's princples of text organizing system embodied in A. Blok's works]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* = Problems of history, philology, culture. 2014, no. 1 (43), pp. 260–267. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-universalnost-v-tvorchestve-marii-semenovoy (accessed 21.04.2024). (In Russ.).

2. Vasileva S. S., Duyunova A. G. Zhanr i ideinoe soderzhanie romana M. Semenovoi “Val'kiriya” [Genre and ideological content of the novel “Valkyrie” by M. Semenova]. *Nauchnye issledovaniya i innovatsii* = Research and Innovation, 2021, no. 7, pp. 155–160. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-i-ideynoe-soderzhanie-romana-m-semenovoy-valkiriya (accessed 21.04.2024). (In Russ.).

3. Korablev L. L. Drevnegermanskii mifologicheskii slovar' [Ancient German mythological dictionary]. M., AST Publishing House, 2019, 496 p. (In Russ.).

4. Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of medieval culture]. M., 1972, 350 p. (In Russ.).

5. Gurevich A. Ya. Pokhody vikingov [Viking Campaigns]. M., Nauka Publishing House, 1966, 184 p. (In Russ.).

6. Karatovskaya V. V. Normannskaya problema i otechestvennaya khudozhestvennaya literature [The Norman problem and Russian fiction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal, 2011, no. 347, pp. 75–78. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/normannskaya-problema-i-otechestvennaya-hudozhestvennaya-literatura (accessed 21.04.2024). (In Russ.).

7. Kempbell Dzh. Tysyachelikii geroi [Hero with a Thousand Faces]. SPb., Piter Publishing House, 2018, 480 p. (In Russ.).

8. Kempbell Dzh. Bogini. Tainy zhenskoi bozhestvennoi sushchnosti [Goddesses. Secrets of the feminine divine essence]. SPb., Piter Publishing House, 2019, 304 p. (In Russ.).

9. Kempbell Dzh. Mify dlya zhizni [Myths for life]. SPb., Piter Publishing House, 2018, 496 p. (In Russ.).

10. Vogler K. Puteshestvie pisatelya: mifologicheskie struktury v literature i kino [The Writer's Journey: Mythological Structures for Writers], translation from English M. Nikolenko. M., ANF Publishing House, 2015, 476 p. (In Russ.).

11. Todorov Ts. Vvedenie v fantasticheskuyu literature [Introduction to fantastic literature]. M., Dom intellektual'noj knigi. 1999. 144 p. (In Russ.).

12. Iankovskii A. N. Igra “kvest” kak sintez literaturnykh i kinematograficheskikh traditsii [The Quest Game as the Synthesis of Literary and Cinematographic Traditions]. *Kul'tura i iskusstvo* = Culture and Art. 2018, no. 9, pp. 55–58. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.9.27465

13. Aarseth E. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1997, pp. 100–102. (In Eng.).

14. Propp V. Ya. Morfologiya volshebnoi skazki [Morphology of a fairy tale]. M., Nauka Publishing House, 1969, 170 p. (In Russ.).

15. Eliade M. Tainye obshchestva. Obryady initsiatsii i posvyashcheniya [Secret societies. Rites of initiation and dedication]. M. – SPb., Universitetskaja kniga Publishing House, 1999. 352 p. (In Russ.).

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 26.08.2024.

About the author

Almira R. Akhmedzyanova
Senior Lecturer at the Department of Foreign Language Speech Communication, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), *askiprema93@gmail.com*

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 811.512.145
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-368-373

ТЮРКСКИЙ ПЛАСТ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЮТАЗИНСКИЙ РАЙОН РТ)

А. К. Булатова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** Диалекты обладают уникальной способностью сохранять в неприкосновенности в течение многих веков самые архаичные черты, которые по большей части были давно утрачены литературным языком, по этой причине диалектологический материал является ценнейшим источником для этимологических исследований. Диалектная лексика татарского языка включает большой пласт общетюркской лексики и диалектизмы разного времени, восходящие к древнетюркскому языку. ***Целью данного исследования*** является анализ этимологии лексических диалектизмов, характерных для диалектоносителей в Ютазинском районе РТ, с точки зрения сохранения в ней тюркского пласта. ***Материалы и методы:*** эмпирическую базу исследования составили лексические диалектизмы, зафиксированные нами в ходе полевых исследований в Ютазинском районе Республики Татарстан. В качестве основных методов исследования были использованы полевой метод сбора данных, описательный (изучение фактического материала, обобщение), сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный. ***Результаты исследования, обсуждения:*** в данной статье рассматриваются лексические диалектизмы, которые восходят к древне- или общетюркскому пласту. Проведенное исследование позволило конкретизировать и уточнить этимологию слов, бытующих в данном ареале, выявить диалектизмы общетюркского типа. ***Заключение:*** в речи жителей Ютазинского района РТ наличествуют диалектизмы, которые восходят к древнетюркскому языку, нередко данные лексемы имеют параллели и в других говорах, диалектах татарского языка, а также в других тюркских языках.

Ключевые слова: татарская диалектология, ареальная лингвистика, лексикология, этимология, диалектная лексика, лексический фонд татарского языка, средний диалект татарского языка, древнетюркский пласт, общетюркский пласт

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Булатова А. К.* Тюркский пласт диалектной лексики татарского языка (на материале экспедиции в Ютазинский район РТ) // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 368–373. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-368-373

THE TURKIC LAYER OF THE DIALECT VOCABULARY OF THE TATAR LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE EXPEDITION TO THE YUTAZINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

A. K. Bulatova

Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** Dialects have a unique ability to preserve intact for many centuries the most archaic features, which for the most part have long been lost by the literary language, for this reason dialectological material is the most valuable source for etymological research. The dialect vocabulary of the Tatar language includes a large layer of general Turkic vocabulary and dialectisms of different times, dating back to the ancient Turkic language. ***The purpose of this study*** is to analyze the etymology of lexical dialectisms characteristic of dialect speakers in the Yutazinsky district of the Republic of Tatarstan, from the point of view of preserving the Turkic layer in it. The purpose of this study is to analyze the etymology of lexical dialectisms characteristic of dialect speakers in the Yutazinsky district of the Republic of Tatarstan, from the point of view of preserving the Turkic layer in it. ***Materials and methods:*** the empirical base of the study was made up of lexical dialectisms recorded by us during field research in the Yutazinsky district of the Republic of Tatarstan. ***The main research methods*** used were the field method of data collection, descriptive, including such techniques as the study of factual material, generalization, comparative historical,

© Булатова А. К., 2024

comparative comparative. Research results, discussions: this article examines lexical dialectisms that date back to the ancient or Turkic stratum. The conducted research made it possible to concretize and clarify the etymology of words that exist in this area, to identify dialectisms of the general Turkic type. ***Conclusion:*** in the speech of residents of the Yutazinsky district of the Republic of Tatarstan, there are dialectisms that go back to the ancient Turkic language, these lexemes often have parallels also in other dialects, dialects of the Tatar language, as well as in other Turkic languages.

Keywords: Tatar dialectology, areal linguistics, lexicology, etymology, dialect vocabulary, lexical fund of the Tatar language, middle dialect of the Tatar language, ancient Turkic layer, common Turkic layer

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Bulatova A. K.* The Turkic layer of the dialect vocabulary of the Tatar language (based on the material of the expedition to the Yutazinsky district of the Republic of Tatarstan). *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 368–373 (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-368-373

Введение

Татарский язык относится к кыпчакской группе тюркской языковой семьи. Лексическая система сложилась на основе древнетюркского языка. Диалекты являются частью национального татарского языка. Изучение диалектизмов с точки зрения бытования и происхождения представляется актуальным, так как, на наш взгляд, диалектальный материал представляет собой уникальный этимологический источник. «Этимология должна максимально использовать особенность диалектной лексики – вариантность различных формальных характеристик слова, анализ которой обеспечивает снятие изменений первичной формы, обусловленных как общерусскими явлениями, так и особенностями различных диалектов, и различными вторичными преобразованиями, и наибольшее приближение к первичной форме, а соответственно – и ее этимологизацию», – справедливо отмечает Ж. Ж. Варбот [1, с. 41]. В русском языке диалектная этимология не раз становилась объектом исследования [2–11 и др.]. В татарском языкознании до сегодняшнего дня не было монографического исследования, которое бы рассматривало анализ этимологии диалектного материала. Отдельные вопросы были рассмотрены в работах А. К. Булатовой [12; 13], Г. В. Мельниковой [14].

Словарный состав диалектов татарского языка складывается на протяжении многих веков, в нем можно найти следы напластования, относящиеся к различным историческим эпохам. Как указывает И. С. Насипов, «для установления древнего словарного запаса, исследования семантического развития лексики конкретного языка необходимо использовать богатый материал диалектов и говоров. В диалектах и говорах сохраняются большое количество архаичных слов, отсутствующих в литературном языке, определенная часть которых представляет собой сохранившиеся древнетюркские лексические единицы»[1].

Ежегодно Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ проводит комплексные научные экспедиции в места компактного проживания татар, целью которых является изучение духовно-материальной культуры татарского народа, его фольклорных, музыкальных традиций, декоративно-прикладного искусства, эпиграфики. Одной из направлений экспедиций является документация диалектов татарского языка: выявление их современного состояния и уточнение диалектных особенностей. Диалектологический материал собирается по специально разработанным опросникам, позволяющим наиболее полно раскрыть языковые особенности. В ходе опросов фиксируются лексические и грамматические особенности речи местных жителей, выделяются диалектные лексические единицы, используемые конкретно в этой местности и характерные для того или иного говора или группы говоров. В сентябре 2023 года ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН провел такую экспедицию в Ютазинском районе Республики Татарстан. Нами были исследованы 17 населенных пунктов, в результате был собран богатый и интересный фактический материал. В данной статье мы хотели бы представить ряд лексических

[1] Насипов И. С. Древнетюркский пласт диалектной лексики мензелинского говора татарского языка : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1994. С. 62.

диалектизмов, записанных нами в данном регионе, которые сохраняют тюркские корни. Рассмотрим историческое развитие семантики этих единиц и особенности их функционирования в диалекте.

Целью данного исследования является этимологический анализ некоторых исконных лексических единиц, относящихся к древнетюркскому или общетюркскому пласту.

Материалы и методы

В представленной работе нами были использованы полевой метод сбора языковой информации; описательный, состоящий из таких приемов, как изучение фактического материала, обобщение; сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы. Эмпирический материал взят из экспедиционных материалов автора, зафиксированных во время полевых исследований в места компактного проживания татар, из диалектных словарей татарского языка и Атласа татарских народных говоров.

Результаты и обсуждения

Тюркский пласт включает в себя лексику, которая сохранилась в течение сотен лет во всех или большинстве современных тюркских языках. Значительная часть диалектной лексики татарского языка сохраняет древне- и общетюркскую семантику.

В бытовой лексике татар региона используется лексема *бакрач [baqraç]* (зафиксирована во всех исследованных населенных пунктах) в значении ‘половник, черпак’: *Бер бакрач аш салып бирергә кирәк* (Нужно налить один половник супа). Слово встречается и в других говорах и диалектах татарского языка: мамадышском, лаишевском, каргалингском говорах, оно имеет несколько фонетических вариантов: *бакрач [bakraç]* (чистопольский и стерлитамакский говоры), *паграч [pağrats]* (восточный диалект) *багырча [bagırça]* (лямбирский говор). В «Большом диалектологическом словаре татарского языка» с пометкой «мензелинский говор» представлена лексема *бакрач* в значении ‘медный тазик’[1], в изучаемом нами регионе, который ареально также относится к территории распространения мензелинского говора, данная сема не была зафиксирована. Возможно, это связано с тем, что сейчас в быту медные тазики используются крайне редко и предпочтение отдается пластиковым изделиям.

Бакрач восходит к древнетюркскому корню *бакыр (бакыр + -гач)*[2]. Тюркские народы долгое время использовали медную посуду, она была сравнительна легкой в изготовлении и достаточно прочной. Древнетюркское слово *бакыр* ‘медь’ в тюркский языках имеет множество дериватов: в казахском *баграц [bagrats]* ‘(медный) котелок’, кара-калпакском *бақыраш [baqıraş]* ‘половник’, башкирском *бақырса* ‘медный чайник’, каракалпакском *бақыраш* ‘противень’, в киргизском, казахском, узбекском, туркменском ‘медная посуда’; в башкирском *бакырса* ‘медный чайник’, турецком *bakırcak* ‘медная тарелка’ < древнетюркское **бакыраг.* ‘медная посуда’[3].

В словарях татарского языка также зафиксирован военный термин *бакрач* ‘медный шлем’.

Представляет также интерес диалектологизм *уҗау [ucau]* в значении ‘половник, поварешка’: *Ашны уҗау белән бүләләр* (Суп разливают половником). Лексический диалектизм имеет параллели в других говорах, диалектах татарского языка, а также в других тюркских языках. Слово активно используется в мензелинском говоре (во всех его подговорах), также бытует в бугурусланском, турбаслинском, стерлитамакском и шарлыкском говорах среднего диалекта, в златоустовском говоре можно встретить вариант *ужау [ujau]*.

В чувашском языке *уçав* ‘деревянная плошка для вареного мяса’; в башкирском и в его диалектах *уҗау, ыжау, ижау* ‘ковш’, в казахском языке *ожау*, киргизском *оҗоо*, якутском *удьаа, уҕаа, уйабул* ‘ковш, половник’[4].

Р. Г. Ахметьянов отмечает, что *уҗау* обозначал сосуд для светника, жирника, или же так называли сам светильник, работающий на основе сгорания масла или жира[5]. Здесь мы можем проследить

[1] Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан : Татар. китап. нәшр., 2009. Б. 96.

[2] Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. Казан : Мәгариф-Вакыт, 2015. Т. 1. Б. 154.

[3] Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'Б' / АН СССР. Ин-т языкознания. М. : Наука,1978. С. 45.

[4] Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Җ', 'Ж', 'Й'. М., 1989. С. 20.

[5] Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. Казан : Мәгариф-Вакыт, 2015. Т. 2. Б. 340.

образования слова от двух основ *ут* и *жау: уҗау* < *ут җавы* ‘плошка, светник, масляная лампа’, где *ут* ‘свет, огонь’, *жау* древнетюркское слово в значение ‘масло, сало, внутрянной жир’[1], слово *жау* также встречается в различных диалектах татарского языка: *җау, җә’ү* ‘жир, сало; топленый жир’ (средний диалект)[2].

Жители исследованных населенных пунктов широко используют глагол *адалан-у [adalanu]*, слово находит широкое распространение в мензелинском, бугурусланском, мелекесском говорах татарского языка в значении ‘увлекаться’. Р. Г. Ахметьянов возводит эту единицу к основам *әтәлән-ү, әтелән-ү* ‘сильно волноваться, забегаться по недостойному (по мнению говорящего) поводу’ и *атылан-у* ‘сбивание масла при помощи мутовки’[3].

Активно используется диалектизм *йомро [yomro]* в значении ‘чайная чашка, небольшой сосуд для питья округлой формы, обычно с ручкой’. Данная лексема бытует в бирском, стерлитамакском говорах. В вариантах *йомры* в тюменском, *җомор* в тарханском говорах[4]. Этимология слова происходит от древнетюркского **йум-ур-уг* ‘закругленный, овальный, круглый’[5].

Заключение

Таким образом, анализируя слова, распространенные в речи жителей Ютазинского района РТ, мы пришли к выводу, что в диалектном языке данного ареала используются лексемы с древнетюркским происхождением и имеющие параллели в некоторых говорах татарского языка и других тюркских языков. Данные лексические единицы имеют локальный характер распространения и входят в словарный состав общенародного языка.

[1] Древнетюркский словарь. Ленинград : Наука, 1969. С. 223 ; Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Ж', 'Ж', 'Й'. М., 1989. С. 20.

[2] Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан : Татар. китап. нәшр., 2009. Б. 182.

[3] Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. Казан : Мәгариф-Вакыт, 2015. Т. 2. Б. 75.

[4] Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз. Ф. С.Баязитова, Д. Б.Рамазанова, З. Р.Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан : Татар. китап. нәшр., 2009. Б. 191.

[5] Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Җ', 'Ж', 'Й'. М., 1989. С. 248–249.

1. Варбот Ж. Ж. Из опыта диалектной этимологии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 2009. С. 41–42. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/varbot-09.htm (дата обращения: 27.02.2024).

2. Варбот Ж. Ж. О двух случаях предполагаемого действия народной этимологии в славянской лексике // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 3 (37). С. 103–106. URL: https://trudy.ruslang.ru/ru/archive/2023-3/103-106 (дата обращения: 20.05.2024).

3. Гайдамашко Р. В. К этимологии русских диалектных слов Прикамья: *егер, пурга, сёрд, туман* // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4 (24). С. 57–62. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-etimologii-russkih-dialektnyh-slov-prikamya-eger-purga-syord-tuman (дата обращения: 29.02.2024).

4. Герд А. С. Современная диалектология в кругу других дисциплин // Севернорусские говоры. 2010. № 11. С. 3–9. URL: https://elibrary.ru/item.asp?edn=toccfh (дата обращения: 29.02.2024).

5. Дмитриева Т.Н. К этимологии русского диалектного лангар // Этимологические исследования : сб. науч. тр. Екатеринбург, 1991. Вып. 5. С. 113–122. URL: https://elar.urfu.ru/handle/10995/26215?mode=full (дата обращения: 27.02.2024).

6. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Диалектная лексика в современных западных среднерусских говорах (ареальный аспект) // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 2. С. 1577–1583. URL: https://trudy.ruslang.ru/ru/archive/2021-2/191-205 (дата обращения: 25.05.2024).

7. Жилина Ю. С. Этимология слов йоркширского диалекта // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 5 (41). DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.41.39

8. Косицина Ю. В. Диалектизмы в современном регионе с. Усманка Чебулинского района Кемеровской области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 5. С. 191–205. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20240228

9. Меркулова В. А. Диалектная лексика и этимология // Этимологические исследования : материалы I–II науч. совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С. 18–26. URL: https://elar.urfu.ru/handle/10995/24441 (дата обращения: 22.02.2024 г.)

10. Мызников С. А. Лексика финно-угорского и тюркского происхождения в русских диалектах: (Разграничение и определение конечного источника) // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 103–106. URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/23755 (дата обращения: 20.02.2024).

11. Urbutis V. Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai // Baltistica. 1969. T. 5. № 1. Pp. 43–68. DOI: https://doi.org/10.15388/baltistica.5.1.1725

12. Булатова А. К., Хусаинова А. Я. Мордовские заимствования в лямбирском говоре татарского языка (на материале научной экспедиции) // Казанская наука. 2023. № 9. С. 145–147. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=kxriio (дата обращения: 25.05.2024).

13. Булатова Ә. К. Диалекталь сүзләрнең этимологиясе (Чувашия Республикасына комплекслы экспедиция вакытында теркәлгән лексик берәмлекләр мисалында) // Фәнни Татарстан. 2023. № 1. Б. 24–28.

14. Мельникова Г. В. Древнетюркский пласт диалектной лексики пермского говора татарского языка // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2016. № 6 (108). С. 60–61. URL: https://www.gramota.net/materials/1/2016/6/14.html (дата обращения: 27.02.2024).

Статья поступила в редакцию 24.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 25.07.2024 г.; принята к публикации 30.08.2024 г.

Об авторе

Булатова Альфия Каримовна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 12/4), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9225-0853, *alf_0082.82@mail.ru*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Varbot Zh. Zh. Iz opyta dialektnoi etimologii [From the experience of dialect etymology]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* = Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Proceedings of the international scientific conference. Ekaterinburg, 2009, pp. 41–42. Available at: http://www.philology.ru/linguistics2/varbot-09.htm (accessed 27.02.2024). (In Russ.).

2. Varbot Zh. Zh. O dvukh sluchayakh predpolagaemogo deistviya narodnoi etimologii v slavyanskoi leksike [On two supposed cases of folk etymology in the Slavic lexicon (on the material of the volumes “Animal world” and “Home economics and cooking” of SLA)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* = Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 2023, no. 3 (37), pp. 103–106. Available at: https://trudy.ruslang.ru/ru/archive/2023-3/103-106 (accessed 20.05.2024). (In Russ.).

3. Gaidamashko R. . K etimologii russkikh dialektnykh slov Prikam'ya: *eger, purga, serd, tuman* [On the etymology of the Russian dialect words of Prikamye: егер, пурга, сёрд, туман]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* = Perm university herald. Russian and foreign philology, 2013, no. 4 (24), pp. 57–62. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/k-etimologii-russkih-dialektnyh-slov-prikamya-eger-purga-syord-tuman (accessed 29.02.2024). (In Russ.).

4. Gerd A. S. Sovremennaya dialektologiya v krugu drugikh distsiplin [Modern dialectology in the range of other disciplines]. *Severnorusskie govory* = Northern Russian Dialects, 2010, no. 11, pp. 3–9. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?edn=toccfh (accessed 29.02.2024) (In Russ.).

5. Dmitrieva T. N. K etimologii russkogo dialektnogo langar [On the etymology of the Russian dialect langar]. *Etimologicheskie issledovaniya : sb. nauch. tr.* = Etymological studies: collection of scientific works, Ekaterinburg, 1991, iss. 5, pp. 113–122. Available at: https://elar.urfu.ru/handle/10995/26215?mode=full (accessed 27.02.2024). (In Russ.).

6. Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Dialektnaya leksika v sovremennykh zapadnykh srednerusskikh govorakh (areal'nyi aspekt) [On the functioning of dialect lexics in Western Russian dialects]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* = Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 2021, no. 2, pp. 1577–1583. Available at: https://trudy.ruslang.ru/ru/archive/2021-2/191-205 (accessed 25.05.2024). (In Russ.).

7. Zhilina Yu. S. Etimologiya slov iorkshirskogo dialekta [Etymology of Yorkshire dialect words]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 5 (41). (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.41.39

8. Kositsina Yu. V. Dialektizmy v sovremennom regiolekte s. Usmanka Chebulinskogo raiona Kemerovskoi oblasti [Dialectisms in the modern regional dialect of the village of Usmanka, Chebulinsky District, Kemerovo Region]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice, 2024, vol. 17, no. 5, pp. 191–205. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30853/phil20240228

9. Merkulova V. A. Dialektnaya leksika i etimologiya [Dialect vocabulary and etymology]. *Etimologicheskie issledovaniya : materialy I–II nauch. soveshchanii po russkoi dialektnoi etimologii. Ekaterinburg, 10–12 oktyabrya 1991 g.; 17–19 aprelya 1996 g.* = Etymological studies : materials of the I–II scientific meetings on Russian dialect etymology. Ekaterinburg, October 10–12, 1991; April 17–19, 1996, Ekaterinburg, 1996, iss. 6, pp. 18–26. Available at: https://elar.urfu.ru/handle/10995/24441 (accessed 22.02.2024). (In Russ.).

10. Myznikov S. A. Leksika finno-ugorskogo i tyurkskogo proiskhozhdeniya v russkikh dialektakh: (Razgranichenie i opredelenie konechnogo istochnika) [Vocabulary of Finno-Ugric and Turkic origin in Russian dialects: (Distinction and determination of the final source)]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* = Izvestia. Ural State University Journal, 2001, no. 20, pp. 103–106. Available at: http://elar.urfu.ru/handle/10995/23755 (accessed 20.02.2024). (In Russ.).

11. Urbutis V. Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai [Lithuanianisms of the modern Belarusian language]. *Baltistica*, 1969, vol. 5, no. 1, pp. 43–68. (In Lithuanian). DOI: https://doi.org/10.15388/baltistica.5.1.1725

12. Bulatova A. K., Khusainova A. Ya. Mordovskie zaimstvovaniya v lyambirskom govore tatarskogo yazyka (na materiale nauchnoi ekspeditsii) [Mordovian borrowings in the lyambir subdialect of the tatar language (based on the material of the scientific expedition)]. *Kazanskaya nauka* = Kazan Science, 2023, no. 9, pp. 145–147. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=kxriio (accessed 25.05.2024). (In Russ.).

13. Bulatova A. K. Dialektal' sүzlərneң etimologiyase (CHuvashiya Respublikasyna kompleksly ekspediciya vakytynda terkəlgən leksik berəmleklər misalynda) [Etymology of dialectal words (on the example of lexical units registered during the complex expedition to the Republic of Chuvashia)]. *Fənni Tatarstan* = Scientific Tatarstan, 2023, no. 1, pp. 24–28. (In Tatar.).

14. Melnikova G. V. Drevnetyurkskii plast dialektnoi leksiki permskogo govora tatarskogo yazyka [Ancient Turkic layer of dialect vocabulary of the Perm dialect of the Tatar language]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* = Almanac of modern science and education, Tambov, Gramota Publishing House, 2016, no. 6 (108), pp. 60–61. Available at: https://www.gramota.net/materials/1/2016/6/14.html (accessed 27.02.2024). (In Russ.).

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 25.07.2024; accepted for publication 30.08.2024.

About the author

Alfiya K. Bulatova
Ph. D. (Philology), Associate Professor, senior research scientist of the Department of Areal linguistics, Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences (12/4 Karl Marx St., Kazan 420111, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9225-0853, *alf_0082.82@mail.ru*

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 81`37
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-374-381

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕНОТАТИВНОЙ СФЕРЫ «ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА» В КНИГЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «КАМЕНЬ»

В. А. Глазырин

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** В статье освещаются принципы формирования поэтической идеографии – нового направления исследования поэтических текстов, которое развивается в настоящее время на пересечении теоретической и практической идеографии, а также авторской лексикографии. ***Целью исследования*** является описание структуры денотативной сферы «Человек и его внутренний мир» в авторском идеографическом словаре языка О. Э. Мандельштама, а также интерпретация фрагмента индивидуально-авторской картины мира поэта, репрезентированного лексикой анализируемой сферы. ***Материалы и методы.*** Работа выполнена на материале 203 лексем (230 словоупотреблений), относящихся к сфере «Человек и его внутренний мир» в идеографическом словаре языка О. Э. Мандельштама. Методом исследования выбран метод поэтической идеографии, который аккумулирует достижения отечественной филологической мысли в сферах теоретической и практической идеографии, в особенности достижения ученых Уральской семантической школы. ***Результаты исследования.*** В идеографической сфере «Человек и его внутренний мир» выявлено 203 лексемы (230). По частотности употребления лексем лидирует класс «Эмоции» (92/107), следом представлены классы «Оценка» (67/72) и «Интеллект» (44/51). В классе «Эмоции» по количеству лексем лидирует ДИГ «Интерес – равнодушие», «Радость – грусть» и «Смелость – трусость». В эмотивной картине мира О. Э. Мандельштама больше отрицательных эмоций: печали, тоски, страха. Класс «Оценка» состоит из ДИГ «Общая оценка» (18/20) и «Частная оценка» (49/52). В ДИГ «Частная оценка» доминирует лексика подгрупп «Эстетическая оценка» и «Прагматическая, утилитарная оценка», это объясняется акмеистическим пафосом «Камня». В классе «Интеллект» лидирует ДИГ «Интеллектуальная деятельность человека» (40/46). Лексика этого класса (бред, видение, зыбкий, полусон и др.) подчеркивает «пограничность» состояния героя, а также отражает «борьбу» в его поэтике принципов символизма и акмеизма. ***Заключение.*** Результаты данного исследования могут быть полезны исследователям творчества О. Э. Мандельштама, а также преподавателям высшей школы.

Ключевые слова: поэтический текст, идеографическая лексикография, поэтическая идеография, индивидуально-авторская картина мира, авторский идеографический словарь

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00352.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Глазырин В. А.* Интерпретация денотативной сферы «Внутренний мир человека» в книге О. Э. Мандельштама «Камень» // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 374–381. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-374-381

INTERPRETATION OF THE DENOTATIVE SPHERE “MAN AND HIS INNER WORLD” IN THE BOOK OF O. E. MANDELSTAM “STONE”

V. A. Glazyrin

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** The article highlights the principles of formation of poetic ideography – a new direction of study of poetic texts, which is currently developing at the intersection of theoretical and practical ideography, as well as author's lexicography. ***The purpose of the study*** is to describe the structure of the denotative sphere “Man and his inner world” in the author's ideographic dictionary of the language of O. E. Mandelstam, as well as to interpret a fragment of the individual-author's picture of the poet's world, represented by the vocabulary of the analyzed sphere. ***Materials and methods.*** The work is carried out on the material of 203 lexemes related to the sphere “Man and his inner world” in the ideographic dictionary

© Глазырин В. А., 2024

of the language of O. E. Mandelstam. The method of poetic ideography was chosen as the research method, which accumulates the achievements of Russian philological thought in the spheres of theoretical and practical ideography, especially the achievements of scientists of the Ural semantic school. ***Results.*** In the ideographic sphere of "Man and His Inner World", 203 lexemes were identified. In terms of lexeme usage frequency, the "Emotions" class is the leader (92/107), followed by the "Assessment" (67/72) and "Intellect" (44/51) classes. In the "Emotions" class, the leading lexeme ideographs are "Interest – Indifference", "Joy – Sadness" and "Courage – Cowardice". In O. E. Mandelstam's emotive picture of the world, there are more negative emotions: sadness, melancholy, fear. The "Assessment" class consists of the "General Assessment" ideographs (18/20) and "Particular Assessment" ideographs (49/52). In the "Particular Assessment" ideograph, the vocabulary of the "Aesthetic Assessment" and "Pragmatic, Utilitarian Assessment" subgroups dominates, which is explained by the acmeistic pathos of "Stone". In the class "Intellect" the DIG "Human Intellectual Activity" (40/46) is in the lead. The vocabulary of this class (delirium, vision, unsteady, half-sleep, etc.) emphasizes the "borderline" of the hero's state, and also reflects the "struggle" in his poetics of the principles of symbolism and acmeism. ***Conclusion.*** The results of this study may be useful to researchers of O. E. Mandelstam's work, as well as to teachers of higher education.

Keywords: poetic text, ideographic lexicography, poetical ideographic, individual author's worldview, author's ideographic dictionary

Acknowledgments: The study was financially supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00352.

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Glazyrin V. A.* Interpretation of the denotative sphere "Man and his inner world" in the book of O. E. Mandelstam "Stone". *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 374–381 (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-374-381

Введение

Начало XXI века, по замечанию Л. Л. Шестаковой, в отечественной лексикографии было ознаменовано существенно возросшим интересом к изданию авторских словарей. Ученый приводит статистику издания словарей языка писателей и поэтов, которая говорит сама за себя: «В XX веке было создано 57 словарей, в начале XXI века – 185» [1, с. 95]. Также исследователь выделяет важную особенность современных авторских словарей – многие из них «создаются на стыке разных словарных направлений» [2, с. 134].

Мы работаем над проектом *авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама*, учитывая достижения отечественной филологии как в сфере создания словарей языка писателей и поэтов, так и в теории и практике идеографической лексикографии, а также в мандельштамоведении.

В качестве источника материала для словаря нами было избрано стихотворное наследие О. Э. Мандельштама. На наш взгляд, издание «Мандельштамовской энциклопедии»[1] подтверждает высокий уровень развития отечественного и мирового мандельштамоведения. Энциклопедия является итогом многолетнего труда биографов, текстологов, комментаторов наследия поэта. По нашему мнению, издание этого труда позволяет ученым уйти от частных проблем исследования творчества О. Э. Мандельштама и обратиться к решению проблемы структурирования и описания его индивидуально-авторской картины мира (далее – ИАКМ).

Цель исследования

Целью исследования является описание структуры сферы «Человек и его внутренний мир» в авторском идеографическом словаре языка О. Э. Мандельштама, а также интерпретация фрагмента ИАКМ поэта, репрезентированного лексикой анализируемой сферы.

Материалы и методы

Источником материала послужили 23 стихотворения, входящие в первое издание книги О. Э. Мандельштама «Камень» (1913 г.). Дебютная книга поэта претерпела три издания. В конце

[1] Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М. : Политическая энциклопедия, 2017.

марта 1913 года было опубликовано первое [1]. Брат поэта вспоминал: «Это была тоненькая книжечка с двадцатью тремя стихотворениями, написанными с 1909 по 1913 год. <...> Тираж всего 600 экземпляров» [там же]. Как отмечает Д. В. Фролов, «порядок расположения стихотворений в этой книге определялся хронологией их написания и публикации в журналах “Аполлон” и “Гиперборей”, а также смысловыми связями между ними» [3, с. 151]. Е. Ю. Глазова, обращающаяся к теоретической мысли поэта, формулирует его представление о поэзии в 1913 году следующими словами: «Мандельштам воспринимает поэзию как сотворение мира-собора» [4, с. 53], – т. е. поэт сознательно и последовательно формирует свой художественный мир.

Мы полностью разделяем точку зрения Д. В. Фролова на то, что первая книга О. Э. Мандельштама – «это не свод всех опубликованных (и неопубликованных) стихов, а выборка, причем с очень строгими критериями отбора» [3, с. 155]. Изданию дебютного сборника предшествовала публикация 25 стихотворений в разных журналах, из этих текстов автор выбрал для книги только 15. Всего к моменту публикации поэт написал 127 стихотворений [там же], т. е. в дебютном сборнике было опубликовано менее 20 процентов от всего написанного О. Э. Мандельштамом к моменту публикации книги. Именно этот строгий отбор демонстрирует, насколько важными для формирования ИАКМ являются 23 анализируемых поэтических текста (далее – ПТ). Д. Лебедев утверждает, что «философия творчества Осипа Мандельштама, весьма рано приняв определенное направление, принципиально не менялась» [5, с. 5]. Мы согласны с этим утверждением и считаем, что описание ИАКМ О. Э. Мандельштама, отраженной в его ранних стихотворениях, поможет нам «найти ключ» к интерпретации глобальной ИАКМ, запечатленной во всем творчестве поэта.

Материалом послужили 203 лексемы (230 словоупотреблений), относящиеся к идеографической сфере «Человек и его внутренний мир».

Методом исследования нами избран *метод поэтической идеографии*, опирающийся на общую теорию идеографической лексикографии, которая представлена в работах крупнейших отечественных лингвистов (Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин, Э. В. Кузнецова, Н. Ю. Шведова и др.), а также на концепцию идеографических словарей, разработанную Л. Г. Бабенко и коллективом авторов Уральской семантической школы (далее – УСШ).

Поэтическая идеография осмысляется нами и как метод исследования, в который включены различные частные методики выявления денотативно-идеографических и когнитивно-дискурсивных лексических множеств, а также как его итог, представляющий собой выявленную и системно организованную лексику исследуемых стихотворений. Метод поэтической идеографии позволяет интерпретировать ИАКМ поэта.

Результаты исследования

Для идеографического исследования лексики в поэтическом тексте и последующего выявления и интерпретации ИАКМ О. Э. Мандельштама нами был разработан следующий алгоритм:

1. Выявление методом сплошной выборки лексем, функционирующих в поэтическом тексте.
2. Определение словарного значения лексемы.
3. Определение контекстуального значения лексемы.
4. Отнесение лексемы к идеографической сфере, группе и подгруппе с опорой на проспект «Универсального идеографического словаря» (далее – Синопсис)[2], а также на ряд идеографических словарей УСШ: «БТС русских существительных»[3], «БТС русских глаголов»[4] и «Словарь-тезаурус русских прилагательных»[5].

Идеографическая классификация, на которую мы опираемся в данной работе, представлена в Синопсисе, опубликованном в 2015 году.

[1] Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянниковой, П. Мицнера, Т. А. Рогозовской, С. И. Субботина. 4-е изд., испр. и доп. СПб. : Гиперион, 2022. 58 с.

[2] Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.-Екатеринбург : Каб. ученый, 2015. 208 с.

[3] Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. 2 изд., стер. М. : АСТ-Пресс Книга, 2005. 864 с. (Фундаментальные словари).

[4] Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс Книга, 2007. 576 с.

[5] Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. 2 изд. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 840 с.

Как отмечает Л. Г. Бабенко: «Синопсис – итог идеографической классификации слов различной частеречной принадлежности» [1]. Отметим, что Синопсис – это прообраз будущего словаря, который сейчас составляется учеными УСШ под руководством Л. Г. Бабенко: «На сегодняшний день авторами-составителями добавлено в таблицу Универсального словаря-тезауруса около 30 тысяч записей, и эта работа в данный момент продолжается» [6, с. 97].

В Синопсисе на высшем уровне иерархии выявлено 15 денотативных сфер: «Неживая природа»; «Вещества и материалы»; «Живая природа»; «Человек как живое существо»; «Населенный пункт»; «Нации»; «Родственные и семейные отношения»; «Человек и его внутренний мир»; «Язык и речь»; «Сверхъестественное»; «Общественно-государственная сфера»; «Конкретная физическая деятельность»; «Социальная сфера жизни человека»; «Восприятие окружающего мира»; «Универсальные представления, смыслы и отношения».

Денотативные сферы – это базовые категории словаря, которые, «в свою очередь, состоят из денотативных *классов*, денотативно-идеографических *групп* и *подгрупп*» (курсив наш – В. Г.) [7, с. 19], т. е. в Синопсисе денотативные *сферы* включают в себя различные *классы*, последние в свою очередь состоят из денотативно-идеографических *групп* (далее – ДИГ) и *подгрупп*. Схематически это можно представить так: денотативная сфера → денотативный класс → ДИГ → денотативно-идеографическая подгруппа.

Анализ, описание и интерпретация наполнения денотативных сфер, классов и ДИГ в идеографическом авторском словаре языка О. Э. Мандельштама на материале первого издания книги «Камень» производились по следующему алгоритму:

1. Указание в анализируемой сфере самых частотных классов, групп и подгрупп.

2. Указание тех классов или групп, лексика которых не представлена в ПТ первого издания «Камня».

3. Указание частотной лексики для анализируемой идеографической сферы.

4. Общая денотативно-идеографическая интерпретация анализируемой сферы с учетом авторской категоризации мира.

В идеографической сфере «Человек и его внутренний мир» выявлено 203 лексемы (230). По частотности употребления лексем лидирует класс «Эмоции» (92/107), следом представлены классы «Оценка» (67/72) и «Интеллект» (44/51).

В классе «Эмоции» представлено два подкласса: «Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций» (80/94) и «Особенности протекания и проявления эмоций» (12/13).

В классе «Эмоциональные состояния…» по количеству лексем лидирует ДИГ «Интерес – равнодушие» (14: *соблазн*, *любопытный*, *равнодушно* и др.), следом идут ДИГ «Радость – грусть» (11/17: *печаль* (4), *тоска* (3), *радость* (2) и др.), «Смелость – трусость» (10/11: *боязнь*, *дрожать*, *отвага* и др.), «Счастье – несчастье» (8: *любить*, *мучительные*, *разъедать*, перен. и др.), «Общие понятия, связанные с эмоциями» (7/12: *сердце* (5), *забытье*, *мир*, перен. и др.), «Любовь – неприязнь» (6: *любить*, *нежить*, *ненавидеть* и др.), «Доброта – жестокость» (5: *ласковый*, *сердито*, *ярость* и др.), «Скромность – высокомерие» (5: *кичиться*, *самолюбивый*, *скромный* и др.), «Спокойствие – беспокойство» (4: *истома*, *волнение*, *смятение* и др.), «Терпение – настойчивость» (3: *выносить*, *строгий* и *упрямый*), «Дружелюбие – одиночество» (2/3: *чужой* (2) и *иностранец*), «Смущение – стыд» (2/3: *виноватый* и *стыдиться*), «Надежда – отчаяние» (2: *бред* и *узник*, перен.), «Искренность – неискренность» (2: *лицемер* и *прямой*, перен.), «Требовательность – нетребовательность» (1/2: *суровый* (2), «Одобрение – неодобрение» (1: *поклонник*), «Воля – безволие» (1: *туман*, перен.), «Беспристрастность – пристрастность» (1: *предвзятый*). Самыми частотными лексемами в классе «Эмоциональные состояния…» являются *сердце*, перен. (5), *печаль* (4), *тоска* (3), *радость* (2), *любить* (2), *чужой* (2), *страх* (2), *суровый* (2).

Отметим, что в подклассе «Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций» в ДИГ «Вера – неверие» и «Благородство – неблагородство» лексемы не представлены.

[1] Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.-Екатеринбург : Каб. ученый, 2015. С. 8.

Традиционно сердце считается вместилищем эмоций человека. В стихотворениях первого издания «Камня» лексема *сердце* номинирует внутренний мир лирического героя: «Я печаль, как птицу серую, // в *сердце* медленно несу…» В стихотворении «Silentium» О. Э. Мандельштам, используя метонимический перенос, так же номинирует внутренний мир человека существительным *сердце*: «Останься пеной, Афродита, // и, слово, в музыку вернись, // и, *сердце*, *сердца* устыдись, // с первоосновой жизни слито». Лексема *сердце* номинирует внутренний мир лирического героя и в стихотворении «Смутно-дышащими листьями…» («Тихо спорят в *сердце* ласковом, // умирающем моем, // наступающие сумерки // с догорающим лучом»), и в «Раковине» («И хрупкой раковины стены – // как нежилого *сердца* дом – // Наполнишь шепотами пены, // Туманом, ветром и дождем...»).

В эмоциональной палитре дебютной книги О. Э. Мандельштама больше отрицательных эмоций: печали, тоски, страха. В ДИГ «Радость – грусть» из 17 словоупотреблений только 6 номинируют положительные эмоции (*радость* (2), *веселый*, *радостный* и др.), остальные – отрицательные (*печаль* (4), *тоска* (3), *тосковать* и др.). В ДИГ «Смелость – трусость» только лексема *отвага* относится к подгруппе «Смелость», остальные 9 лексем относятся к подгруппам «Трусость» и «Страх»: *страх* (2), *боязнь*, *дрожать* и др. В ДИГ «Счастье – несчастье» наблюдается похожая тенденция: 6 лексем из 8 относятся к подгруппам «Горе», «Страдание» (*измучить*, *мучительный*, *разъедать*, перен. и др.). Однако в ДИГ «Любовь – неприязнь» положительные эмоции доминируют: только 2 лексемы – *ненавидеть* и *проклятый*, перен. – относятся к подгруппе «Неприязнь», остальные – к подгруппе «Любовь»: *ласка*, *любить*, *нежить* и *полюбить*. В ДИГ «Доброта – жестокость», «Скромность – высокомерие», «Спокойствие – беспокойство» вновь доминируют отрицательные чувства и качества человека: *ярость*, *самолюбивый*, *волнение* и др. В остальных ДИГ, в которых представлено от 1 до 3 лексем, тенденция сохраняется: отрицательные чувства и качества человека доминируют над положительными (например, *суровый* (2), *упрямый*, *предвзятый* и др.).

Перейдем к классу «Особенности протекания и проявления эмоций», в который входят ДИГ «Внешние проявления эмоций в речи, поведении, мимике, жестах» и «Степень проявления эмоций». Первая содержит 10 лексем (11: *благодарить*, *заплакать*, *рыдание* и др.), а вторая – 2 лексемы (*бледный* и *напоенный*). Самой частотной в этих ДИГ стала лексема *слезы* (2). В описываемых ДИГ также преобладает лексика, связанная с отрицательными эмоциями: *слезы* (2), *жалоба*, *заплакать* и др

Класс «Оценка» (67/72) состоит из ДИГ «Общая оценка» (18/20: *милый* (2), *оценить*, *тяжело* и др.) и «Частная оценка» (49/52: *бесполезно*, *грузный*, *дерзкий* и др.). Частотными для этих подгрупп являются лексемы *дурной* (2), *милый* (2), *ненужный* (2), *прекрасный* (2) и *чудовищный* (2).

Лирический герой ранней поэзии О. Э. Мандельштама редко оценивает что-либо как однозначно положительное, исключения составляют контексты с лексемами *милый* (2: «узора *милого* не зачеркнуть» и «и так мало *милых* имен»), *прекрасный* (2: «*Прекрасен* храм, купающийся в мире, // и сорок окон – света торжество; // на парусах, под куполом, четыре // архангела *прекраснее* всего»), *высок* («Куда ж стремился твой строитель щедрый, // когда, душой и помыслом *высок*»), *мудрый* («*мудрое* сферическое здание»), *прекрасное* («И я когда-нибудь *прекрасное* создам»). Доминируют отрицательные оценки: *дурной* (2), *проклятый*, *грузный* и др.

В ДИГ «Частная оценка» доминирует лексика подгрупп «Эстетическая оценка» и «Прагматическая, утилитарная оценка». Это объясняется акмеистическим пафосом «Камня»: «Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, какие сами можем построить»[1]. То, *что построено*, поэт может оценить по критериям прекрасно / безобразно и хорошо, крепко построено / плохо, ненадежно построено: *грузный*, *легкий*, *крепкий*, *хрупкий* и др.

В классе «Интеллект» (44/51) по количеству входящих в нее лексем значительно лидирует ДИГ «Интеллектуальная деятельность человека» (40/46: *думать* (3), *мысль*, *план* и др.), следом представлены ДИГ «Интеллектуальные качества человека и оценка его умственных способностей» (3/4: *однодум* и др.) и «Специфика

[1] Мандельштам О. Э. Камень / О. Э. Мандельштам ; изд. подгот. Л. Я. Гинзбург и др. Л. : Наука, 1990. С. 190.

познавательных процессов» (1: *рассеянный*). Обратим внимания, что в ДИГ «Уровень интеллектуального развития человека или степень овладения каким-либо видом интеллектуальной деятельности» и «Суждение, совокупность суждений как продукт интеллектуальной деятельности человека» не содержится ни одной лексемы.

В классе «Интеллект» доминируют по количеству словоупотреблений лексемы *хотеть* (4), *думать* (2), *золотой* (2), *сон*, перен. (2), *тайный* (2).

В классе «Интеллект» значительно доминирует лексика подгрупп, входящих в ДИГ «Интеллектуальная деятельность человека»: «Мышление» (10/12: *думать* (3), *помысел*, *сознание* и др.), «Воображение» (10/11: *бред*, *видение*, *полусон* и др.), «Понимание» (9/13: *изучать*, *сомневаться*, *таинственный* и др.), «Познание» (5: *зыбкий*, перен., *изведать*, *раздвинуть*, перен. и др.), «Восприятие» (3: *замечать*, *осязать*, *читать*), «Выбор и решение» (1: *делать*) и «Память» (1: *забыть*).

Лирический герой ранних стихотворений О. Э. Мандельштама оказывается в мире, по определению Л. Я. Гинзбург, «туманном и ненастоящем»[1]. Такие лексемы, как *бред, видение, зыбкий, полусон* и др., подчеркивают *пограничность* состояния героя: между реальностью и фантазиями, действительным и воображаемым мирами. Например, в стихотворении «Отчего душа – так певуча…» О. Э. Мандельштам использует глагол *блуждать* в переносном значении, номинируя процесс воображения: «Я *блуждал* в игрушечной чаще // и открыл лазоревый грот...» Ярче всего «пограничность» проявлена в последней строфе ПТ «Скудный луч, холодной мерою»: «Утро, нежностью бездонное – // полуявь и *полу-сон*, // *забытье* неутоленное – // *дум* туманный *перезвон*...» Существительные *полусон*, *забытье*, метафора *дум перезвон* номинируют состояние лирического героя, находящегося между сном и явью.

По справедливому замечанию Т. Н. Бреевой, в первом сборнике поэта выделяются два этапа: «Первый – условно-символистский и второй – акмеистический» [2]. Поэтому утверждения про «зыбкость» и «туманность» отдельных ПТ относятся к стихотворениям, написанным до рубежного ПТ «Нет, не луна, а светлый циферблат…» Это небольшое стихотворение, по замечанию М. Г. Альтшуллера, «сыграло заметную роль в истории русской поэзии. В нем на самом начальном этапе отразилось противопоставление (борьба) двух важнейших поэтических систем Серебряного века – символизма и акмеизма» [8, с. 293]. Осип Мандельштам, «отталкиваясь от символистской туманной многосмысленности, обновляет поэтическую речь за счет преодоления «тяжести недоброй» будничного слова» [9, с. 51–52].

С. Голдберг, рассуждая о борьбе в поэтике О. Э. Мандельштама двух литературных направлений – символизма и акмеизма, пишет: «Поэзия Мандельштама 1912 года <…> представляет собой процесс длительного и неуловимого «преодоления». Это важное, на наш взгляд, уточнение классического определения – «преодолевшие символизм» – В. М. Жирмунского [10, с. 77]. Лексика класса «Интеллект» отражает это «преодоление».

Заключение

Если представить ИАКМ О. Э. Мандельштама, репрезентированную в первом издании книги «Камень», в виде поля, то денотативная сфера «Человек и его внутренний мир» (классы «Эмоции», «Интеллект» и «Оценка») попадет в приядерную зону (исходя из количества словоупотреблений). На наш взгляд, это вполне закономерно и свидетельствует о важности *самопознания* для ИАКМ О. Э. Мандельштама, реализованной в его дебютном сборнике. Лирический герой проходит путь становления: от человека, ищущего свое место в мире («Дыхание»: «Дано мне тело – что мне делать с ним? <…> За радость тихую дышать и жить // кого, скажите, мне благодарить?»), до поэта, создающего прекрасное («Notre Dame»: «Но чем внимательней, твердыня Notre Dame, // Я изучал твои чудовищные ребра, – // Тем чаще думал я: из тяжести недоброй // И я когда-нибудь прекрасное создам»). Он исследует не только мир вокруг, но и свой внутренний мир. В эмоциональной палитре дебютной книги О. Э. Мандельштама преобладают отрицательные эмоции (*печаль* (4), *тоска* (3), *страх* (2) и негативные оценки (*дурной* (2), *проклятый*, *грузный*). Отметим, что эмоциональное постижение мира лирическим героем О. Э. Мандельштама значительно доминирует

[1] Мандельштам О. Э. Камень / О. Э. Мандельштам ; Изд. подгот. Л. Я. Гинзбург и др. Л. : Наука, 1990. С. 261.

[2] Бреева Т. Н. Художественный мир Осипа Мандельштама : учеб. пособ. М. : Флинта: Наука, 2019. С. 11.

над интеллектуальным (лексем, относящихся к классу «Эмоции», представлено в два раза больше, чем лексем класса «Интеллект»).

Перспективой данного исследования является описание всех денотативных сфер, составляющих ИАКМ О. Э. Мандельштама.

1. Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Авторская лексикография в электронно-цифровую эпоху // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 3 С. 94–113. DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.14308

2. Шестакова Л. Л. Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150. DOI: https://doi.org/10.31857/S0373658X0004309-8

3. Фролов Д. В. О ранних стихах Осипа Мандельштама. М. : Языки славянских культур, 2009. 312 с.

4. Глазова Е. Ю. Метаморфоза слова. Теоретическая мысль Осипа Мандельштама. М. : Языки славянских культур, 2019. 336 с. (Studia philologica. Series minor).

5. Лебедев Д. Молодой Мандельштам. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2022. 176 с.

6. Мухин М. Ю. Универсальный идеографический словарь-тезаурус русской лексики: организация данных и формирование словника // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 10. С. 88–103. DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-10-88-103

7. Бабенко Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Научный диалог. 2020. № 9. С. 9–47. DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-9-47

8. Альтшуллер М. Г. «Спесь» Батюшкова (о стихотворении Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат…») // Литературный факт. 2020. № 1. С. 283–295. DOI: https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-283-295

9. Кихней Л. Г., Меркель Е. В. Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика : монография. 2-е изд., стер. М. : Флинта : Наука, 2016. 200 с.

10. Голдберг С. Мандельштам, Блок и границы мифопоэтического символизма / пер. с англ. В. Третьякова. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 344 с.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 22.07.2024 г.; принята к публикации 27.08.2024 г.

Об авторе

Глазырин Вячеслав Александрович
старший преподаватель кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Ленина, д. 51), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8504-3015, *glazyrinslava@bk.ru*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Shestakova L. L., Kuleva A. S. Avtorskaya leksikografiya v elektronno-tsifrovuyu epokhu [Author lexicography in the digital age]. *Terra Linguistica*, 2023, vol. 3, no. 3 pp. 94–113. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.14308

2. Shestakova L. L. Sovremennoe sostoyanie russkoi avtorskoi leksikografii [Current State of Russian Author Lexicography]. *Voprosy Jazykoznanija* = Questions of linguistics, 2019, no. 2 pp. 126–150. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31857/S0373658X0004309-8

3. Frolov D. V. O rannikh stikhakh Osipa Mandel'shtama [About the early poems of Osip Mandelstam]. M., Publishing House of Languages of Slavic cultures, 2009, 312 p. (In Russ.).

4. Glazova E. Yu. Metamorfoza slova. Teoreticheskaya mysl' Osipa Mandel'shtama [Metamorphosis of the word. Theoretical thought of Osip Mandelstam]. M., Publishing House of Languages of Slavic cultures, 2019, 336 p. (Studia philologica. Series minor). (In Russ.).

5. Lebedev D. Molodoi Mandelstam [Young Mandelstam]. M., Ekaterinburg, Armchair Scientist Publ., 2022, 176 p. (In Russ.).

6. Mukhin M. Yu. Universal'nyi ideograficheskii slovar'-tezaurus russkoi leksiki: organizatsiya dannykh i formirovanie slovnika [Universal Ideographic Dictionary-Thesaurus of Russian Vocabulary: Data Organization and Glossary Formation]. *Nauchnyi dialog* = Scientific dialogue, 2022, vol. 11, no. 10, pp. 88–103. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-10-88-103

7. Babenko L. G. Tipy leksicheskikh mnozhestv v strukturno-semanticheskom, kognitivno-diskursivnom i leksikograficheskom osveshchenii: dinamika interpretatsii [Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations.]. *Nauchnyi dialog* = Scientific dialogue, 2020, no. 9, pp. 9–47. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-9-47

8. Altshuller M. G. “Spes'” Batyushkova (o stikhotvorenii Mandel'shtama “Net, ne luna, a svetlyi tsiferblat…”) [Batyushkov’s “arrogance” (On Mandelstam’s poem “No, not the moon, but a bright clock-face...”)]. *Literaturnyi fakt* = Literary fact, 2020, no. 1, pp. 283–295. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-283-295

9. Kikhnei L. G., Merkel E. V. Osip Mandel'shtam: filosofiya slova i poeticheskaya semantika : monografiya [Osip Mandelstam: philosophy of the word and poetic semantic : monograph]. 2-nd edition, M., Flinta : Science Publ., 2015, 200 p. (In Russ.).

10. Goldberg S. Mandel'shtam, Blok i granitsy mifopoeticheskogo simvolizma [Mandelstam, the Block and the boundaries of mythopoeic symbolism]. Authored by V. Tretyakov. M., New Literary Review Publ., 2020, 344 p. (In Russ.).

The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 27.08.2024.

About the author

Vyacheslav A. Glazyrin
Senior lecturer of Department of Fundamental and Applied Linguistics and Text Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (51 Lenin St., Ekaterinburg 620083, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8504-3015, *glazyrinslava@bk.ru*

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 81.161.11
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-382-387

ОБРАЗ КИТАЯ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (ПО ДАННЫМ «РУССКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ»)

Т. В. Григорьева, Ли Цичжэн

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** Центральное место в образе страны занимает ассоциативный образ, который включает реакции, возникающие на стимул – название страны и наименование его жителя (или стимулы, вызывающие ассоциации – название страны и наименование его жителя) и позволяющие выявить скрытые в сознании носителей языка представления о чужой стране. ***Цель статьи*** – на базе данных «Русского регионального ассоциативного словаря», включающего результаты двух этапов эксперимента – 2015 и 2022 гг., определить и описать структуру образа Китая в русском языковом сознании и проследить динамику изменения представлений о Китае и китайцах в разные периоды. ***Материалы и методы.*** Когнитивный, количественный и сопоставительный анализ стимулов, которые вызвали ассоциации *Китай, китаец, китайский* у реципиентов на первом и втором этапе эксперимента, позволил выявить структуру образа Китая и описать основные изменения, произошедшие в восприятии россиянами дружественной нам страны и ее жителей. ***Результаты исследования, обсуждения.*** В образе Китая можно выделить семь базовых концептуальных линий, отражающих знания о географических особенностях, экономическом развитии, технологических достижениях, специфике исторического развития, традициях, образовании, искусстве и характеристику его жителей. Увеличение и конкретизация ассоциаций по каждой из этих линий свидетельствует о направлениях развития интереса россиян к разным сферам жизни восточного соседа. ***Заключение.*** Исследование показало, что за восемь лет, прошедших между двумя этапами эксперимента, изменилось отношение россиян к Китаю: от восприятия его как страны, славящейся своей кухней и известной таким историческим объектом, как Китайская стена, до представления об этой стране как экономически развитом государстве, со своей историко-географической спецификой.

Ключевые слова: русское языковое сознание, образ страны, ассоциативный анализ, ассоциативный словарь, стереотипы, Китай

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Григорьева Т. В., Ли Цичжэн.* Образ Китая в русском языковом сознании (по данным «Русского регионального ассоциативного словаря») // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 382–387. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-382-387

THE IMAGE OF CHINA IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS (ACCORDING TO THE RUSSIAN REGIONAL ASSOCIATIVE DICTIONARY)

T. V. Grigoreva, Li Qizheng

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** The central place in the image of a country is occupied by an associative image, which includes reactions arising from a stimulus – the name of the country and the name of its resident (or stimuli that cause associations – the name of the country and the name of its resident). These associations allow us to reveal the ideas about a foreign country hidden in the consciousness of native speakers. ***The purpose*** of the article is to determine and describe the structure of the image of China in the Russian linguistic consciousness and to trace the dynamics of changes in ideas about China and the Chinese in different periods based on the data of the "Russian Regional Associative Dictionary", which includes the results of two stages of the experiment – 2015 and 2022. ***Materials and methods.*** Cognitive, quantitative and comparative analysis of stimuli that caused associations China, Chinese, Chinese in recipients at the first and second stages of the experiment allowed us to identify the structure of the image of China and describe the main changes that occurred in the perception of the friendly country and its residents by Russians. Results, discussion. Seven basic conceptual lines can be distinguished in the image of China, reflecting knowledge about geographical features, economic development, technological achievements, specifics of historical

© Григорьева Т. В., Ли Цичжэн, 2024

development, traditions, education, art and characteristics of its inhabitants. The increase and specification of associations for each of these lines indicates the directions of development of interest of Russians to different spheres of life of the eastern neighbor. ***Conclusion.*** The study showed that over the eight years that passed between the two stages of the experiment, the attitude of Russians to China changed: from perceiving it as a country famous for its cuisine and known for such a historical site as the Great Wall of China, to the idea of this country as an economically developed state, with its own historical and geographical specifics.

Keywords: Russian linguistic consciousness, image of the country, associative analysis, associative dictionary, stereotypes, China

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Grigoreva T. V., Li Qizheng.* The image of China in the Russian language consciousness (according to the Russian Regional Associative Dictionary). *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 382–387. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-382-387

Введение

Изучение национального образа страны и особенностей его формирования является важной задачей не только для политолога, социолога, но и для филолога. Анализ существующего образа страны с опорой на языковые факты и знание речевых стратегий и тактик усиления его позитивных составляющих и трансформации негативных позволит выработать нужный имидж страны на международной арене для успешного взаимодействия в разных ситуациях. Не менее важно понимать, как образ страны вписывается в культурное и языковое пространство другого народа. Изучение стереотипов национального сознания, отраженных в языковой картине мира, – устойчивых, эмоционально насыщенных, обобщенно-образных представлений о «чужом», сформировавшихся в конкретной социально-исторической среде [1, с. 31] – способствует взаимопониманию между народами и укреплению отношений между странами, поэтому развитие имагологии – науки, изучающей образы другого в семантическом поле «домашней» культуры [2, с. 88], – сегодня как никогда актуально и востребованно. Исследователи обращаются к анализу образов как России [3], так и других стран, например Китая [4].

Понятие образа многогранно. В науке существуют разные понимания этого термина. В лингвистике в понятии образа «обозначилась идея формы, мыслимой отвлеченно от субстанции и поэтому воспроизводимой» [5, с. 314]. Человек в сознании создает «единый образ индивидуального объекта, синтезируя в нем противоречивые впечатления и разрозненные наблюдения» [5, с. 321].

Под образом страны понимают фрагменты языкового сознания, существующие как социальные автостереотипы (у представителей страны) и как национальные предрассудки (у иностранцев). Подобные ментальные образования трактуются в современной философии и социальной психологии как социальные мифы, формируемые в так называемом рефлексивном слое сознания и конструируемые в относительном отрыве от реальной действительности, с которой они связаны через другие – чувственные – образы, прямо, непосредственно отражающие реальное бытие людей [3, с. 69–70].

Важной составляющей образа страны является ассоциативный образ, который складывается из ассоциаций на стимул – название страны или наименование его жителя – и позволяет выявить скрытые в сознании носителей языка представления о чужой стране и отразить динамику изменений этих представлений.

Одним из способов описания ассоциативного образа является анализ данных ассоциативных словарей, которые содержат результаты ассоциативных опросов, проводившихся в виде свободного массового ассоциативного эксперимента в разные годы. Сопоставление информации ассоциативных словарей разных лет поможет определить, как менялись представления об определенной стране, нации.

В качестве объекта анализа был выбран ассоциативный образ Китая – страны-соседа, с которой у России отмечается тесное сотрудничество в самых

разных областях: политике, экономике, образовании, искусстве и т. д. Не случайно образ Китая так активно изучается лингвистами [4; 6].

Цель исследования – на базе данных «Русского регионального ассоциативного словаря» определить и описать структуру образа Китая в русском языковом сознании и проследить динамику изменения представлений о Китае и китайцах в разные периоды.

Материалы и методы

Для воссоздания глубинной структуры ассоциативного образа, раскрывающей, как фрагмент действительности (страна и ее представители) отражается в сознании жителя России, какие признаки референта выделяются испытуемыми, полученные стимулы были подвергнуты когнитивному анализу и представлены в виде модели. Эта модель имеет устойчивый характер, несмотря на то что состав и количество испытуемых, участвующих в ассоциативном эксперименте, могут меняться и само ассоциативное поле, выявляемое в результате эксперимента, по своей природе является открытым, постоянно пополняемым. При выявлении когнитивной модели мы опирались как на ядерные ассоциации, так и на периферийные, поскольку «не только высокочастотные, популярные ассоциации оказываются значимыми и продуктивными в прояснении смыслового облика слова-стимула» [7, с. 36].

Нами были проанализированы прямой и обратный словари ассоциативных норм русского языка[1,2], «Русский ассоциативный словарь»[3]. В прямых словарях[4,5] слова *Китай, китаец* не были отобраны в число стимульных слов как наиболее частотные, что позволяет говорить о невысокой значимости этой страны и ее представителей для русской лингвокультуры того периода. Анализ реакций на стимул *китайский* в «Русском ассоциативном словаре»[6], а также описание и интерпретация стимулов, которые вызвали реакции *Китай, китаец, китайский*, во втором томе «Русского ассоциативного словаря», являющегося обратным словарем[7], были представлены в научной литературе [8, с. 105]. Авторы обратили внимание на самые распространенные ассоциации – *язык, чай, фарфор*, напрямую связанные с восприятием китайской культуры и образа Китая носителями русского языка, на высокочастотные стимулы *пуховик* и *ресторан*, вызванные появлением в России в конце 90-х гг. XX в. ресторанов с блюдами китайской кухни и большого количества товаров из Китая, а также на менее частотные ассоциации, такие как *император, китайская стена, змей, порох, рис, сервиз*, отражающие историческую и культурную жизнью данной страны [8, с. 105].

Наиболее репрезентативными для сопоставительного исследования образа Китая в русском языковом сознании являются данные «Русского регионального ассоциативного словаря»[8], представляющего результаты двух этапов общероссийского ассоциативного эксперимента в азиатских регионах РФ. Первый эксперимент проводился с 2008 по 2013 год в наиболее крупных городах азиатской части России – Новосибирске, Омске, Красноярске, Томске и Северске, Новокузнецке, Барнауле, Кемерове, Владивостоке, Хабаровске, Чите и Иркутске – среди студентов преимущественно от 17 до 25 лет (единичные случаи – в возрасте 16 лет или старше 25, но не старше 30 лет), второй – с 2014 по 2021 гг. За 8 лет, прошедших между двумя этапами эксперимента, серьезно изменилась геополитическая ситуация в мире, что не могло не отразиться на отношении к Китаю и его жителям, особенно в близкой к восточному соседу Сибири.

---

[1] Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977. 192 с.

[2] Обратный словарь ассоциативных норм русского языка / Г. А. Черкасова, 2006. URL: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Ob_leon.htm (дата обращения: 08.04.2024).

[3] Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. / Ю. Н. Караулов и др. М., 2002. Т. 1: От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. 784 с. ; Т. 2: От реакции к стимулу: более 100 000 реакций. 992 с.

[4] Там же.

[5] Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977. 192 с.

[6] Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. / Ю. Н. Караулов и др. М., 2002. Т. 1: От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. 784 с.

[7] Там же. Т. 2: От реакции к стимулу: более 100 000 реакций. 992 с.

[8] Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС-1) : в 2-х т. / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т филологии, Новосибирский гос. ун-т, Московский ин-т лингвистики. М. : Московский ин-т лингвистики. Т. 2: От реакции к стимулу. 2015. 762 с. ; Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС-2) : в 2-х т. / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. Новосибирск : НГУ, 2022. Далее указываем СИБАС-1 и СИБАС-2.

Результаты исследования, обсуждения

Ассоциации *Китай, китаец* и *китайский* появляются только в обратном словаре СИБАС-1, содержащем результаты первого этапа эксперимента и построенном по принципу от реакции к стимулу. Когнитивный анализ данных названного словаря позволил выявить семь концептуальных линий, лежащих в основе ассоциативного образа Китая и его жителей:

1) географическое положение Китая и историко-географические объекты: *стена*;

2) экономические отношения: *товары, импорт, экспорт, производство, мех, чай*;

3) различные достижениями нации и технологический прогресс: *качество, процветание, медицина, бумага, кухня*;

4) особенности исторического развития страны и традиции: *коммунизм, империя, союзник, шпион, нация, государство, желтый*, *красный*;

5) образование: *учить, экзамен, урок*;

6) искусство: *культура*;

7) описание китайцев: качества – *мудрый, национальный, мастер, гостеприимство, хитрый, высокомерный, кричать;* внешний вид – *маленький, хрупкий;* статус – *чиновники.*

Анализ статистических данных (стимулов, встречающихся более 5 раз) показывает, что в сознании испытуемых преобладает отношение к Китаю как к стране, славящейся своей кухней (самый частотный стимул *китайская* ← *кухня* встретился 13 раз) и известной таким историческим объектом, как Китайская стена (*Китай* ← *стена* 6 ответов*; китайская* ← *стена* 6 ответов).

Анализ результатов второго этапа массового ассоциативного эксперимента, проведенного в вузах Сибири и Дальнего Востока с 2014 по 2021 гг. (СИБАС-2) и включающего 4000 стимулов, список которых формировался из полученных в ходе первого эксперимента по созданию СИБАС-1 реакций, показывает, как изменилось отношение россиян к Китаю, насколько более глубоким стало социально-культурное взаимодействие между нашими странами за 8 лет, разделяющих два этапа эксперимента.

Опираясь на выявленную нами модель ассоциативного образа Китая, включающую семь концептуальных линий, сопоставим данные двух обратных словарей – СИБАС-1 и СИБАС-2 и опишем основные изменения, произошедшие в восприятии россиянами дружественной нам страны и ее жителей.

1. Более четко представлено **географическое положение** Китая и обозначены его историко-географические объекты: *восток, выход, граница, заграница, иностранец, Япония, соседи, Корея, Азия, Транссибирский, карта, Шанхай, Пекин, пекинец*, *дворец, квартал, стена, великая стена, запад*. Кроме того, Китай все чаще рассматривается как страна, интересная для поездок (*путешествие, ехать, уехать, уезжать, вернуться*).

2. В **экономических отношениях** наблюдается переход от общего к частному – от обобщенных стимулов (*товар, производство, импорт, экспорт* – в СИБАС-1) до конкретных вещей, которых стало много с ростом китайского рынка в России (*рис, шелк, арбуз, ваза, кроссовки, кукла, лапша, люстра, магнитофон, утюг, фрукт, хлопок, шуба, рыба*), или мест, где эти вещи можно купить (*рынок, базар*) и через которые провезти (*таможня*). Встречаются оценочные стимулы *дешево, дешевый, некачественно*, которые характеризуют китайский товар.

3. Более конкретными стали результаты **технологического прогресса**: *небоскреб, стройка, фабрика, магистраль, легкая промышленность, робот*. Эти стимулы свидетельствуют об изменении отношения к производственным способностям Китая: это страна, которая сейчас ассоциируется с передовыми технологиями.

4. Китай всегда был известен как страна с устоявшимися **традициями** и особой **историей**, в определенной степени знакомой россиянам. В ассоциациях, отражающих эту концептуальную линию, нельзя не отметить изменения, связанные с лучшим познанием и пониманием исторического развития и традиций Китая: *император, монах, мудрец, население, правитель, раса, социализм, флаг, красный, коммунизм, капитализм, перенаселение.*

5. Богаче представлена и сфера **образования**. Китай с древних времен был центром образования. Оно является «врожденной» необходимостью для китайца. И с развитием системы включенного обучения, сетевого сотрудничества между вузами Китая и России, позволяющим китайским студентам приезжать учиться к нам, а нашим молодым людям – к ним, мы больше узнаем об особенностях образования в этой стране: *изучение, общага, перевод, по-русски, предметы, преподавать, текст, учебник, язык, иероглифы, Конфуций, акцент, диалекты, бумага, прописать*.

6. Влияние китайских произведений **искусства** на россиян также постепенно расширяется. В словарях [1,2,3] трудно найти ассоциации, связанные с искусством Китая. Ситуация изменилась с открытием Китая внешнему миру: сейчас (СИБАС-2) эта страна в том числе вызывает и такие ассоциации, как *цирк, Брюс Ли, каратист, культура, панда, китайская опера, фильм, кинозвезда*.

7. Изменилось и восприятие россиянами самих китайцев. Оценка **характера** китайцев стала более объективной и конкретной. Она включает как положительные качества (*мудрец, вежливая, великая, взаимопонимание, трудолюбивый, радушный, веселый, улыбка, солнце, завораживающий, этнический, занятой, умельцы, труженики, друг*), так и отрицательные (*лиса*, *надоедливый, жадность, наглые, нелегальный, наглость, шум*), в том числе усилилось понимание, что это *чужак, иностранец, нерусский, непонятный*. Более детальным выглядит описание **внешности** китайцев: не только *маленький*, но и *узкоглазый, брюнеты, желтокожий*. И появились новые статусные характеристики: *грузчик, директор, чин, посол*.

Анализ количественных данных в словаре 2022 г. показывает доминирование экономической линии в формировании образа Китая (*Китай* ← *рис* 16 стимулов; *производитель* 14 стимулов; *шелк* 12 стимулов) и ассоциаций, отвечающих за его историко-географическую специфику (*Китай* ← *восток; император* 8 стимулов).

Нельзя не отметить определенную противоречивость в оценивании Китая респондентами – носителями русского языка: *драгоценный – дешевый, иностранец – гражданин, восток – запад, взаимопонимание – непонятный, по-русски – нерусский, коммунизм – капитализм, угроза – друг, крепкий – хрупкий, экспорт – импорт*. Наличие таких противоположных ассоциаций свидетельствует не только о разном восприятии этой страны как объекта оценки, что естественно для ассоциативного эксперимента, но и об изменениях, которые происходят в самом Китае и вызывают разную реакцию со стороны внешних наблюдателей.

Заключение

Таким образом, анализ ассоциативных словарей разных лет, их сопоставление, а также опора на статистическую информацию, учитывающую частотность реакций, помогает построить устойчивую модель, лежащую в основе образа страны, и выявить трансформацию этого образа, усиление его составляющих. В образе Китая можно выделить семь базовых концептуальных линий, отражающих знания о географических особенностях, экономическом развитии, технологических достижениях, специфике исторического развития, традициях, образовании, искусстве и характеристику его жителей. Увеличение и конкретизация ассоциаций по каждой из этих линий свидетельствует о направлениях развития интереса россиян к разным сферам жизни восточного соседа. Кроме того, такой анализ позволяет выявить те области жизни Китая, которые пока недостаточно раскрыты для жителей нашей страны, таких, например, как литература, киноиндустрия.

[1] Обратный словарь ассоциативных норм русского языка / Г. А. Черкасова, 2006. URL: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Ob_leon.htm (дата обращения: 08.04.2024).

[2] Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. / Ю. Н. Караулов и др. М., 2002. Т. 1: От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. 784 с. ; Т. 2: От реакции к стимулу: более 100 000 реакций. 992 с.

[3] Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС-1) : в 2-х т. / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т филологии, Новосибирский гос. ун-т, Московский ин-т лингвистики. М. : Московский ин-т лингвистики. Т. 2: От реакции к стимулу. 2015. 762 с.

1. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31–40. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17304687 (дата обращения: 08.04.2024).

2. Бахарева М. Д. Современная имагология: значение и перспективы развития // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6. № 2. С. 86–101. DOI: https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101

3. Тарасов Е. Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69–73. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-metodologiya-issledovaniya (дата обращения: 10.04.2024).

4. Чжан Я. Концепт КИТАЙ в сознании носителей русского языка (на материале ассоциативного эксперимента) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 1. С. 73–82. DOI: https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-73-82

5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.

6. Карабулатова И. С., Лагуткина М. Д. Образ Китая в лингвоинформационной модели современного медиадискурса (на материале русских и китайских СМИ) // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета им. М. В. Ломоносова. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2021. Т. 21. № 4. С. 40–53. DOI: https://doi.org/10.37482/2687-1505-V124

7. Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского государственного университета. Серия 9: Филология. 1996. № 6. С. 20–41.

8. Попова Е. А., Богословская Н. А. Образ Китая в сознании носителей русского языка // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. № 1 (9). С. 97–111. DOI: https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111

Статья поступила в редакцию 03.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 08.08.2024 г.; принята к публикации 10.09.2024 г.

Об авторах

Григорьева Татьяна Владимировна
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языкознания, Уфимский университет науки и технологий (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. З. Валиди, д. 32), *tagrig8@mail.ru*

Ли Цичжэн
аспирант кафедры современного русского языкознания, Уфимский университет науки и технологий (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. З. Валиди, д. 32), *1301854207@qq.com*

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Papilova E. V. Imagologiya kak gumanitarnaya distsiplina [Imagology as a humanitarian discipline]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki* = Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov. Philological sciences, 2011, no. 4, pp. 31–40. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17304687 (accessed 08.04.2024). (In Russ.).

2. Bakhareva M. D. Sovremennaya imagologiya: znachenie i perspektivy razvitiya [Modern Imagology: Significance and Development Prospects]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* = Concept: philosophy, religion, culture, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 86–101. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101

3. Tarasov E. F. Obraz Rossii: metodologiya issledovaniya [Image of Russia: research methodology]. *Voprosy psikholingvistiki* = Journal of Psycholinguistics, 2006, no. 4, pp. 69–73. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-metodologiya-issledovaniya (accessed 10.04.2024). (In Russ.).

4. Zhang Ya. Kontsept KITAI v soznanii nositelei russkogo yazyka (na materiale assotsiativnogo eksperimenta) [The Concept CHINA in the Minds of Native Russian Speakers (Based on the Material of an Associative Experiment)]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 73–82. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-73-82

5. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the World of Man]. M., Languages of Russian Culture Publishing House, 1999, 896 p. (In Russ.).

6. Karabulatova I. S., Lagutkina M. D. Obraz Kitaya v lingvoinformatsionnoi modeli sovremennogo mediadiskursa (na materiale russkikh i kitaiskikh SMI) [The Image of China in the Linguistic-Informational Model of Modern Media Discourse (Based on Russian and Chinese Mass Media)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo universiteta imeni M. V. Lomonosova. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"* = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences", 2021, vol. 21, no. 4, pp. 40–53. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.37482/2687-1505-V124

7. Cherneiko L. O., Dolinskii V. A. Imya SUD"BA kak ob"ekt kontseptual'nogo i assotsiativnogo analiza [The name FATE as an object of conceptual and associative analysis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* = Moscow University Philology Bulletin, 1996, no. 6, pp. 20–41. (In Russ.).

8. Popova E. A., Bogoslovskaya N. A. Obraz Kitaya v soznanii nositelei russkogo yazyka [The image of Chinain the perception of Russian speakers]. *Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie* = Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics, 2022, no. 1 (9), pp. 97–111. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111

The article was submitted 03.07.2024; approved after reviewing 08.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

About the authors

Tatyana V. Grigorieva
Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Modern Russian Linguistics, Ufa University of Science and Technology (32 Z. Validi St., Ufa 450076, Russian Federation), *tagrig8@mail.ru*

Li Qizheng
Graduate student of the Department of Modern Russian Linguistics, Ufa University of Science and Technology (32 Z. Validi St., Ufa 450076, Russian Federation), *1301854207@qq.com*

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 81.161.11
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-388-395

АФОРИСТИЧНОСТЬ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ЖАНРЕ «ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МИНИАТЮРЫ» (В. В. РОЗАНОВ И В. А. СОЛОУХИН)

Е. П. Карташова, Т. В. Рыбакова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** В статье рассмотрена проблема дифференциации понятий афоризма как жанра и как отдельной семантической единицы, способной реализовать творческие потенции языковой личности в создании индивидуально-авторского стиля. Афористичность авторского сознания наиболее полно реализуется в жанре «лирико-философской миниатюры». Одним из создателей этого оригинального жанра является В. В. Розанов. Именно его лирико-философская проза «Уединенного» и «Опавших листьев» стала отправной точкой, породившей новую литературную традицию, новаторскую жанровую форму, отличающуюся насыщенной оригинальной образностью, парадоксальностью, афористичностью. В данной статье исследуется такая важная стилевая черта жанра «лирико-философской» миниатюры, как афористичность в сопоставительном ключе: «В. В. Розанов – В. А. Солоухин». ***Цель:*** изучить процесс формирования одной из важных стилевых особенностей жанра «лирико-философской миниатюры» – афористичности авторского сознания на уровне сопоставления новаторского творчества В. В. Розанова, которое формирует литературно-жанровую традицию, и произведения В. А. Солоухина «Камешки на ладони». ***Материалами для исследования*** послужили новаторская лирико-философская проза В. В. Розанова и сопоставимое по содержательно-языковым особенностям произведение В. А. Солоухина «Камешки на ладони». ***Результаты исследования, обсуждения, заключение:*** на основе проведенного исследования был сделан вывод о том, что афористика XX–XXI вв. в целом и творчество В. А. Солоухина в частности во многом продолжают жанровую и стилевую традицию новаторской прозы В. В. Розанова. Такая важная стилевая черта авторского сознания, как афористичность, свидетельствующая о высоких творческих потенциях языковой личности и отличающаяся оригинальной индивидуально-авторской эстетикой: образностью, парадоксальностью, экспрессией, – способна продуцировать как философскую («бытийную») проблематику, так и прагматико-обиходную («бытовую»). Именно антитеза концептов «бытие» и «быт» становится языковой основой лирико-философских интенций творческих личностей В. В. Розанова и В. А. Солоухина.

Ключевые слова: жанр «лирико-философской миниатюры», новаторская проза В. В. Розанова, В. А. Солоухин «Камешки на ладони», афоризм, афористичность стиля, парадокс, алогизм, антитеза концептов «бытие – быт»

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Карташова Е. П., Рыбакова Т. В.* Афористичность авторского сознания в жанре «лирико-философской миниатюры» (В. В. Розанов и В. А. Солоухин) // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 388–395. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-388-395

THE APHORISTIC NATURE OF THE AUTHOR'S CONSCIOUSNESS IN THE "LYRICAL AND PHILOSOPHICAL MINIATURE" GENRE (V. V. ROZANOV AND V. A. SOLOUKHIN)

E. P. Kartashova, T. V. Rybakova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** The article examines the problem of the aphorism concepts' differentiation as a genre and as a separate semantic unit capable of implementing the creative intention of a linguistic personality in creating an individual author's style. The aphoristic nature of the author's consciousness is most fully implemented in the "lyrical and philosophical miniature" genre. One of the creators of this original genre is V. V. Rozanov. It was his lyrical and philosophical prose of «Solitary» and «Fallen Leaves» that became the frame of reference that gave rise to a new literary tradition, an innovative genre form characterized by rich original imagery, paradoxical, aphoristic nature. The article examines such an important stylistic feature

© Карташова Е. П., Рыбакова Т. В., 2024

of the “lyrical and philosophical” miniature's genre as aphoristic nature in a comparative way: “V. V. Rozanov – V. A. Soloukhin”. ***The purpose of the article*** is to study the process of formation of one of the important stylistic features of the “lyrical and philosophical miniature” genre – the aphoristic nature of the author's consciousness at the level of comparability of the V. V. Rozanov's innovative work, which forms a literary and genre tradition, and the work of V. A. Soloukhin «Pebbles in the Palms». ***Materials and methods include such works*** as V. V. Rozanov's innovative lyrical and philosophical prose and V. A. Soloukhin's work «Pebbles in the Palms», comparable in content and linguistic features. ***Research results, discussions, conclusion:*** based on the conducted research, it was concluded that the XX–XXI centuries' aphorism in general and V. A. Soloukhin's work in particular largely continue the genre and style tradition of V. V. Rozanov's innovative prose. Such an important stylistic feature of the author's consciousness as aphoristic nature, testifying to the high creative intention of a linguistic personality and distinguished by the original individual author's aesthetics: imagery, paradoxical nature, expression, is capable of producing both philosophical («existential») problems and pragmatic everyday («life») ones. It is «being» and «life» concepts' antithesis that becomes the linguistic basis of the lyrical and philosophical intentions of V. V. Rozanov's and V. A. Soloukhin's creative personalities.

Keywords: “lyrical and philosophical miniature” genre, V. V. Rozanov's innovative prose, V. A. Soloukhin “Pebbles on the Palms”, aphorism, aphoristic style, paradox, alogism, antithesis of the concepts “being – life”

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Kartashova E. P., Rybakova T. V.* The aphoristic nature of the author's consciousness in the “lyrical and philosophical miniature” genre (V. V. Rozanov and V. A. Soloukhin). *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 388–395. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-388-395

Отражением духовного и культурного развития общества является литература. Каждая историческая эпоха имеет своих ярких представителей, оказывающих значительное влияние на формирование литературных традиций и индивидуально-авторских стилей. Одним из таких авторов является известный русский писатель, философ, публицист и литературный критик Василий Васильевич Розанов.

В. В. Розанов был одним из первых, кто начал экспериментировать с формами письма и стилями в русской литературе. Воплощением его экспериментов являются такие произведения, как «Уединенное» и «Опавшие листья», отличающиеся свободой выражения, новыми структурами и использованием нетрадиционных литературных приемов.

«Листья» Розанова – намеренный авторский ход, заключающийся в непрерывном потоке мыслей как философских, вечных, «бытийных», так и прагматико-обиходных, «бытовых». На основе антитезы концептов «бытие и быт» реализуется важная стилевая черта – алогичность изложения, продуцирующая активное использование словесных парадоксов и эффекта обманутого ожидания, облеченных в форму авторского афоризма. В «Уединенном» и «Опавших листьях» В. В. Розанов демонстрирует «многомерное зрение», так как на каждый предмет у него «тысяча» точек зрения, он предоставляет читателю возможность вместе с ним размышлять обо всем, что он замечает. Обретя форму «листьев», Розанов отказался от всех иных литературных форм. «Листья» не рассчитаны на непрерывное чтение в отличие от романа или повести. Открытый В. В. Розановым литературный жанр «Листьев» определяется им самим как жанр «мысли», «шума голосов», «паутинок быта», «вздохов души», «живого журнала». Все приведенные розановские определения нового жанра употреблены в индивидуально-авторском метафорическом значении, но многими исследователями трактуются как жанр «потока сознания». «Новаторская проза потока сознания В. В. Розанова эксплицирует оригинальную манеру авторского повествования, базирующуюся на парадоксальности как сущности авторского мировоззрения и как стилевого приема. Для того чтобы с достаточной точностью интерпретировать сущность данного стилистического приема, используемого В. В. Розановым, необходимо ввести такую дефиницию, как афоризм» [1, с. 86].

Новаторские литературные эксперименты В. В. Розанова, его талант «первого стилиста» эпохи «серебряного века» значительно повлияли на творчество писателей последующих эпох, так

как новый жанр открыл новые возможности для литераторов не только XX века, но и, как показывают наши наблюдения, для писателей XXI века.

Следует заметить, что ни один из авторов советской эпохи не делал прямых отсылок к творчеству В. В. Розанова, не упоминал его имени в своих произведениях или воспоминаниях, так как официально фигура В. В. Розанова-литератора и его наследие были признаны в советскую эпоху идеологически и политически «чуждыми». Вместе с тем многие исследователи подчеркивают, что именно новаторская проза В. В. Розанова стала той точкой отсчета, с которой и начала формироваться и развиваться традиция «лирико-философской прозы», лирико-философской миниатюры [2, с. 23].

В сопоставлении с «Уединенным» и «Опавшими листьями» актуально и научно перспективно рассмотреть произведение «Камешки на ладони» известного советского писателя В. А. Солоухина. Интересна для осмысления в данном контексте цитата В. А. Солоухина из «Камешков на ладони», раскрывающая сущность понятия «литературная традиция»: «Не может быть отрицательной традиции. Понятие «традиция» несет в себе лишь положительную окраску. В течение веков от искусства отшелушивается все мелочное и ложное и вырабатывается традиция, которую нельзя смешивать с влиянием того или иного художника, той или иной школы»[1]. Логику размышлений В. А. Солоухина можно интерпретировать следующим образом: традиция не формируется в опоре только на одну творческую личность, даже самую масштабную и талантливую. Традиция формируется только целой плеядой талантливых авторов, привносящих в избранную художественную форму собственное понимание «ценностей» мира, целей литературного творчества, личности писателя.

В. А. Солоухин упоминает, что его «камешки» – лирико-философские миниатюры – возникали «при чтении книги, в разговоре с друзьями, на писательском собрании, во время одиноких прогулок, в жарком споре…» (с. 4) и т. д. У В. В. Розанова этот художественный прием «спонтанности» восприятия используется очень широко. Он записывает свои мысли в еще более «экзотических» условиях и обстоятельствах: «в вагоне поезда», «на подошве туфли», «за занятием нумизматикой», «на обороте транспаранта», «за арбузом», «выйдя покурить на лестницу», «засыпая», «за шашками с детьми», «в клинике», «ночью на извозчике» и даже «в ватер-клозете». Для обозначения открытого им жанра Розанов использует метафору «листьев, которые складывает в короба». В. А. Солоухин определяет литературный жанр как «камешки на ладони», то есть «некую формулировку, некое представление» (с. 4), заключенные в более четкую и строгую форму; как «лоскут, из которого автор делал то рассказ, то стихотворение, то главу повести, а то и самую повесть» (с. 134); «дневник как литературную форму, как своеобразный жанр» (с. 16, 152). По мнению Солоухина, «камешки» – это «материал, который может не умещаться в узкие рамки какого-нибудь одного жанра» (с. 91). Другими словами, у В. А. Солоухина жанр «камешки на ладони» отражает индивидуально-авторскую творческую концепцию и представляет собой процесс непрерывного течения мыслей: «как в матрешке, должна мысль выходить из мысли. Только это должна быть матрешка наоборот. Каждая последующая мысль должна быть не меньше, а больше предыдущей…» (с. 184).

Отдельные «мысли» жанра «камешки на ладони» достаточно часто облечены в оригинальную афористическую форму.

Проблема афористики, ее определения, с одной стороны, как отдельной семантической единицы, с другой – как жанра рассматривались начиная с XIX века и остаются актуальными до настоящего времени. Отечественные и зарубежные исследователи неоднозначно определяют термин «афоризм». Так, «парадоксальным беллетристом» английской афористики считается Б. Шоу, чьи ироничные и мудрые суждения основаны на принципах парадоксальности, жесткого влияния научного познания на духовную сферу и сферу искусства. Отсюда определение афоризма как индивидуального креативного высказывания автора, отражающего его философское, нравственное, интеллектуальное и эстетическое мировоззрение, критикующее традиционные устои и законы общества, и производящее «ошеломляющий» эффект.

В отечественной общелингвистической справочной литературе термин «афоризм» либо толкуется неоднозначно, либо отсутствует. Так, его нет

[1] Солоухин В.А. Камешки на ладони. М. : Современник, 1988. 446 с. С. 65. Далее ссылки в тексте на это издание в круглых скобках с указанием страницы.

ни в одном из четырех версий «Лингвистического энциклопедического словаря» (1990, 1998, 2000, 2002), нет в большинстве словарей лингвистических терминов, например О. С. Ахмановой (1966, 1969/2004), Т. В. Жеребило (2005, 2010, 2016), В. Д. Старичонка (2008). В «Кратком словаре лингвистических терминов» (1995) Н. В. Васильевой, В. А. Виноградова, А. М. Шахнаровича афоризм определяется как «краткое, отточенное по форме изречение, содержащее обобщенную и законченную мысль» [3, с. 17].

«Достаточно противоречивыми являются и определения афоризма в рамках изучения отдельных языков» [4, с. 663]. Словарная статья «афоризм» включена в лингвистические энциклопедии (например, русского языка, белорусского языка, украинского языка и др.). Однако в энциклопедических лингвистических источниках понятие «афоризм» толкуется неоднозначно. Так, в энциклопедии «Русский язык» (1997, 2008) указывается, что понятие «афоризм» не имеет общепринятого определения»

По нашему мнению, наиболее плодотворно изучение афоризма с лингвофилософских позиций, поскольку центральным смысловым содержанием афористики являются отношения «человек – мир», что включает онтологический, гносеологический, аксиологический и антропоцентрический аспекты. «Афоризм является формой языка философии, квинтэссенцией мысли, способом выразить истину небанальным образом» [5, с. 4]. Как правило, авторские афоризмы содержат глубокий философский смысл, поскольку афоризм представляет собой форму мудрой мысли, а мудрость невозможна без размышления, сомнения, вопрошания, состояния задумчивости – тех психологических состояний, которые являются условиями философствования. В противоположность философской, «бытийной» афористике, насыщенной осмыслением «вечных» ценностей, существует и афористика обыденного сознания, которая возникает в результате наивного философствования, представляющего собой, по мнению С. В. Борисова, «спонтанный процесс интеллектуальной деятельности, не выходящий за границы обыденно-практического знания и опирающийся на мифологическое сознание» [6, с. 31]. Наивная картина мира в афористике означает, что знание, зафиксированное в ней, бывает объективно, но чаще оно обусловлено системой мнений, жизненным опытом, субъективной интуитивной картиной мира автора.

Особенностью афоризма в художественном творчестве является то, что философская мысль облечена в индивидуально-авторскую образную форму, заключена в метафорическую оболочку, демонстрирует творческий характер литературной деятельности, поэтому справедливо мнение И. Шевелева о том, что афоризм – это «либо философия на грани искусства, либо искусство на грани философии» [7, с. 89].

Таким образом, афоризм – это высказывание, концептуальное по содержанию, образное по художественной форме, отражающее способ речемыслительной деятельности автора, авторского сознания отличающихся парадоксальностью, антитетичностью, субъективностью восприятия общепринятых истин.

Афористика новаторской прозы В. В. Розанова достаточно полно и разносторонне изучена с точки зрения жанровой специфики, смыслового содержания и стилистики [8, с. 136].

Рассмотрим в сопоставительном ключе с В. В. Розановым специфику афористического творчества В. А. Солоухина.

Афоризмы В. А. Солоухина отличаются максимально кратким и одновременно исчерпывающим определением понятия, явления, ситуации, фиксирующим накопленный личный жизненный опыт автора, многообразный народный опыт, меткие наблюдения «бытия и быта» человека, философские размышления о литературе и искусстве, о прошлом и будущем творческой личности, страны, мира. Задача В. А. Солоухина состоит в том, чтобы донести до читателя не только универсальный смысл бытия человека в мире, но и собственную точку зрения на те или иные явления действительности, в том числе обиходно-бытового характера. Данная авторская задача реализуется через содержательно-смысловые характеристики афоризма в рамках жанра лирико-философской миниатюры в «Камешках на ладони».

Согласно проведенным наблюдениям, афоризмы В. А. Солоухина содержательно и тематически противопоставлены на уровне антитезы концептов «бытие» – «быт», то есть афоризмов «бытийной» проблематики («вечные», философские истины и ценности) и «бытовой». «Бытийные» темы охватывают, главным образом, сферу «вечных культурных ценностей»: 1) литературы

(проза, поэзия, классическая (русская) литература, современная литература, зарубежная литература); 2) искусства (музыка, живопись, архитектура); 3) «бытия» мира и человека (мир души и духа писателя и человечества). «Бытовая» проблематика отражает реалии повседневной жизни человека: дом, образ жизни «простого» человека, обиходные житейские истины, жизненный опыт или, по выражению самого писателя, «житейская каша» (с. 278).

Собранная картотека афоризмов В. А. Солоухина в произведении «Камешки на ладонях» составляет 58 единиц, из них 43 единицы относятся к первой «бытийной» группе – «вечных культурных ценностей, 15 единиц – к «бытовой» группе, то есть к концепции «повседневного мира человека». Приведем примеры антитетичности авторского сознания В. А. Солоухина, выраженного на уровне противопоставления «бытийных» и «бытовых» афоризмов: *«Народ – это не механическое соединение миллионов человек…Народ – это то, что он создал за свою многовековую историю и что, в свою очередь, создало и сцементировало его сложной системой исторических и нравственных идеалов»* (с. 39)*; «Ландшафт во всей его сложности и совокупности – это не просто лицо Земли, лицо страны, но и лицо данного общества»* (с. 230)*; «Все люди делятся на две категории: на тех, кто сначала съедает лучшие кусочки, оставляя худшее на конец, и на тех, кто сначала съедает худшее»* (с. 292)*; «Ферзь силен не потому, что ему дано больше других, а потому, что другим дано меньше»* (с. 307).

Таким образом, большинство афоризмов В. А. Солоухина из собранной картотеки примеров, по нашему мнению, представляют собой примеры «вечных» философских истин и ценностей, облеченных в художественно-образную афористическую форму, противопоставленных оригинальным афоризмам «бытовой» тематики.

Некоторые из афоризмов, несмотря на объемность, представляют ценность в контексте оригинальной образности, глубокого философского смысла, а также индивидуально-авторского своеобразия. Анализ афоризмов В. А. Солоухина позволяет сделать вывод о том, что его афористика отражает совокупность знаний автора, его индивидуально-авторское восприятие окружающего мира, проницательность, «бытийность» сознания. Приведем несколько примеров афористических высказываний из «Камешков на ладони»: *«Каждое слово без исключения может звенеть, будучи поставленным на свое место. Слова одни и те же, но в одном случае из них получается фарфор, бронза, медь, а в другом случае – сырая клеклая глина. Один поет, а другой хрипит. Один чеканит, другой мямлит. Одна строка как бы светится изнутри, другая тускла и даже грязна. Одна похожа на драгоценный камень, другая – на комок замазки»* (с. 6); *«Наука с ее формулами, выкладками, умозаключениями призвана организовывать интеллектуальную сторону человеческого сознания. Искусство же призвано организовать эмоциональную сторону сознания, ибо если наука есть память ума, то искусство есть память чувств»* (с. 111); *«Поэзия – увеличительная речь. Как простое стекло путем особой шлифовки (и придания ему особой формы) превращается в линзу и начинает увеличивать, так и человеческая речь путем особой шлифовки (и придания ей особой формы) превращается в увеличительную речь»* (с. 277).

С точки зрения архитектоники авторские афоризмы В. А. Солоухина в «Камешках на ладони» чаще всего представлены на уровне использования словесного парадокса, который способен эксплицировать интеллектуальную и эстетическую утонченность мироощущения писателя, «антитетичность» авторского сознания.

Парадокс – это «формально-логическое противоречие, которое возникает в содержательном множестве теорий и формальной логике при сохранении логической правильности рассуждений» [9 с. 411–412], причем, как правило, парадокс выражает «мнение, рассуждение, резко расходящееся с общепринятым, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу» [10, с. 209]. Именно понятие здравого смысла является ключевым для понимания природы парадокса как явления и как литературного приема.

В «Литературной энциклопедии» парадокс – это «выражение, в котором вывод не совпадает с посылкой и не вытекает из нее, а, наоборот, ей противоречит, давая неожиданное и необычное ее истолкование» [11, с. 271]. В «Большом энциклопедическом словаре» парадокс – это «неожиданное, непривычное, расходящееся с традицией утверждение, рассуждение или вывод»[1]. В современной

[1] Большой энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1981. 1456 с.

лингвистике парадокс часто рассматривают как разновидность оксюморона, с помощью которого создается иронический, комический эффект, являющийся экспрессивной основой шутки, анекдота, загадки. Именно на уровне словесного парадокса создается эффект языковой игры автора и читателя, который должен адекватно декодировать творческие интенции писателя. Как показывают количественные данные собранной картотеки примеров, в «Камешках на ладони» 24 единицы являются афоризмами, построенными на использовании словесного парадокса. Приведем примеры: *«Разговор об искренности (всерьез) может возникнуть только между людьми, которые постоянно лгут»* (с. 80); *«Он имеет право писать плохо, потому что он пишет очень много. Ты пишешь мало – и тебе плохо писать нельзя»* (с. 41); *«Банально, но все-таки, если прислушаться, самый зловещий из всех земных звуков — тиканье часов»* (с. 76); *«Мечта и надежда существуют временно, до их исполнения»* (с. 220).

Посредством парадокса раскрывается художественная структура «остранения». «Остранение» – некая аномальность, алогизм, строящийся на сознательном нарушении автором естественных логических связей в пределах языковой или текстовой единицы. Прием остранения способен создавать различные эффекты языковой игры, в основе которых лежит алогизм – разрушение естественного представления о предмете, смещающее пропорции и выражающее абсурдное восприятие с точки зрения обыденного сознания» [12, с. 1263–1264].

В. А. Солоухин в смысловой структуре отдельных афоризмов-«камешков» намерено репрезентирует нарушение причинно-следственных связей посредством алогизма, например, *«Лучше всего исполнять какую-либо должность можно тогда, когда не боишься ее потерять»* (с. 25); *«Лебедю для того, чтобы казаться величественным, незачем быть величиной с носорога или слона»* (с. 91); *«Твардовский о бесталанном поэте: – Бедняга, всю жизнь тащит лодку посуху»* (с. 141); *«… материальная обеспеченность не связана с уровнем морали никоим образом»* (с. 55); *«Важнее, что сказано, а не как. «Что» можно проглотить целиком, а «как» – нельзя»* (с. 63); *«Писатель не может считать себя плохим писателем и одновременно писать»* (с. 313).

В «Камешках на ладони» достаточно широко используется и такой стилистический прием, как антитеза, выполняющая функцию противопоставления, обогащенного индивидуально-авторскими антонимическими метафорами: *«Каждое слово без исключения может звенеть, будучи поставленным на свое место. Слова одни и те же, но* ***в одном случае*** *из них получается фарфор, бронза, медь, а* ***в другом случае*** *– сырая клеклая глина.* ***Один*** *поет, а* ***другой*** *хрипит.* ***Один*** *чеканит,* ***другой*** *мямлит.* ***Одна*** *строка как бы светится изнутри,* ***другая*** *тускла и даже грязна.* ***Одна*** *похожа на драгоценный камень,* ***другая*** *– на комок замазки»* (с. 6)*, «Один факт –* ***случайность****, два –* ***преднамеренность****, три –* ***тенденция****, четыре –* ***традиция****»* (с. 202).

Афористичность авторского сознания В. А. Солоухина создается посредством образности, реализуемой на уровне экспликации языковой игры, с целью создания ироничного, парадоксального и комического эффекта, при этом афоризмы могут быть как лаконичными, но информативными по содержанию, так и достаточно объемными. При этом все афоризмы отличаются концептуальной цельностью и содержательной завершенностью. Отдельным афоризмам свойственна экспрессия, что объясняется индивидуально-авторским характером афоризма.

Таким образом, проза потока сознания В. В. Розанова послужила отправной точкой в создании нового жанра «лирико-философской миниатюры» в литературе последующих исторических эпох. На основе проведенного исследования был сделан вывод о том, что афористика XX–XXI вв. в целом и творчество В. А. Солоухина в частности во многом продолжают жанровую и стилевую традицию новаторской прозы В. В. Розанова. Такая важная стилевая черта авторского сознания, как афористичность, свидетельствующая о высоких творческих потенциях языковой личности и отличающаяся оригинальной индивидуально-авторской эстетикой: образностью, парадоксальностью, экспрессией, – способна продуцировать как философскую («бытийную») проблематику, так и прагматико-обиходную («бытовую»). Именно антитеза концептов «бытия» и «быта» становится языковой основой лирико-философских интенций творческих личностей В. В. Розанова и В. А. Солоухина.

1. Карташова Е. П. Афористика новаторской прозы В. В. Розанова // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3 (23). С. 85–88. URL: http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1233 (дата обращения: 15.05.2024).

2. Фомин А. И. «Бог послал меня с даром слова…»: Язык и стиль лирико-философской прозы В. В. Розанова. СПб. : Гуманитарная Академия, 2015. 448 с.

3. Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. М. : Русский язык, 1995. 176 с.

4. Иванов Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659–706. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aforizm-kak-obekt-lingvistiki-osnovnye-priznaki (дата обращения: 15.05.2024).

5. Дядык Н. Г. Афоризм как способ философствования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 4–7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aforizm-kak-sposob-filosofstvovaniya (дата обращения: 15.05.2024).

6. Борисов С. В. Наивное философствование как познавательная деятельность // Известия Волгоградского педагогического университета. 2008. № 8 (32). С. 4–7. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11903212 (дата обращения: 15.05.2024).

7. Шевелев И. Н. Афоризмы и мысли: Микромир человека глазами афориста. М. : Прогресс : Литера, 1995. 334 с.

8. Карташова Е. П. Стилистика прозы В. В. Розанова : монография. М. : Московский педагогический университет, 2001. 373 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21019672 (дата обращения: 15.05.2024).

9. Бирюков Б. В. Парадоксы // Философский словарь / под. ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. С. 411–412.

10. Гурьева Т. Н. Новый литературный словарь. Ростов н/Д. : Феникс, 2009. 364 с.

11. Литературная энциклопедия / гл. редактор А. В. Луначарский. М. : ОГИЗ, РСФСР, 1934. Т. 8. С. 270–271.

12. Карташова Е. П. Афористика новаторской прозы В. В. Розанова // Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М. : РОССПЭН, 2008. 1216 с.

Статья поступила в редакцию 11.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 14.08.2024 г.; принята к публикации 16.09.2024 г.

Об авторах

Карташова Елена Павловна
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9393-9436, *elena.karta77@mail.ru*

Рыбакова Татьяна Васильевна
старший преподаватель кафедры русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), *tanyarubakova@mail.ru*

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Kartashova E. P. Aforistika novatorskoi prozy V. V. Rozanova [Aphorisms in innovative prose by V. V. Rozanov]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2016, no. 3 (23), pp. 85–88 Available at: http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1233 (accessed 15.05.2024). (In Russ.).

2. Fomin A. I. “Bog poslal menya s darom slova…”: Yazyk i stil' liriko-filosofskoi prozy V. V. Rozanova [“God sent me with the gift of speech...”: Language and style of lyrical and philosophical prose by V. V. Rozanov]. SPb., Humanitarian Academy Publ., 2015, 448 p. (In Russ.).

3. Vasileva N. V., Vinogradov V. A., Shakhnarovich A. M. Kratkii slovar' lingvisticheskikh terminov [A brief dictionary of linguistic terms]. M., Russian language Publ., 1995, 176 p. (In Russ.).

4. Ivanov E. E. Aforizm kak ob"ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [Aphorism as an object of linguistics: the main properties].*Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/aforizm-kak-obekt-lingvistiki-osnovnye-priznaki (accessed 15.05.2024). (In Russ.).

5. Dyadyk N. G. Aforizm kak sposob filosofstvovaniya [Aphorism as a way of philosophizing]. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta* = Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University, 2011, no. 3, pp. 4–7. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/aforizm-kak-sposob-filosofstvovaniya (accessed 15.05.2024). (In Russ.).

6. Borisov S. V. Naivnoe filosofstvovanie kak poznavatel'naya deyatel'nost' [Naive philosophizing as a cognitive activity]. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta* = Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University, no. 8 (32), 2008, pp. 4–7. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11903212 (accessed 15.05.2024). (In Russ.).

7. Shevelev I. N. Aforizmy i mysli: Mikromir cheloveka glazami aforista [Aphorisms and thoughts: The microworld of man through the eyes of an aphorist]. M., Progress, Litera Publ., 1995, 334 p. (In Russ.).

8. Kartashova E. P. Stilistika prozy V. V. Rozanova : monografiya [Stylistics of V. V. Rozanov's prose : monograph]. M., MPU Publ., 2001, 373 p. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=21019672 (accessed 15.05.2024). (In Russ.).

9. Biryukov B. V. Paradoksy [Paradoxes]. *Filosofskii slovar'* = Philosophical Dictionary, ed. I. T. Frolova, 7th ed., revised. and additional, M., Republic Publ., 2001, pp. 411–412. (In Russ.).

10. Gureva T. N. Novyi literaturnyi slovar' [New literary dictionary]. Rostov n/D., Feniks Publ., 2009. 364 p. (In Russ.).

11. Literaturnaya entsiklopediya [Literary encyclopedia]. Ch. ed. A. V. Lunacharskii, M., OGIZ, RSFSR Publ., 1934, vol. 8, pp. 270–271. (In Russ.).

12. Kartashova E. P. Aforistika novatorskoi prozy V. V. Rozanova [Aphoristics of the innovative prose of V. V. Rozanov]. *Rozanovskaya entsiklopediya* = Rozanov Encyclopedia, comp. and ch. ed. A. N. Nikolyukin, M., ROSSPEN Publ., 2008, 1216 p. (In Russ.).

The article was submitted 11.07.2024; approved after reviewing 14.08.2024; accepted for publication 16.09.2024.

About the authors

Elena P. Kartashova
Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9393-9436, *elena.karta77@mail.ru*

Tatyana V. Rybakova
Senior lecturer of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), *tanyarubakova@mail.ru*

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 821.161.1
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-396-403

АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОМ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА Н. В. ГОГОЛЯ

О. С. Крылова, Н. Н. Старыгина

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. ***Цель*** данного исследования – изучение авторской интерпретации концепта «дом» в творчестве Н. В. Гоголя. ***Материалом*** служат отдельные произведения Н. В. Гоголя: «Вечер накануне Ивана Купалы» (цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки»), повести «Старосветские помещики», «Тарас Бульба» (цикл «Миргород»), «Портрет» (цикл «Петербургские повести»), поэма «Мертвые души». Выбор произведений обусловлен стремлением проанализировать разнообразные типы домов-жилищ (малороссийские хаты, помещичьи усадьбы, казачьи курени, провинциальные дома, петербургские трущобы и пр.) в художественном наследии писателя и проследить повторяющиеся образы и их функции. ***Методы исследования:*** концептуальный, контекстуальный, интертекстуальный, также применяется структурно-функциональный подход при изучении авторской интерпретации концепта «дом». ***Обсуждения и результаты.*** Указываются основные признаки концепта: отображает специфику коллективного и индивидуально-авторского сознания, является системообразующим элементом художественной картины мира. Обозначается понимание концепта «дом», сформированное в сознании русского человека (жилище, убежище, семья, женщина, очаг, родина и т. д.). Основные смыслы концепта «дом» в творчестве Н. В. Гоголя традиционны: жилище (хата, небогатый провинциальный дворянский дом, казачий курень, петербургские трущобы и др.), родина, мать, женщина-хозяйка, любовь. Способы и приемы актуализации концепта «дом»: образы (различных видов жилищ, матери, женщины и др.), мотивы (стремление к дому, материнская любовь, супружеское уважение и любовь, защита родины, уюта и др.), противопоставление (сельская жизнь – Петербург, странствие – обретение дома и пр.). Определяются следующие функции авторской интерпретации концепта «дом» в творчестве Н. В. Гоголя: формирование локальных текстов, («малороссийский», «казачий», «петербургский» и т. д.), установление контекстуальных связей (например, с творчеством А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и т. д.), способ выражения авторской позиции (дом – дорогое сердцу место, куда стремится душа человека). ***Выводы:*** изучение концептосферы творчества Н. В. Гоголя перспективно и позволяет приблизиться к постижению художественной картины мира писателя.

Ключевые слова: концепт «дом», авторская интерпретация концепта «дом», Н. В. Гоголь, структурно-функциональный подход, контекстуальные связи, локальные тексты

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Крылова О. С., Старыгина Н. Н.* Авторская интерпретация концепта «дом» в художественной картине мира Н. В. Гоголя // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 396–403. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-396-403

AUTHOR'S INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF THE "HOUSE" IN ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD OF N.V. GOGOL

O. S. Krylova, N. N. Starygina

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. ***The purpose*** of this article is to study the author's interpretation of the concept of the "house" in the works of N. V. Gogol. ***The material*** is individual works by N. V. Gogol: "The Evening on the Eve of Ivan Kupala" (the cycle "Evenings on a Farm Near Dikanka"), "Old-World Landowners", "Taras Bulba" (the cycle "Mirgorod"), "Portrait" (the cycle "Petersburg Tales"), the poem "Dead Souls". The choice of works is due to the desire to analyze various types of houses-dwellings (Little Russian huts, landowners' estates, Cossack kurens, provincial houses, St. Petersburg slums, etc.) in the artistic heritage of the writer. ***Research methods:*** conceptual, contextual, intertextual, also a structural-functional approach is used in studying the author's interpretation of the concept of the "house". ***Discussions and results.*** The main features of the concept are indicated: it reflects the specificity of the collective and individual-author's consciousness, is a system-forming

© Крылова О. С., Старыгина Н. Н., 2024

element of the artistic picture of the world. The understanding of the concept of the “house” formed in the consciousness of a Russian person is designated (dwelling, shelter, family, woman, hearth, homeland, etc.). The main meanings of the concept of the “house” in the works of N.V. Gogol are traditional: dwelling (hut, poor provincial noble house, Cossack kuren, St. Petersburg slums, etc.), homeland, mother, woman-housewife, love. Methods and techniques of actualization of the concept of the “house”: images (of various types of dwellings, mother, woman, etc.), motives (striving for home, maternal love, marital respect and love, protection of the homeland, comfort, etc.), opposition (rural life - St. Petersburg, wandering - finding a home, etc.). The following functions of the author's interpretation of the concept of the “house” in the works of N. V. Gogol are defined: the formation of local texts (“Little Russian”, “Cossack”, “Petersburg”, etc.), the establishment of contextual connections (for example, with the works of A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, etc.), the way of expressing the author's position (home is a place dear to the heart, where the human soul strives). ***Conclusions:*** the study of the conceptual sphere of N. V. Gogol's works is promising and allows us to get closer to understanding the artistic picture of the writer's world.

Keywords: concept of the “house”, author’s interpretation of the concept of the “house”, N. V. Gogol, structural-functional approach, contextual connections, local texts

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Krylova O. S., Starygina N. N.* Author's interpretation of the concept of the “house” in artistic picture of the world of N. V. Gogol. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 396–403. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-396-403

Многочисленные исследования концепта в современном литературоведении (В. Г. Зусман [1], Н. В. Володина [2], Л. В. Миллер [3], О. Е. Беспалова[1], О. В. Зырянов[2], В. Б. Волкова[3] и др.) позволяют утверждать, что «именно концепты лучше всего подходят для описания современного мира»[4] и являются системообразующим элементом художественной картины мира.

Одним из наиболее значимых концептов в русской ментальности и русской словесности является концепт «дом»[5]. В.С. Непомнящий так обозначает смысловое наполнение концепта «дом»: «Дом – жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, «медленные труды». Дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом, «родное пепелище» – основа «самостоянья», человечности человека, «залог величия его», осмысленности и неодиночества существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [4, с. 145].

В творчестве Н. В. Гоголя концепт «дом» представлен многогранно. Вслед за начатым А. С. Пушкиным детальным и реалистическим изображением быта[6] Н. Гоголь создает уникальные произведения, обогащая и развивая концепт «дом».

Н. В. Гоголь (1809–1852) обратился в своих произведениях к изображению жизни, быта множества сословий: помещиков (российских и украинских), крестьян, господствующего класса, разночинцев, в особенности чиновного люда в Петербурге, казачества. Следовательно, в творческом наследии писателя представлены самые разнообразные типы домов-жилищ: малороссийские хаты; провинциальные дома помещиков («Миргород», 1835); курени казаков в Запорожской Сечи («Тарас Бульба» 1835); петербургские дома (просторные квартиры на Невском проспекте, «великолепные комнаты Невского с зеркалами» («Портрет», 1835), дворцы («Ночь перед

[1] Беспалова О. Е. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.

[2] Зырянов О. В. Лермонтовский миф: некоторые аспекты проблемы. URL: http://poetica1.narod.ru/sbornik/zirianov.htm (дата обращения: 04.02.2021).

[3] Волкова В. Б. Концептосфера современной военной прозы : дисс. … д-ра филол. наук. Магнитогорск, 2014. 591 с.

[4] Гречко П. К. Концептуальные модели истории : пособие для студентов. М. : Логос, 1995. С. 69.

[5] Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд. Мн. : ТетраСистемс, 2005. 256 с. С. 234.

[6] Крылова О. С. Концепт «дом» в русской словесности и его художественная интерпретация в романе «На ножах» Н. С. Лескова : дис. … канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2024. 242 с.

Рождеством», 1831–1832) – и жалкие лачуги на окраине столицы («Портрет», 1835) и пр.

Малороссийские хаты описаны с любовью, они полны уюта, пронизаны ностальгией: «Когда на дворе трещал мороз и замуровывал наглухо узенькое стекло нашей хаты, сидела она перед гребнем, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напевая песню, которая как будто теперь слышится мне. Каганец, дрожа и вспыхивая, как бы пугаясь чего, светил нам в хате. Веретено жужжало; а мы все, дети, собравшись в кучку, слушали деда, не слезавшего от старости более пяти лет с своей печки»[1] («Вечер накануне Ивана Купалы», 1830). Обращает на себя внимание обилие упоминаемых предметов домашнего обихода: гребень, люлька, каганец, веретено и пр.

Н. В. Гоголем очень подробно описывается быт, например, старосветских помещиков Товстогубов: «Комнаты домика, в котором жили наши старички, были маленькие, низенькие, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей. В каждой комнате была огромная печь, занимавшая почти третью часть ее»[2] («Старосветские помещики», 1835).

Главная роль отведена хозяйке дома, которая «не слишком радивая,… но всего хватает»[3]. Характерно, что после ее смерти дом стремительно стареет и ветшает. Похожий тип женщины выведен Гоголем в образе Коробочки из «Мертвых душ», домовитой хозяйки.

Несмотря на то, что образ жизни помещиков откровенно высмеивается, домик с низенькими комнатками с помощью эпитетов представлен повествователем с положительной коннотацией: «Треск этой горящей соломы и освещение делают сени чрезвычайно приятными в зимний вечер…»[4].

Перечисляются портреты, картинки на стенах, сундуки хозяйки, свечка. Отличительная деталь – умиляющие повествователя «поющие двери»: «каждая дверь имела свой особенный голос: дверь, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом; дверь в столовую хрипела басом; но та, которая была в сенях, издавала какой-то странный дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно наконец слышалось: «батюшки, я зябну!»[5], благодаря которой подчеркивается романтизация быта старых помещиков Товстогубов.

Еще одна характерная и повторяющаяся в произведениях[6] Н. В. Гоголя деталь, участвующая в формировании концепта «дом», – образ мух («Из узеньких рам глядела герцогиня Лавальер, запачканная мухами…»; «Трехугольные столики по углам, четырехугольные перед диваном и зеркалом в тоненьких золотых рамах, выточенных листьями, которых мухи усеяли черными точками…»; «На стеклах окон звенело страшное множество мух…»[7]). Согласно отдельным словарям значений муха – символ изобилия[8], и, видимо, этот же смысл несет образ-символ мухи в концепте «дом» у Н. В. Гоголя. Так, во времена благоденствия Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича дом буквально кишит мухами, также нарядные гости, прибывшие на бал, в благополучный, залитый светом дом губернатора, сравниваются с «эскадронами мух»[9] («Мертвые души»).

А вот в запущенном и мрачном доме Плюшкина мухам не так вольготно, как у Товстогубов: «… рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие, как в чахотке…»[10], «всунул перо в чернильницу с какою-то заплесневшею жидкостью и множеством мух на дне и стал писать»[11].

Внимание к бытовым деталям, последовательное изображение жилищ героев находим при описании домов Коробочки, Манилова, Собакевича («Мертвые души», 1835). Например, описание комнаты Коробочки: «…комната была

[1] Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. Ч. 1. С. 138. URL: https://rvb.ru/gogol/ (дата обращения: 28.06.2024).

[2] Там же. Т. 2: Миргород. Ч. 1. С. 16–17. URL: https://rvb.ru/gogol/ (дата обращения: 28.06.2024).

[3] Там же. С. 27.

[4] Там же. С. 17.

[5] Там же. С. 17–18.

[6] Напр., «Как поссорился Иван Иванович…», «Мертвые души» и т. д.

[7] Там же. Т. 2: Миргород. Ч. 1. С. 16–17. URL: https://rvb.ru/gogol/ (дата обращения: 28.06.2024).

[8] Discover the spiritual meaning and symbolism. URL: https://a-z-animals.com/blog/flies-discover-the-spiritual-meaning-and-symbolism/ (дата обращения: 06.09.2024).

[9] «…воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева…». Т. 6: Мертвые души. С. 14.

[10] Там же. С. 115.

[11] Там же. С. 118.

обвешана старенькими полосатыми обоями; картины с какими-то птицами; между окон старинные маленькие зеркала с темными рамками в виде свернувшихся листьев; за всяким зеркалом заложены были или письмо, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с нарисованными цветами на циферблате»[1].

У Н. Гоголя дом раскрывает характер героя. Так, беспорядок в доме Ноздрева («Мертвые души») соотносится с непорядочностью его хозяина: «Посередине столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на них, белили стены, затягивая какую-то бесконечную песню; пол весь был обрызган белилами»[2]. Калейдоскоп ненужных вещей в его доме: кинжалы, ружья, сабли, трубки, плохие вина – как нельзя лучше соответствуют свойству героя хвататься за разные занятия («Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек, то есть человек на все руки. В ту же минуту он предлагал вам ехать куда угодно, хоть на край света, войти в какое хотите предприятие, менять все что ни есть на все, что хотите»[3]).

Внешний вид жилища у Н. В. Гоголя соответствует внешнему виду его хозяина. Так, изображая Собакевича («Мертвые души»), его дом и обстановку, писатель использует одни и те же эпитеты: «грубый», «неаккуратный», «неуклюжий», «исполинский», «основательный», «грубо вырубленный», «тяжелый», «толстый», «крепкий» и т. д. Сам герой похож на медведя, и мебель в его доме также напоминает медведя: «Чичиков еще раз окинул комнату, и все, что в ней ни было, – все было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома; в углу гостиной стояло пузатое ореховое бюро на пренелепых четырех ногах, совершенный медведь. Стол, кресла, стулья – все было самого тяжелого и беспокойного свойства, – словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» или: «И я тоже очень похож на Собакевича!»[4]. Таким образом, писатель активно использует описание дома для дополнения образа героя, а также в качестве художественного средства для полноты изображаемой картины, т. е. дом выполняет характерологическую функцию.

Интерес к народу, захвативший Гоголя во время работы над «Вечерами на хуторе…», проявляется с новой силой в исторической повести «Тарас Бульба» (1835), в основу которой легли события национально-освободительной борьбы середины XVII века (исследователь В. Д. Денисов называет временной период – 1648–1654 гг.) [5, с. 84]. Н. В. Гоголем демонстрируется казацкая жизнь в Запорожской Сечи. По замечанию С. М. Флоринского, «и домашний быт Тараса, и Запорожская Сечь в мирное время и во время войны, и описания Украины в ту тревожную пору – все это дано в повести исторически правдиво, реалистически убедительно»[5].

Сечь представляет собой укрепленный лагерь, занимающийся подготовкой к войне молодых воинов. Известно, что в Сечи шестьдесят куреней, покрытых войлоком или дерном, вся власть здесь сосредоточена в руках кошевого атамана. Ведется разгульный образ жизни: когда нет войны, царит беспробудное пьянство.

Сечь стала для казаков домом, родиной, опорой[6]. Для казака мать и жена менее значимы, чем друг: «Нет уз святее товарищества!»[7], – говорит атаман хижины полковник Тарас Бульба. Ни одной женщины нет в округе, а следовательно, и никакого обустройства быта – семейный очаг находится за сотню верст от Сечи.

Но и в родовом имении Тараса все указывает на то, что это жилище воина: «На стенах – сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами»[8]. В. Д. Денисов считает, что мятежному Тарасу в его доме тесно, поэтому и устраивает он драку на кулаках с сыновьями во дворе своего дома, подобно схваткам в Сече между куренями, и за столом вчетвером ему скучно («ср. двухтысячный козацкий пир на поле брани под Дубно» [6]).

Сыновья важны как будущие воины, предмет гордости и хвастовства перед другими казаками,

[1] Гоголь Н. В.. Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 6: Мертвые души. С. 45. URL: https://rvb.ru/gogol/ (дата обращения: 28.06.2024).
[2] Там же. С. 72.
[3] Там же. С. 71.
[4] Там же. С. 96.
[5] Флоринский С. М. Русская литература : учеб. пособие для средней школы. М. : Просвещение, 1979. С. 212.
[6] Латынин В. Казачья тема в художественной литературе. URL: https://proza.ru/2013/07/16/1487 (дата обращения: 27.03.2023).
[7] Гоголь Н. В.. Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 2: Миргород. С. 350. URL: https://rvb.ru/gogol/ (дата обращения: 28.06.2024).
[8] Там же. С. 281.

поэтому и не терпится Тарасу увезти их на поле боя. Семья в традиционном смысле не имеет значимости («А видите вот эту саблю – вот ваша матерь!»[1]).

Положение женщины того времени в казачестве незавидное: муж груб, с ее чувствами не считается, несмотря на слезы и долгую разлуку с детьми, увозит сыновей, прибывших накануне из бурсы, в Сечь («…она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой»[2]). Однако Н. Гоголем проникновенно выписан образ матери – несчастной, любящей, покорной, самоотреченной: «Одна бедная мать не спала; она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственною грудью; она возрастила, взлелеяла их – и только на один миг видит их перед собою! «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?» – говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших прекрасное когда-то лицо ее. … а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю»[3]. Для Тараса жена – это в первую очередь мать его сыновей («мать» и «стара»), и он, в целом пренебрежительно относясь к «бабе», свято верит, что «молитва материнская» о сыновьях, обращенная к Божьей Матери – покровительнице Козачества, «и на воде, и на земле спасает»[4]. Мотиву материнства в концепте «дом» у Н. В. Гоголя отведена особая роль.

В данном случае отмечаем контекстуальные связи Н. В. Гоголя в изображении образа матери, мотива материнства с традицией, заложенной М. Ю. Лермонтовым. Так, Т. М. Лобова [7] отмечает, что в творчестве М. Ю. Лермонтова темам детства и материнства, одним из составляющих концепта «дом», отведена значимая роль. Исследователь подчеркивает, что в русской литературе любовь к детям и материнская любовь как лирическая тема впервые появляется у Лермонтова. До него никто из авторов так глубоко в эту тему не погружался. Ценность материнской любви для Гоголя несомненна, образ матери является значимым в концепте «дом» в творчестве писателя.

Н. В. Гоголь и «натуральная школа» II половины 1840-х гг. вводят в русскую литературу новую тематику и нового героя – «маленького человека». Это петербургский разночинец, для которого Петербург враждебен. Столичный город чиновников, которые равнодушны ко всему, что не связано с их служебными обязанностями, воссоздается из личного опыта писателя, перенесшего по приезде в Петербург ряд разочарований [8]. В творчестве Н. Гоголя появляются образы современной городской жизни с огромными теснящими петербургскими домами, населенными бедным, серым людом. Царящая в этих домах атмосфера вызывает отвращение: «Взбираясь по лестнице, ведшей к Петровичу, которая, надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов»[5] («Шинель», 1842); «Усталый и весь в поту, дотащился он к себе в Пятнадцатую линию на Васильевский остров. С трудом и с отдышкой взобрался он по лестнице, облитой помоями и украшенной следами кошек и собак»[6] («Портрет», 1835).

Н. В. Гоголь участвует в создании «петербургского» текста в русской литературе, продолжая начатую А. С. Пушкиным традицию изображения отрицательного образа Петербурга, проклятого города, усиливает восприятие злобного пространства, в котором дома, улицы, вся атмосфера враждебны человеку [см.: 8; 9; 10]. По мнению Д. П. Овчинникова, «петербургский» и «малороссийский» (созданный писателем в циклах «Вечера на хуторе…», «Миргород») тексты у Н. В. Гоголя рассматриваются как «сакральное противостоянии живительного и мертвящего в жизни человека»[7]. При этом образы домов формируют пространство художественных текстов.

---

[1] Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 2: Миргород. С. 283. URL: https://rvb.ru/gogol/ (дата обращения: 28.06.2024).

[2] Там же. С. 49–50. U

[3] Там же. С. 49.

[4] Там же. С. 51.

[5] Гоголь Н. В.. Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 3: Повести. С. 148. URL: https://rvb.ru/gogol/ (дата обращения: 28.06.2024).

[6] Там же. С. 83.

[7] Овчинников Д. П. Малороссийский текст в творчестве Н. В. Гоголя : дис. … канд. филол. наук Шуя, 2019. С. 287.

В творчестве Н. Гоголя много отрицательных петербургских домов (жалкие трущобы («Портрет», 1835, «Невский проспект», 1833–1834), бордель («Невский проспект», 1833–1834), сумасшедший дом («Записки сумасшедшего», 1834) и пр.). Но даже изображая беспросветный тяжелый быт «маленького человека», Н. Гоголь показывает, что милый дом является идеалом. Так, в «Записках сумасшедшего» (1834) последние мысли обреченного на безумие героя тем не менее обращены в родному дому и матери: «Дом ли то мой синеет вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку!»[1].

Герой поэмы «Мертвые души» Павел Чичиков имеет свой образ идеального дома, ценность которого не в «архитектуре», не в размерах, не в убранстве, а в домашнем духе: «Счастлив путник, который после длинной, скучной дороги … видит наконец знакомую крышу с несущимися навстречу огоньками, и предстанут пред ним знакомые комнаты, радостный крик выбежавших навстречу людей, шум и беготня детей и успокоительные тихие речи, прерываемые пылающими лобзаниями, властными истребить все печальное из памяти. Счастлив семьянин, у кого есть такой угол …»[2].

Таким образом, Н. Гоголь своим творчеством обогащает смысловое содержание концепта «дом». Усиленное внимание к предметам быта, их подробное описание несет характерологическую функцию.

Применение структурно-функционального подхода к изучению авторской интерпретации концепта «дом» позволяет выявить его наполнение и выполняемые функции[3]. Так, способы и приемы актуализации концепта «дом» у Н. В. Гоголя следующие: образы (традиционные: различные виды жилищ, мать, женщина, родина, семья и др., и индивидуально-авторские, напр., мухи), мотивы (стремление к дому, приезд домой, материнская любовь, супружеское уважение и любовь, защита родины, уют, трапеза, послеобеденный сон и др.), противопоставление (сельская жизнь – Петербург, трущобы – дворцы, странствие – обретение дома, родина – чужбина, предательство – патриотизм и др.).

Изображая многообразие домов-жилищ различных сословий, писатель детально описывает их, воссоздает образ жизни героев в данном пространстве, отмечает характерные условия быта. Способы представленности домов выполняют структурооорганизующую функцию в формировании художественного пространства произведений, центрируют его. Таким образом, концепт «дом» у Н. В. Гоголя участвует в формировании большого количества локальных текстов (напр., «малороссийского», «казачьего», «провинциального», «петербургского» [8; 9, 11, 12] и др.), что также является характерной особенностью писателя.

Авторская интерпретации концепта «дом» в творчестве Н. В. Гоголя способствует установлению контекстуальных связей [13] (например, с творчеством А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и т. д.), а также, несомненно, является способом выражения авторской позиции (дом – дорогое сердцу место, куда стремится душа человека). Н. В. Гоголю близко традиционное понимание дома с семейным очагом, благоденствием, ладом и достатком.

Разумеется, изучение авторской интерпретации концепта «дом», его наполнение индивидуальными смыслами в творчестве Н. В. Гоголя требует дальнейшего изучения. Нами лишь намечены отдельные значения и функции концепта «дом» в некоторых произведениях писателя.

---

[1] Овчинников Д. П. Малороссийский текст в творчестве Н. В. Гоголя : дис. … канд. филол. наук Шуя, 2019. С. 214.

[2] Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 6: Мертвые души. С. 133. URL: https://rvb.ru/gogol/ (дата обращения: 28.06.2024).

[3] См. подробнее: Крылова О. С. Концепт «дом» в русской словесности и его художественная интерпретация в романе «На ножах» Н. С. Лескова : дис. … канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2024. С. 201.

1. Зусман В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 3–29. URL: https://voplit.ru/article/kontsept-v-sisteme-gumanitarnogo-znaniya/ (дата обращения: 12.06.2024).

2. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения : монография. М. : Флинта: Наука, 2010. 256 с.

3. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41721334 (дата обращения: 01.06.2024).

4. Непомнящий В. С. Лирика Пушкина как духовная биография. М. : МГУ, 2001. 236 с.

5. Денисов В. Д. К вопросу об исторической основе повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1835) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 137. С. 84–94. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istoricheskoy-osnove-povesti-n-v-gogolya-taras-bulba-1835 (дата обращения: 27.03.2023).

6. Денисов В. Д. Козак Тарас и его сыновья // Культура и текст. 2017. № 1 (28). С. 25–48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kozak-taras-i-ego-synovya (дата обращения: 27.03.2023).

7. Лобова Т. М. Концепт «материнство» в творчестве М.Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения – II: материалы Всерос. науч. конф. «Дергачевские чтения – 2004». Екатеринбург, 2004. С. 47–55.

8. Крылова О. С. Концепт «дом» в «петербургском тексте» (по роману Н.С. Лескова «На ножах» // Вестник Марийского гос. ун-та. 2017. № 4 (28). С. 147–152. URL: http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1509 (дата обращения: 26.08.2024).

9. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : избранное. М. : Прогресс : Культура, 1995. С. 259–367.

10. Березина О. С. Дом в русской литературной традиции // Мировая классика и молодежная культура : сб. ст. мат-в конф. Йошкар-Ола, 2014. № 2. С. 136–140.

11. Супрун В. И. Локальный казачий текст в языке и литературе: от Ф. Д. Крюкова до Б. П. Екимова // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре : сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. С. 193–204. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37385304 (дата обращения: 27.07.2024).

12. Попова Е. А., Шурупова О. С. Провинциальный текст русской литературы с точки зрения лингвистики сверхтекста // Филологическая регионалистика. 2013. № 2 (10). С. 39–44. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/provintsialnyy-tekst-russkoy-literatury-s-tochki-zreniya-lingvistiki-sverhteksta (дата обращения: 27.08.2024).

13. Старыгина Н. Н. Контекстуальная поэтика художественного произведения как предмет филологического анализа // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 1. С. 91–97. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2019-13-1-91-97

Статья поступила в редакцию 23.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 26.08.2024 г.; принята к публикации 20.09.2024 г.

Об авторах

Крылова Ольга Сергеевна
заведующий редакцией научной и учебной литературы, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0396-3403, *vestnik.margu@mail.ru*

Старыгина Наталья Николаевна
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1)*, starigina@yandex.ru*

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Zusman V. G. Kontsept v sisteme gumanitarnogo znaniya [Concept in the system of humanitarian knowledge]. *Voprosy literatury* = Questions of literature, 2003, no. 2, pp. 3–29. Available at: https://voplit.ru/article/kontsept-v-sisteme-gumanitarnogo-znaniya/ (accessed 12.06.2024). (In Russ.).

2. Volodina N. V. Kontsepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniya : monografiya [Concepts, universals, stereotypes in the field of literary criticism: monograph]. M., Flinta : Science Publ., 2010, 256 p. (In Russ.).

3. Miller L. V. Khudozhestvennyi kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Artistic concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova* = The World of the Russian Word, 2000, no. 4, pp. 39–45. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41721334 (accessed 01.06.2024). (In Russ.).

4. Nepomnyashchii V. S. Lirika Pushkina kak dukhovnaya biografiya [Pushkin's Lyrics as a Spiritual Biography]. M., Moscow State University Publishing House, 2001, 236 p. (In Russ.).

5. Denisov V. D. K voprosu ob istoricheskoi osnove povesti N. V. Gogolya “Taras Bul'ba” (1835) [To the issue of the historical basis of “Taras Bulba” (1835) by N. V. Gogol]. I*zvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* = Izvestia: Herzen State Pedagogical University, 2010, no. 137, pp. 84–94. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istoricheskoy-osnove-povesti-n-v-gogolya-taras-bulba-1835 (accessed 27.03.2023). (In Russ.).

6. Denisov V.D. Kozak Taras i ego synov'ya [Cossack Taras and His Sons]. *Kul'tura i tekst* = Culture and Text, 2017, no. 1 (28), pp. 25–48. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kozak-taras-i-ego-synovya (accessed 27.03.2023). (In Russ.).

7. Lobova T. M. Kontsept “materinstvo” v tvorchestve M. Yu. Lermontova [The concept of “motherhood” in the works of M. Yu. Lermontov]. *Lermontovskie chteniya – II: Materialy Vseros. nauch. konf. “Dergachevskie chteniya – 2004”* = Lermontov Readings – II: Proceedings of the All-Russian scientific conf. “Dergachev Readings – 2004”, katerinburg, 200, pp. 47–55. (In Russ.).

8. Krylova O. S. Kontsept “dom” v “peterburgskom tekste” (po romanu N.S. Leskova “Na nozhakh” [The concept of the “house” in the “Petersburg text” (based by N. S. Leskov's novel “On the knives”)]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University. 2017, no. 4 (28), pp. 147–15. Available at: http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1509 (accessed 26.08.2024). (In Russ.).

9. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo : izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of the Mythopoeic : selected]. M., Publishing group Progress : Culture, 1995, pp. 259–367. (In Russ.).

10. Berezina O. S. Dom v russkoi literaturnoi traditsii [House in the Russian literary tradition]. *Mirovaya klassika i molodezhnaya kul'tura : sb. st. mat-v konf.* = World classics and youth culture: collection of articles from the conf. Yoshkar-Ola, 2014, no. 2, pp. 136–140. (In Russ.).

11. Suprun V. I. Lokal'nyi kazachii tekst v yazyke i literature: ot F. D. Kryukova do B. P. Ekimova [Local Cossack text in language and literature: from F. D. Kryukov to B. P. Ekimov]. *Vostok – Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore : sb. nauch. st. k 70-letiyu prof. A. Kh. Gol'denberga* = East – West: the space of local text in literature and folklore: collection of scientific articles for the 70th anniversary of prof. A. Kh. Goldenberg, ed. N. E. Tropkina, Volgograd, 2019, pp. 193–204. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=37385304 (accessed 27.07.2024). (In Russ.).

12. Popova E. A., Shurupova O. S. Provintsial'nyi tekst russkoi literatury s tochki zreniya lingvistiki sverkhteksta [Provincial text of Russian literature from the point of view of supertext linguistics]. *Filologicheskaya regionalistika* = Philological regional science, 2013, no. 2 (10), pp. 39–44. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/provintsialnyy-tekst-russkoy-literatury-s-tochki-zreniya-lingvistiki-sverhteksta (accessed 08.27.2024). (In Russ.).

13. Starygina N. N. Kontekstual'naya poetika khudozhestvennogo proizvedeniya kak predmet filologicheskogo analiza [Contextual poetics of literary work as a subject of philological analysis]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 91–97. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2019-13-1-91-97

The article was submitted 23.07.2024; approved after reviewing 26.08.2024; accepted for publication 20.09.2024.

About the authors

Olga S. Krylova
Head of the editorial board of scientific and educational literature, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0396-3403, *vestnik.margu@mail.ru*

Natalya N. Starygina
Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), *starigina@yandex.ru*

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 81`37:811.112.2
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-404-410

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

Е. В. Романова, И. В. Казанцева

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** Важная социально значимая функция экологического медиадискурса обуславливает актуальность темы исследования, поскольку он оказывает значительное влияние на мировоззрение людей. Изучение экологического дискурса именно в немецких медиатекстах продиктовано тем, что Германия занимала и занимает лидирующие позиции в области охраны окружающей среды и пропаганды здорового экологичного образа жизни. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению прагматических особенностей экологического дискурса и описанию средств немецкого языка, использующихся в современных медиатекстах данной тематики. ***Цель:*** выявить языковые единицы с высоким прагматическим потенциалом и описать их функционирование в немецком экологическом медиадискурсе. ***Материалы и методы.*** Для данного исследования в материал выборки включены онлайн-версии статей за 2019–2024 гг. крупного еженедельного немецкого журнала «Der Spiegel». В ходе исследования были использованы описательный метод и метод семантического, контекстуального и функционального анализа. ***Результаты исследования, обсуждения.*** Исследование немецких медиатекстов показало, что лингвистические особенности экологического медиадискурса напрямую коррелируют с его прагматической направленностью. С одной стороны важно, чтобы информация в текстах оставалась объективной и актуальной. Это достигается за счет включения терминов из различных областей науки, числительных и математических единиц измерения, названий научных центров и университетов, фамилий исследователей и экспертов. С другой стороны, текстам экологического дискурса присуща экспрессивность, что обусловлено необходимостью эмоционального воздействия на реципиента и побуждения к ответной реакции. Наибольший эмоциональный эффект достигается за счет использования номинаций с негативной коннотацией, сленга и разговорной лексики, слов-триггеров, слов-интенсификаторов, прилагательных в превосходной степени, игры слов, стилистических и грамматических средств. ***Заключение.*** В современном обществе экологический дискурс привлекает пристальное внимание СМИ в силу актуальности затрагиваемых проблем. Активную позицию в экологическом движении занимает Германия. В немецких медиатекстах данной тематики используются различные языковые средства, обладающие высоким прагматическим потенциалом.

Ключевые слова: эколингвистика, экологический дискурс, лингвопрагматика, медиадискурс

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Романова Е. В., Казанцева И. В.* Лингвопрагматические особенности немецкого экологического медиадискурса // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 404–410. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-404-410

LINGUISTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF GERMAN ENVIRONMENTAL MEDIA DISCOURSE

E. V. Romanova, I. V. Kazantseva

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** An important socially significant function of environmental media discourse determines the relevance of the research topic, since it has a significant impact on people's worldview. The study of environmental discourse in German media texts is dictated by the fact that Germany has a leading position in the field of environmental protection and promotion of a healthy eco-friendly lifestyle. The scientific novelty of the research lies in an integrated approach to the study of the pragmatic features of environmental discourse and the description of the means of the German language used in modern media texts of this subject. ***Purpose:*** to identify linguistic units with high pragmatic potential and describe their functioning in German environmental media discourse. ***Materials and methods.*** For this study the sample material included online versions of articles from 2019 to 2024 of the German weekly magazine “Der

© Романова Е. В., Казанцева И. В., 2024

Spiegel". In the course of the study, the descriptive method and the method of semantic, contextual and functional analysis were used. ***Results, discussion.*** A study of German media texts has shown that the linguistic features of environmental media discourse directly correlate with its pragmatic orientation. On the one hand, it is important that the information in the texts remains objective and relevant. This is achieved by including terms from various fields of science, numerical and mathematical units of measurement, names of research centers and universities, surnames of researchers and experts. On the other hand, the texts of ecological discourse are characterized by expressiveness, which is due to the need for emotional impact on the recipient and prompting a response. The greatest emotional effect is achieved through the use of nominations with negative connotation, slang and colloquial vocabulary, trigger words, intensifier words, superlative adjectives, wordplay, stylistic and grammatical means. ***Conclusion.*** In modern society, environmental discourse attracts close media attention due to the relevance of the issues involved. Germany takes an active position in the environmental movement. German media texts on this topic use various language tools with high pragmatic potential.

Keywords: ecolinguistics, environmental discourse, linguopragmatics, media discourse

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Romanova E. V., Kazantseva I. V.* Linguistic and pragmatic features of German environmental media discourse. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 404–410. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-404-410

Введение

В настоящее время отмечается повышенный интерес к экологическим проблемам, происходит экологизация всех сфер жизни и науки, активно развиваются сферы научного исследования, находящиеся на стыке различных дисциплин: биоэкономика, экобиополитика, социальная экология, техноэкология, эколингвистика. Проблематика современной экологии затрагивает основополагающие стороны человеческого существования и вносит существенные коррективы мировоззренческого и методологического характера в развитие научного познания [1].

Актуальность темы исследования обусловлена высокой социальной значимостью экологического дискурса, его значительным влиянием на мировоззрение человека. Еще в прошлом веке один из основателей эколингвистики М. Хэллидей писал о взаимосвязи языка и общества, в частности о том, какую роль может играть язык при решении экологических проблем и формировании экологического сознания граждан [2]. Е. Б. Павлова также указывает на важность изучения экологического дискурса с позиций лингвопрагматики, отмечая, что медиадискурс вносит существенный вклад в формирование экологической осведомленности общества и в определенной степени противостоит дискурсам, пропагандирующим потребительство и материальный рост [3].

Несмотря на активные исследования в этой области [4; 5; 6], данный вопрос по-прежнему остается актуальным. В частности, представляется весьма интересным изучение экологического дискурса в немецких медиатекстах, так как Германия является одним из лидеров в сфере защиты окружающей среды и пропаганды экологичного образа жизни [7; 8]. Обращение к языку СМИ объясняется тем, что экологическое сознание большинства людей формируется прежде всего под воздействием именно медийного дискурса, в отличие от научного дискурса он нацелен на максимально широкую аудиторию, а не на узких специалистов.

Цель данного исследования состоит в выявлении языковых единиц с высоким прагматическим потенциалом и описании их функционирования в немецком экологическом медиадискурсе.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили онлайн-версии статей, представленные на сайте одного из известнейших еженедельных журналов Германии «Der Spiegel» за 2019–2024 гг. На основе семантического, контекстуального и функционального анализа эмпирического материала были выделены отличительные лингвопрагматические характеристики медиатекстов экологической тематики.

Обсуждение и результаты

Целью экологического дискурса является аккумулирование, распространение и популяризация экологических знаний среди широких масс населения, формирование активной гражданской позиции для сохранения природы и улучшения качества жизни людей [3; 9]. Проведенное исследование показало, что лингвистические особенности экологического медиадискурса обусловлены, прежде всего, его прагматической направленностью.

В первую очередь, тексты должны содержать объективную и актуальную информацию. Авторы несут ответственность за донесение результатов научных экологических исследований до общественности и прагматическое воздействие представленной информации [9, с. 43]. Несмотря на то что основными реципиентами текстов медийного дискурса являются представители широкой аудитории, тексты экологической тематики отличаются обилием терминологии из различных областей науки. А. А. Лагутина пришла к выводу, что в экологическом дискурсе используется лексика из более чем 15 терминосистем фундаментальных и гуманитарных сфер знаний [10]. Наиболее широко представлены географические *(Amazonasgebiet, Nordhalbkugel, die Antarktisб Weltmeer),* биологические (*Goldalge, Korallen*), химические (*Methanplan, Kohlenstoff, Sauerstoffgehalten, FCKW*), медицинские термины (*Herzinfarkt, Schlaganfall*).

Кроме того, необходимо отметить наличие в изученных текстах большого количества числительных и математических единиц измерения. Апелляция к конкретным фактам, результатам исследований, статистическим данным делает статью убедительной:

“Im Dezember 2020 gab das brasilianische Institut für Weltraumforschung (Inpe) bekannt, dass zwischen August 2019 und Juli 2020 11,088 Quadratkilometer Wald im Amazonasgebiet zerstört worden seien – so viel wie seit zwölf Jahren nicht mehr”.

Для повышения авторитетности и аргументированности часто используются имена собственные, авторы ссылаются на названия научных центров и университетов, фамилии исследователей и экспертов:

“Auf der Nordhalbkugel der Erde war der Sommer 2023 der wärmste seit 2000 Jahren. Also auch in Europa. Wie die Erderwärmung vorangeschritten ist, berichtet eine internationale Forschergruppe um Jan Esper von der Universität Mainz in der Fachzeitschrift «Nature»”.

“Insgesamt befinden sich auf dem Grund der Ozeane heute schätzungsweise bereits drei bis elf Millionen Tonnen Plastikmüll, ergab eine Studie der australischen Wissenschaftsbehörde Csiro und der kanadischen University of Toronto”.

Важнейшей характеристикой текстов экологического дискурса является экспрессивность. Одной из основных задач авторов является эмоциональное воздействие на реципиента и вызов его ответной реакции.

В контексте экологического дискурса важным инструментом для создания атмосферы обеспокоенности, необходимой для воздействия на общество, выступает экспрессивная лексика. О. А. Рипинская отмечает, что «на лексико-семантическом уровне эмотивная лексика в рамках экспрессивности как текстовой категории является одним из основных и доминирующих приемов, через который реализуется такая функция текста как информирование реципиента, побуждение к осмыслению проблемы» [11].

В немецком экоконтенте широко распространены номинации с ярко выраженной негативной коннотацией, сленг и разговорная лексика: *“Das dreckige Geschäft mit den Plastikabfällen”.* Высокая степень экспрессивности присуща заголовкам: *“China mogelt beim Methanplan”, “Ozonschicht-Killer: China produziert trotz Verbots offenbar FCKW”.* В качестве объекта критики в данных примерах выступает политика Китая в сфере экологии, его обвиняют в жульничестве (mogeln – жульничать) и нанесении вреда озоновому слою Земли (Ozonschicht-Killer – букв. «убийца озонового слоя»). Для описания степени загрязнения моря в Великобритании служит, например, лексема *Kloake*: *“Flucht vor Wasserverschmutzung «Wir Surfen in der Kloake» – englische Sportlerin wechselt nach Spanien”.*

Тематика большинства новостных статей экологического дискурса связана с глобальными проблемами: техногенными и природными катастрофами, последствиями глобального потепления климата, вымиранием растений и животных. Нередко используются слова-триггеры, имеющие семантику угрозы, катастрофы, смерти и нацеленные на создание и поддержание состояния тревоги: *existenzbedrohend, eine Frage des wirtschaftlichen Überlebens, das Sterben der*

Korallenriffe, Korallenbleiche, Unterwasserwelt in Gefahr, mit verheerenden Auswirkungen für das Ökosystem, mit katastrophalen Folgen, die toxische Wirkung, Umweltkatastrophe.

Приведем несколько примеров:

"Zusammen mit den steigenden Wassertemperaturen und sinkenden Sauerstoffgehalten bildet die Ozeanversauerung somit ein «tödliches Trio» für zahllose Lebewesen der Weltmeere. Unter Experten wird sie deswegen oft auch als «böser kleiner Bruder» der Erderwärmung bezeichnet".

"Es käme zu einem verheerenden, irreversiblen Rückkopplungseffekt, der sogenannten Permafrost-Kohlenstoff-Rückkopplung".

"In einem toten Wald will niemand wandern".

Не менее важным инструментом для достижения прагматического эффекта медиатекста является выбор грамматических средств, например использование вопросительных и восклицательных предложений в заголовках статей:

"Klimaschutz-Investitionen oder Barbarei!"

"Nicht ohne meinen Strohhalm!"

"Erhöht Mikroplastik das Risiko für einen Herzinfarkt und Schlaganfall?"

"Ist Europas Klimapolitik abgewählt?"

"Droht eine Verquallung der Ozeane?"

Следующим механизмом повышения информационно-психологического воздействия на реципиента является интенсификация описания. Для вербализации высшей степени опасности используются эпитеты и сложные слова, первый компонент которых имеет соответствующую семантику: *extreme Wetterphänomene, massive Klimaveränderungen, riesige überflutete Gebiete, enorme Mengen, klimaschädliches Kohlendioxid, tödliche Hitze, Massensterben im Meer, Rekordregenfälle, Rekorddürre, Rekordnässe.*

Наречия-интенсификаторы, отрицательные местоимения с обобщающим значением усиливают степень гиперболизации:

"Sechs von neun Bundesministern fahren in besonders dreckigen Autos".

"Der deutsche Wald ist so kaputt wie nie. Kiefern haben sich nach verheerenden Dürren etwas erholt, anderen Baumarten geht es deutlich schlechter".

"Aber feststeht: Nanoplastik ist überall, niemand kann ihm entkommen".

"Die ganz große Katastrophe blieb aus, doch Wissenschaftler warnen: Der Klimawandel wird wohl für noch dramatischere Fluten sorgen".

Прагматический эффект усиливается также за счет использования прилагательных в превосходной степени: *eines der größten Probleme, mit der die Menschheit konfrontiert ist; die wohl gravierendste Konsequenz von tauendem Permafrost, größte Korallenbleiche seit Aufzeichnung.*

Особого внимания заслуживают примеры, основанные на игре слов: *"Heiß, heißer, Mungeshpur".* В данном случае вместо ожидаемого перечисления степеней сравнения прилагательного heiß (жаркий), heißer, am heißesten читатель встречает топоним Мунгешпур, название предместья Дели, где, согласно информации, представленной в статье, был зафиксирован температурный рекорд 52,3°C.

Важным инструментом реализации ключевой прагматической функции воздействия в экологическом дискурсе являются стилистические средства.

Эффективным приемом являются сравнения, усиливающие эффект статистических данных и создающие яркий и понятный большинству читателей образ. Так, для описания размера озоновой дыры над Антарктидой в сентябре 2023 г. используется сравнение с территорией России и Китая: *"26 Millionen Quadratkilometer groß war das Loch in der Ozonschicht über der Antarktis Mitte September 2023, berichtet die Europäische Raumfahrtagentur Esa. Die Ausmaße des Ozonlochs entsprechen damit ungefähr der Fläche Russlands und Chinas zusammen und haben einen der höchsten je dokumentierten Werte erreicht".* Весьма нагляден и следующий пример, характеризующий темпы и объемы засорения мирового океана пластиком: *"Ungefähr jede Minute gelangt im Durchschnitt eine volle Müllwagenladung Plastik in die Weltmeere"* (Примерно каждую минуту в мировой океан попадает целый грузовик пластикового мусора). Гипербола в названии одной из статей *"Planet aus Plastik"* (Планета из пластика) также указывает на катастрофический масштаб данной проблемы.

Распространенным приемом усиления прагматического эффекта медиатекста в экологическом дискурсе являются метафоры, они оказывают воздействие не только на разум читателей, но и на воображение, заставляют искать сравнения, ассоциации, способствуют живости и наглядности описания:

"Entwaldung – die grüne Lunge ist krank" («Зеленые легкие» – лесные массивы).

"Das schlechte grüne Gewissen der CDU" (Буквально «Нечистая зеленая совесть партии ХДС» – речь идет о недобросовестности партии в сфере экологии).

"die Dominosteine des Weltklimas" («Домино мирового климата» – в статье описываются факторы, от которых зависит экологическое равновесие на нашей планете. Если один из них нарушается, то вся экосистема разрушается как карточный домик).

"Die USA im Schwitzkasten des Klimawandels" («США в хедлоке из-за изменения климата». В данном случае обыгрывается многозначность лексемы Schwitzkasten – хедлок: захват в борьбе и раньше деревянный ящик для бани с отверстием для головы. Из-за жары население страны оказалось в ловушке и вынуждено страдать, буквально «потеть». В данном случае нужно обратить внимание на значение компонентов сложного слова Schwitzkasten: schwitzen – потеть, Kasten – ящик).

"USA sind Plastikmüll-Weltmeister" (США – чемпион мира по количеству пластиковых отходов).

Следует отметить продуктивность стилистических приемов, основанных на контрасте. В названиях статей часто используется антитеза, например *"Warum wir Plastik hassen – und es innig lieben"*. В данном случае эффект достигается за счет использования антонимов hassen (ненавидеть) и lieben (любить). Заголовок статьи, посвященной проблеме мусора в Таиланде, привлекает внимание благодаря антитезе, основанной на противопоставлении лексем Hölle (ад) и Paradies (рай) – *"Plastikhölle im Paradies"*.

Определенный эффект неожиданности и иррациональности создает алогизм *"Sonne, Strand und Plastik",* передающий драматичность ситуации в связи с загрязнением побережья в Сенегале. Лексема Plastik не вписывается в ассоциативный ряд «солнце, пляж и …» и нарушает ожидаемый образ идиллии.

Интересным приемом привлечения внимания читателей является аллюзия *"Morgen, Kinder, wird's nichts geben*". Название статьи, рассказывающей о невыполнении обязательств по выплатам, обещанным за сокращение выбросов углекислого газа, коррелирует с первой строчкой известной рождественской песни *"Morgen, Kinder, wird's was geben"*. Проводится параллель – законопослушные граждане рассчитывали на вознаграждение, как послушные дети ожидают подарков на рождество. Таким образом создается эффект обманутых ожиданий.

Заключение

Экологические проблемы не теряют в настоящее время своей актуальности, что в свою очередь все больше усиливает необходимость изучения экологического дискурса. Это позволяет понять, а где-то и решить глобальные экологические проблемы, помогает формировать ответственное и бережное отношение к природе. Средства массовой информации выполняют при этом транслирующую функцию, описывают проблемы экологии, усиливая прагматический эффект благодаря различным языковым средствам. Немецкий язык обладает огромным лингвопрагматическим потенциалом для описания экологической ситуации в мире, что подтверждается результатами анализа экологических медиатекстов.

1. Морозова О. В. К вопросу об экологизации современной науки // Вестник КАСУ. Выпуск: Социально-политические и правовые проблемы образования и общества. 2008. № 3. С. 5–10. URL: https://www.vestnik-kafu.info/journal/15/545/ (дата обращения: 07.06.2024).

2. Halliday M. Towards Probabilistic Interpretations // Functional and Systemic Linguistics: Approaches and Uses. Berlin–N. Y. : Mouton de Gruyter, 1991. Pp. 39–61. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110883527.39

3. Павлова Е. Б. Лингвопрагматическая организация англоязычного экологического интернет-дискурса // Научный диалог. 2019. № 1. С. 88–100. DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-88-100

4. Балышева К. А. Репрезентация концепта «environment» в современном англоязычном медиатексте // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты : сборник научных статей по материалам XIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Йошкар-Ола. 2021. С. 65–70. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47464118&pff=1 (дата обращения: 07.06.2024).

5. Перевозова О. В. Особенности развития экологической проблематики в интернет-изданиях региона // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции : в 2 т. М. : РУДН, 2021. Т. 1. С. 381–383. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48260408&pff=1 (дата обращения: 27.06.2024).

6. Шапочкин Д. В. Экологический дискурс: интенциональный аспект // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 3 (39). DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.32

7. Громорушкина А. А. Экологический дискурс как комплексное явление // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (832). С. 36–46. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42900734 (дата обращения: 07.06.2024).

8. Зайцева А. В. Формирование экологического сознания как основы экологической картины мира (на примере экологического дискурса ФРГ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 9. С. 2754–2761. DOI: https://doi.org/10.30853/phil210429

9. Богданова А. Г., Захарова Е. О., Мымрина Д. Ф. Функционально-структурная специфика многокомпонентных терминов англоязычного медийного экологического дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (222). DOI: https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-41-50

10. Лагутина А. А. Этапы формирования немецкой экологической терминологии // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации: матер. III международной научно-практической конференции и круглого стола, Сочи, 09–11 апреля 2019 года. М., 2019. Вып. 3. С. 465–473.URL: https://elibrary.ru/item.asp?Id=43816459 (дата обращения: 17.06.2024).

11. Рипинская О. А. Экспрессивность как важнейшая характеристика текстов экологического дискурса // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 окт. 2021 г. / гл. ред. О. А. Воробьева. Минск : БГУ, 2021. С. 232–237. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/271239 (дата обращения: 17.06.2024).

Статья поступила в редакцию 18.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 22.08.2024 г.; принята к публикации 19.09.2024 г.

Об авторах

Романова Елена Викторовна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), *romanowaud@yandex.ru*

Казанцева Инна Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), *inna-kazanceva@yandex.ru*

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Morozova O. V. K voprosu ob ekologizacii sovremennoj nauki // *Vestnik KASU. Vypusk: Social'no-politicheskie i pravovye problemy obrazovaniya i obshchestva* = KAFU Bulletin. Issue: Socio-political and legal problems of education and society, 2008, no. 3, pp. 5–10. Available at: https://www.vestnik-kafu.info/journal/15/545/ (accessed 07.06.2024). (In Russ.).

2. Halliday M. Towards Probabilistic Interpretations. *Functional and Systemic Linguistics: Approaches and Uses*, Berlin–N. Y., Mouton de Gruyter, 1991, pp. 39–61. (In Eng.). DOI: https://doi.org/10.1515/9783110883527.39

3. Pavlova E. B. Lingvopragmaticheskaya organizatsiya angloyazychnogo ekologicheskogo internet-diskursa [Linguistic-Pragmatic Organization of English Language Ecological Internet Discourse]. *Nauchnyi dialog* = Scientific dialogue, 2019, no. 1, pp. 88–100. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-88-100

4. Balysheva K. A. Reprezentatsiya kontsepta “environment” v sovremennom angloyazychnom mediatekste [Representation of the “environment” concept in the modern english-language media text]. *Yazyki, kul'tury, etnosy. Formirovanie yazykovoi kartiny mira: filologicheskii i metodicheskii aspekty : sbornik nauchnykh statei po materialam XIII Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Languages, cultures, ethnic groups. Formation of a linguistic picture of the world: philological and methodic aspects : collection of scientific articles based on the materials of the XIII All-Russian (with international participation) scientific and practical conference, Joshkar-Ola, 2021, pp. 65–70. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47464118&pff=1 (accessed 07.06.2024). (In Russ.).

5. Perevozova O. V. Osobennosti razvitiya ekologicheskoi problematiki v internet-izdaniyakh regiona [Features of the development of the main problems in online publications of the region]. *Sredstva massovoi kommunikatsii v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy: materialy XII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii : v 2 t.* = Mass communication in a multipolar world: problems and prospects: materials of the XII All-Russian scientific and practical conference : in 2 vols., M., RUDN Publishing House, 2021, vol. 1, pp. 381–383. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48260408&pff=1 (accessed 27.06.2024). (In Russ.).

6. Shapochkin D. V. Ekologicheskii diskurs: intentsional'nyi aspekt [Environmental discourse: an intentional aspect]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 3 (39). (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.32

7. Gromorushkina A. A. Ekologicheskii diskurs kak kompleksnoe yavlenie [Ecological discourse as a complex phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2020, no. 3 (832), pp. 36–46. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=42900734 (accessed 07.06.2024).

8. Zaitseva A. V. Formation of Ecological Consciousness as the Basis for Ecological Worldview (by the Example of the Ecological Discourse of Germany) [Formirovanie ekologicheskogo soznaniya kak osnovy ekologicheskoi kartiny mira (na primere ekologicheskogo diskursa FRG)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice, 2021, vol. 14, no. 9, pp. 2754–2761. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30853/phil210429

9. Bogdanova A. G., Zakharova E. O., Mymrina D. F. Funktsional'no-strukturnaya spetsifika mnogokomponentnykh terminov angloyazychnogo mediinogo ekologicheskogo diskur-sa [Functional and structural specificity of multicomponent terms in English-language media ecological discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2022, no. 4 (222). (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-41-50

10. Lagutina A. A. Etapy formirovaniya nemetskoi ekologicheskoi terminologii [Stages of formation of German environmental terminology]. *Sotsial'no-politicheskie i istoriko-kul'turnye aspekty sovremennoi geopoliticheskoi situatsii : materialy III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii i kruglogo stola*, Sochi, 09–11 aprelya 2019 goda = Socio-political and historical-cultural aspects of the modern geopolitical situation : materials of the III international scientific and practical conference and round table, Sochi, April 09–11, 2019, M., 2019, iss. 3, pp. 465–473. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?Id=43816459 (accessed 17.06.2024). (In Russ.).

11. Ripinskaya O. A. Ekspressivnost' kak vazhneishaya kharakteristika tekstov ekologicheskogo diskursa [Expressivity as the major characteristic of ecological discourse]. *Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya : mater. VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 22–23 okt. 2021 g.* = Modern problems of humanities education: material. VIII International Scientific and Practical Conference, Minsk, October 22–23, 2021, ch. ed. O. A. Vorobyova. Minsk, BSU, 2021, pp. 232–237. Available at: https://elib.bsu.by/handle/123456789/271239 (accessed 17.06.2024). (In Russ.).

The article was submitted 18.07.2024; approved after reviewing 22.08.2024; accepted for publication 19.09.2024.

About the authors

Elena V. Romanova
Ph. D. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), *romanowaud@yandex.ru*

Inna V. Kazantseva
Ph. D. (Philology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), *inna-kazanceva@yandex.ru*

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 81’ 373.4
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-411-419

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАТЕГОРИИ «ЧУЖЕСТЬ» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

М. Ю. Фадеева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** Дихотомия «свой – чужой» являет собой феномен, детерминированный антропологически и характеризующийся вариативным толкованием в зависимости от эпистемиологического направления на протяжении всей истории человечества. Категориальные представления о «чужести» разнятся в неродственных языковых картинах мира, что свидетельствует о лингвокультурном статусе исследуемой категории. ***Цель статьи*** – охарактеризовать семантические изменения категории «чужесть» / «Fremdheit», отраженные в лексикографических источниках русского и немецкого языков, и установить особенности интерпретации данной категории в разные хронологические периоды общественного развития. ***Материалы и методы.*** Эмпирическую базу исследования составили лексикографические источники и двуязычные словари привлекаемых языков, отражающие языковые факты различных хронологических периодов (средние века, XIX век, XX–XXI вв.). При разработке темы автор применял описательный метод, элементы метода компонентного анализа, метод дефиниционного анализа, а также метод сопоставительного анализа с учетом лингвокультурной парадигмы изучаемых языков. ***Результаты исследования, обсуждения.*** В русском языке выделяются три основных и два переносных лексико-семантических варианта значения слова «чужой»: 1) определение принадлежности, права владения, 2) идентификация степени кровного родства и соотнесенность с местом рождения, 3) готовность к познанию, знакомству, 4) и 5) значения описывают духовную дистанцию, нежелание к сближению. Наблюдается диахроническое изменение аксиологического параметра категории: переход от негативной коннотации к нейтральной. В немецком языке укоренились четыре семантических значения с дифференцирующими признаками локальности, принадлежности, узнаваемости, соответствия норме, ключевыми из которых являются категории пространства и лица. ***Заключение.*** Принадлежность к категории «чужесть» в двух лингвокультурах определяется локальным, притяжательным, эпистемическим, нормативным, эмоционально-флуктуирующим признаками. Ведущими для русской лингвокультуры при определении «чужого» выступают притяжательный, эпистемический и нормативный признаки, коннотация значений варьируется от нейтральной до умеренно-положительной; в немецкой лингвокультуре наиболее значим локальный признак. Эмоционально-флуктуирующий признак проявляется в меньшей степени как в русском, так и в немецком языках.

Ключевые слова: лингвокультурная категория «чужесть», национальная идентификация, чужой, чуждый, лексикографический анализ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Фадеева М. Ю.* Лексикографическая интерпретация лингвокультурной категории «чужесть» в русском и немецком языках // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 411–419. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-411-419

LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION OF “FOREIGNNESS” AS A LINGUOCULTURAL CATEGORY IN RUSSIAN AND GERMAN

M. Yu. Fadeeva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** The dichotomy “own – foreign” is a phenomenon determined anthropologically and characterized by a variable interpretation depending on the epistemological direction throughout the history of mankind. Categorical representations of “foreignness” differ in unrelated linguistic worldviews, which testifies to the linguocultural status of the category. ***The purpose of the paper*** is to characterise the semantic changes of the category “foreignness” / “Fremdheit” reflected in lexicographical sources of Russian and German languages and to establish the logic of interpretation of this category in different chronological periods of social development. ***Materials and methods.*** Lexicographic sources and bilingual Russian –

© Фадеева М. Ю., 2024

German dictionaries reflecting the linguistic facts of various chronological periods (the Middle Ages, the 19th century, the 20th–21st centuries) formed the empirical base of the study. Developing the research topic, the author used descriptive, contextual-pragmatic methods, definitional and comparative analyses, taking into account the linguocultural paradigm of the studied languages. ***Results of the research, discussions.*** Three main and two figurative lexical-semantic variants of the meaning of the word "foreigner" are distinguished in Russian: 1) definition of belonging, the right of possession, 2) identification of the degree of blood kinship and correlation with the place of birth, 3) readiness for cognition, acquaintance, 4) and 5) meanings describe spiritual distance, unwillingness to get closer. There is a diachronic change in the axiological parameter of the category: the transition from a negative connotation to neutral. Four semantic meanings with the differentiating features of locality, belonging, recognisability, and conformity to the norm have taken root in German, the key ones being the categories of space and personality. ***Conclusion.*** Attribution to the "foreigner" category in two linguocultures is determined by local, possessive, epistemic, normative, emotional-fluctuating features. The attributive, epistemic and normative features are leading in the Russian linguoculture to define a "foreigner", the connotation of meanings varies from neutral to moderately positive; in the German linguoculture the local feature is the most significant. The emotional-fluctuating attribute is manifested to a lesser extent in both Russian and German.

Keywords: linguocultural category of "foreignness", national identification, foreign, alien, lexicographic analysis

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Fadeeva M. Yu*. Lexicographic interpretation of "foreignness" as a linguocultural category in Russian and German. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 411–419. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-411-419

Введение

Со времен классической греческой философии феномен «чужого» является важным условием социального опыта, неотъемлемой частью предмета изучения культурологии, этнологии, теории межкультурной коммуникации, имагологии и других гуманитарных наук, посвященных национальному миропониманию, самоидентификации, равно как конструированию гетеро- и автообразов на уровне межличностных отношений [1]. Миграция населения, культурный трансфер и глобальная медиальность как фактор актуализации потенциально существующих связей элементов социальной системы свидетельствуют об особой актуальности исследования дихотомии «свой – чужой» и в современный период развития гуманитарных наук.

Посредством осмысления этнических и социокультурных особенностей речевого поведения и языкового сознания носителей одной лингвокультуры при ее сопоставлении с другими лингвокультурами формируются категориальные представления, выражающие наиболее общие свойства и связи явлений действительности [2; 3]. Интерес к специфике толкования «чужести» в последние десятилетия вызван сдвигом семантической наполняемости данной категории: традиционное с позиции этнографии «чужое» как экзотичное, пришедшее извне и не принадлежащее ближайшему сообществу, становится менее частотным по сравнению с проявлением «чужести» внутри собственной культуры, когда субъект или объект представляются непривычными; несходными с кем-либо по духу, взглядам, интересам; странными [3, с. 29].

В философии М. Хайдеггера отношения между «своим» и «чужим» рассматриваются как изменчивая взаимосвязь дома и мира, которая предполагает в качестве цели превращение непонятного в доступное для понимания, безопасное. «Немецкий язык представляется особенно выразительным в описании «чуждости» за пределами дома, «heimisch» в значении «домашний, родной» противопоставляется «unheimisch, unheimlich» / «жуткий, чужой» [5, с. 414].

Значения «чужого» и «своего» не являются постоянными, они изменяются, при этом их определения зависят от контекста и ментального шаблона. Фигура «чужого» сопротивляется онтологизации, поэтому каждый из нас в зависимости от обстоятельств и ситуации может стать «чужим». С точки зрения культурологии такие категории пространства, как близость и дистанция, невозможно зафиксировать раз и навсегда, несмотря на многочисленные попытки их установления [6].

Выступая одной из антропологических констант, лингвокультурная категория «чужесть» может обнаруживать различные модификации в неродственных языковых картинах мира. «Любое приписывание «чужести» осуществляется в рамках коммуникативного акта, соответственно, материализация «чужого» возможна только в коммуникации. Например, всякий раз, когда мы ссылаемся на предметы в реальном мире, допустим, на дерево, мы неизбежно подразумеваем, что есть что-то, на что мы ссылаемся. Мы предполагаем наличие (дерева), потому что иначе утверждение, что есть нечто, было бы совершенно нелогичным. Что касается «чужести», то это не более чем форма речевой отсылки» (пер. наш) [7, с. 13].

В разных языках обозначаемое (будь то дерево, или чужесть) может иметь различные лексические значения, поэтому категоризация полисемантичного понятия требует детального анализа семем с подбором эквивалентов в межъязыковой парадигме. Поиск инвариантов содержания исследуемой категории и установление ее характерных черт в русском и немецком языках представляется значимым для дальнейшей разработки лингвокультурологического подхода к описанию средств выражения социально значимых явлений.

Цель данного исследования заключается в характеристике семантических изменений внутри лингвокультурной категории «чужесть», отраженных в лексикографических источниках русского и немецкого языков, и в установлении закономерностей интерпретации составляющих данной категории в разные хронологические периоды развития общества в общекультурной, философской и языковой традициях.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования послужили статьи толковых (хронологические периоды XI–XVII вв., XIX в., XX–XXI вв.), этимологических, энциклопедических и двуязычных словарей привлекаемых языков, а также комментарии к ним. Для достижения цели исследования применялись описательный метод, элементы метода компонентного анализа, метод дефиниционного анализа, а также метод сопоставительного анализа с учетом лингвокультурной парадигмы и национальных особенностей соответствующих языков и культур.

Результаты исследования

Первые упоминания древнерусских слов «чужь», «чужий» (старослав. чоуждь; праслав. *tjudjь) датированы XI веком, наибольшее распространение в языке получили в форме прилагательного в период XV–XVI вв. Предположительно формы на *t-* получены путем диссимиляции. С точки зрения этимологии лексема «чужой» является заимствованной из готского языка (гот. «тьюд» в значении «народ»), образована от индоевропейского корня teu-t-a, означающего «народ», «земля»[1].

К гнезду праславянского *tjudjь также принадлежит лексема «чудь» – экзоэтноним – собирательное название неславянских народов как совокупности чужаков. Чудь является персонажем русского и финно-угорского фольклора, мифическим существом (рус. дивий (дикий) человек). Согласно народной этимологии язык чуди был непонятным, «чуднЫм», поэтому созвучие с лексическими единицами *чудо, чудак является* неслучайным.

По преданию *чудь, чудаки* (т. е. странные и чужие) проживали в Сибири, во времена правления Ивана Грозного они испугались Ермака, нежелание принимать новую веру взамен языческой заставило их вырыть подкопы и уйти со всем добром под землю. Лексема «чудь» нередко использовалась с негативной коннотацией как бранное слово: «чудь белоглазая!»[2]. В основе неприятия чуди лежит диковинный внешний вид и трудно поддающиеся объяснению действия, родства с чудью боялись из-за их непонятных магических способностей. Народ отличался белой кожей, светлыми волосами и очень ясными, почти прозрачными глазами, что значительно выделяло их на фоне остальных, «обычных» соседних народов. Чуди приписываются свойства инородцев, антагонистов-нехристей, мифических предков, нечистой силы. Чудь была дикой, неграмотной и невежественной[3].

[1] Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». М. : ЮНВЕС, 2003. 704 с.

[2] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Вологда : ВОУНБ, 2012.

[3] Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2012. Т. 5.

В древнерусском языке в значении «чужой, не свой» употреблялось несколько лексем, образующих синонимический ряд (такое количество единиц объясняется различными процессами в области исторической фонетики), – прилагательные *чужии, чуждии, стуждии, тужии, туждии*, *щужии, щуждии*, которые отличались полисемантичностью и характеризовали субъект, реже – объект по признакам принадлежности, имущественных отношений, нахождения в пространстве, узнаваемости, соответствия норме. Отметим, что ядерным (объединяющим) в семантике всех лексем приведенного синонимического ряда является признак принадлежности не своим, т. е. чужеземным, иностранцам, другим. Туждий (туждний) также мог восприниматься враждебно, вражески и необычайно одновременно. Особо отметим, что чужесть оценивалась, как правило, негативно, и могла быть связана с чем-то неродным, действительно не своим (*щужии*), с дьяволом, бесом (*тужии*), с врагами (*туждии*), со злодеями (*чужии, щужии*)[1].

Позднее в истории русского языка круг значений восточнославянской лексемы «чужой» расширился под влиянием лексемы «чуждый», которая употреблялась преимущественно в книжной речи, церковных источниках. В «Истории слов» В. В. Виноградова[2] отмечается, что «чуждый» и «чужой» употреблялись в древнерусском языке в одном синонимичном ряду. В русском литературном языке XVI–XVIII вв. лексема «чуждый» принадлежала к высокому словесному слогу, а «чужой» – к простому без существенной дифференциации смысла. Исключение составляет значение «внутренне, по духу далекий, духовно чуждый», которое вербализовывалось преимущественно в форме «чуждый». Со временем произойдет семантический сдвиг, в ходе которого актуализируется значение «лишенный чего-нибудь, не обладающий чем-нибудь, далекий от чего-нибудь», при этом признаки принадлежности и узнаваемости утратятся.

Так, в Словаре Академии Российской 1806–1822 гг. лексемы *чуждый* и *чужій* являются синонимами, различающимися стилистически, в качестве первого значения приводится «не свой, посторонній»: *Ты кто еси судяй чуждему рабу?; чуждые законы, обыкновенія; чужій домъ; чужое платье, имя*, причем, как правило, если прилагательное квалифицирует «простые» объекты, бытового характера, то представлена единица *чужій*. В качестве второго значения представлено «необыкновенный, неестественный, несвойственный кому»: *Чуждe матеремъ дѣвство и странно дѣвамъ дѣторожденіе* – в данном случае *чуждый* синонимично *странный*[3].

В Толковом словаре В. Даля (первое издание вышло в 1863 г.) приводятся сходные по звучанию лексемы «чужой», «чужий», «чуждый», которые рассматриваются как синонимы. Сравним: *Чуждый* – чужой. Он мне чуж, чуждый, чуж-чуженин, я его не знаю, или он не родня мне. *Чужой* – не свой, сторонний, собь другого, незнаемый, незнакомый; не родня, не наша семьи, не из нашего дома, нашего дома; не нашей земли, иноземный. *Чужий* – чуждый чего, чему, далекий, непричастный, сторонник[4].

С. В. Бурдун, анализируя основу концепта «чужой» в исторических, этимологических и толковых словарях русского языка, упоминает богатое словообразовательное гнездо из субстантивных, глагольных и адвербиальных производных в словаре В. Даля, зачастую передающих отрицательную оценку субъекта, предмета, явления [8]. Например, *чужеверник, чужедворок, чужеженец (бабник), чужеумок, чужеядный, чужеумиться* и др. Следует отметить, что большая часть прилагательных с корнем *чуж-* вышла из состава современного русского языка *(чужевольный, чужеженный, чужесторонний, чужесветный)*, а сложные существительные претерпели замену основы *чуж-* на *ино-*. *Ср.* (чужестранец – иностранец, чужеплеменник – иноплеменник).

В современном русском языке лексема «чужой» характеризуется высокой степенью

[1] Словарь русского языка XI–XVII / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Наука, 1975.

[2] История слов: Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / В. В. Виноградов ; Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1999. 1138 с.

[3] Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 т. В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии наук, 1806–1822. Т. 6. С. 1324.

[4] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Вологда : ВОУНБ, 2012.

употребительности, о чем свидетельствует ее позиция под номером 66 в ранговом списке из 500 наиболее употребительных прилагательных частотного словаря русского языка, в то время как лексема «чуждый» находится на 425 месте. Примечательно, что местоимению «свой» отводится 21 место в словаре наиболее частотных лемм корпуса среди всех частей речи, т. е. «свой» – «чужой» являются одними из основных составных частей картины мира[1].

Оттенки значений лексемы «чужой» вербализуются в многочисленном ряду (24 единицы) языковых и контекстуальных синонимов с разной степенью семантической близости: *чужой, чуждый, чужеземный, чужестранный, иноземный, иностранный, заграничный, заморский, закордонный, зарубежный, внешний, экзотический; непричастный, (по)сторонний, побочный, придаточный, навязанный; пришлый, привходящий, пригульный, приезжий, залетный, наносный, вводный*[2].

В Новом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой отражены три основных и два переносных лексико-семантических варианта значения современного слова «чужой»: 1. Принадлежащий другому или другим; не собственный, не свой; 2. Не связанный родственными отношениями; неродной // Не отечественный // Не являющийся для кого-л. родиной или местом, где он вырос, к которому привык; 3. Не состоящий в близких отношениях с кем-л.; посторонний. // разг. Неизвестный, незнакомый; 4. перен. Далекий по духу, внутренне чуждый для кого-л., чего-л.; такой с которым нет подлинной близости; 5. перен. Отчужденный, отрешенный; чуждый[3].

Первое значение основывается на категории принадлежности, праве владения, второе идентифицирует степень кровного родства и соотнесенность с местом рождения, третье значение – готовность к познанию, знакомству. Четвертое и пятое значения описывают духовную дистанцию, неготовность или нежелание к сближению.

Таким образом, с течением времени можно наблюдать изменение аксиологического параметра лексемы «чужой»: в системе русского языка нейтральная коннотация (не свой, отчужденный) преобладает в большинстве контекстов над негативной (враждебный, иноплеменный) или полностью ее исключает.

В немецком языке понятием «чужесть» / «Fremdheit» обозначается определенная форма различия, будь то отчуждение (Entfremdung) по отношению к собственной личности, своей группе, культуре и обществу, или в смысле чужести по отношению к другим субъектам и их соответствующему образу жизни. Чужесть может быть понята только реляционно, причем чужое обычно представляет собой отрицательно коннотированную или, по крайней мере, проблематизированную сторону асимметричной пары противоположных начал. Чужесть не имеет четкого определения, а скорее, напоминает семантический узел различных, ассоциативно взаимосвязанных уровней смысла [9]. Чужое объединяет в себе признаки другого, неизвестного, неуместного, непонятного, интригующего и экзотического, а также странного по сравнению с привычным, т. е. чужесть сопровождается кризисами классификации. Не столько сама чужесть, сколько отношение «чужого» и «своего» порождает амбивалентность, которая не поддается однозначному упорядочиванию [10].

Обратимся к этимологии лексемы *fremd / чужой.* В основе немецкого прилагательного «fremd» в значении «родом из-за границы, не родной, не принадлежащий, неизвестный» лежит древневерхненемецкое *frum, fram*, закрепившееся позднее в английском языке как предлог «from» (далеко отсюда, впереди, вдали). Историческая трансформации формы слова выглядит следующим образом: древневерхненемецкое *fremidi* (VIII. в.) → средневерхненемецкое (далее СВН) *vremede, vremde, vröm(e)de* → древнесаксонское fremiði → готское framaþeis → утраченное в нововерхненемецком fram (древневерхненем. VIII в.), т. о., первоначальное значение слова, предположительно, «далекий, дальний[4]».

Одним из самых значимых толковых словарей в истории немецкого языка был словарь братьев Гримм, который издавался с середины XIX в., – Grimm Deutsches Wörterbuch. В нем представлено широкое множество значений лексемы «fremd», в том числе из памятников немецкой

[1] Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: ruscorpora.ru (дата обращения 20.02.2024).

[2] Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : АСТ; Астрель, 2003. 681 с.

[3] Современный толковый словарь русского языка : в 3-х т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М. : АСТ; Астрель, 2006. 890 с.

[4] Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. Available at: https://www.dwds.de/wb/fremd (accessed 20.02.2024).

письменности (начиная с XII в.), не все из которых сохранились в современном немецком языке. Сравним:

Fremd – 1. fremd, peregrinus, extraneus. Unter fremde Leute kommen, domo exire, ins Ausland gehen; 2. fremde Götter, ausländische, gegenüber den alten heimischen. Reuchert dem Baal und folget frembden Göttern nach, die ir nicht kennet. 3. fremde Könige und Völker: die Deutschen litten keinen fremden König über sich, wollten nur eingeborne; 4. fremd, alienus, der nicht eigen, nicht angehörig ist. Fremde Kinder, Männer, Weiber, Brüder, Knechte; 5. vielfache Anwendung auf andere Dinge und Zustände: er schrieb sogar ein trauerspiel, worin er alle seine zartesten und bittersten gefühle mit nassen augen auf fremde lippen legte; 6. aus 1) erwächst die abstraction befremdend, befremdlich, seltsam, wunderbar, unerhört (из первого значения – «иностранный» – происходит абстрактное значение «отчужденный, чуждый, редкий, чудесный, неслыханный»): ich will euch frömde mär sagen (я хочу рассказать вам неслыханную (удивительную) сказку). Отсюда «'fremd thun' ist gleichfalls verwundert thun» (производить впечатление чужого – то же самое, что удивлять). Здесь же приводятся конструкции 'es ist mir fremd', ich habe nicht, entbehre, es liegt mir fern, ich denke nicht daran (это мне незнакомо… это далеко от меня); da was verwundert und befremdet oft auch als neu erscheint, so verknüpfen sich fremd und neu (… чужое (незнакомое) и новое связаны между собой).

В целом хотелось бы обратить внимание, что в словаре братьев Гримм прослеживается связь чужести с признаками удаленности и новизны. Однако со временем отдельные значения изменились либо утратились. В частности, в лексикографических источниках современного немецкого языка не представлено пятое значение, в рамках которого лексема «fremd» выражает значение многократной повторяемости по отношению к другим (чужим) состояниям и явлениям, в приведенном нами примере *er schrieb sogar ein trauerspiel, worin er alle seine zartesten und bittersten gefühle mit nassen augen auf fremde lippen legte* выражение *auf fremde lippen* предполагает, что мысли и чувства автора пьесы многократно повторяют чужие губы. В рамках шестого значения можно говорить об определенных семантических преобразованиях: признаки «новый, незнакомый, странный, редкий» сохраняются в семантике лексемы *fremd* и в современном немецком языке, однако признаки «удивительный, неслыханный, чудесный» не эксплицированы.

Обратимся к рассмотрению словарных дефиниций «fremd» в лексикографических источниках XX и XXI вв.

В семантической структуре лексемы «fremd» можно выделить четыре значения, которые варьируются в зависимости от ракурса восприятия ввиду абсолютной относительности категории «чужесть». В таблице приведены значения анализируемой лексемы и объект сравнения.

Табл. / Table

Нем. «чужой» / Germ. “foreign”	**Ориентир, точка сравнения / Reference point**	**Основание сравнения / Comparison basis**
1. *fremd* в значении «не отсюда, не относящийся к группе»	страна, народ, место, город, семья	происходящий из, родом из, относящийся к
2. *fremd* в значении «принадлежащий»	кому-то, группе людей, отдельному лицу	обладающий чем-то
3. *fremd* в значении «незнакомый»	я, мы, кто-то	привычный; тот, кому можно доверять
4. *fremd* в значении «не соответствующий норме»	традиция, канон, правило	странный, редкий

Данное положение подтверждают словарные дефиниции «fremd», представленные ниже:

Klappenbach / Steinitz: Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (1984 – 1977)

Fremd – 1. einem anderen Land, Volk, Ort, einer anderen Gegend angehörend, aus einem anderen Land, Volk, Ort stammend; 2. nicht sein eigen: a) einem anderen gehörend, einen anderen angehend; b) unter fremden (angenommenem) Namen schreiben; 3. nicht bekannt, nicht vertraut; 4. nicht zu etw., jmdm. passend, nicht in etwas gehörig[1].

Duden (1993 – 1995)

Fremd – 1. nicht dem eigenen Land oder Volk angehörend, von anderer Herkunft; 2. einem anderen gehörend, nicht die eigene Person, den eigenen

[1] Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (WDG) / Klappenbach R., Steinitz W. Akademie-Verlag, 1967. 4579 s.

Besitz betreffend; 3. unbekannt, nicht vertraut; 4. ungewohnt, nicht zu der Vorstellung, die man von jmdm., etw. hat, passend; andersgeartet[1].

DWDS (акт. 2004–2009)

Fremd – 1. einem anderen Land, Volk, Ort, einer anderen Gegend angehörend, aus einem anderen Land, Volk, Ort, einer anderen Gegend stammend; 2. nicht sein eigen; 3. nicht bekannt; 4. nicht zu etw., jmdm. passend, nicht in etw. gehörig[2].

В современном немецком языке лексема *fremd* имеет большое количество производных, относящихся к разным частям речи: Fremder m. / иностранец, Fremdling m. / чужестранец, пришелец; Fremde f. / чужбина; гл. befremden / неприятно касаться, казаться чужим; гл. entfremden / делать чужим, отчуждать; прил. befremdlich / удивительно, поразительно о чем-то неприятном и др.

К числу синонимов fremd можно отнести 25 лексических единиц, как языковых, так и контекстуальных аналогов, выражающих пространственное несовпадение, дистанцию (auswärtig, ausländisch, fremdländisch, migrantisch, nicht von hier, nicht aus der Gegend, von außerhalb, von auswärts, fernstehend, устар. ausheimisch), непривычность (unbekannt, unvertraut, wildfremd, ungewohnt), инаковость (andersartig, exotisch).

Приведенные данные показывают, что, несмотря на расширение коннотаций, базовые семантические признаки лексемы «fremd» определяются категориями локальности (пространства) и персональности (лица). То, что находится далеко и, следовательно, не принадлежит тебе, может быть незнакомым, может даже восприниматься как странное или отклоняющееся от привычного, нормального. То, что эти значения сосуществуют параллельно, очевидно из того факта, что чужое как не свое необязательно должно быть незнакомым или даже неизвестным и что, с другой стороны, неизвестное, незнакомое также может быть названо чужим, если оно является своим собственным.

Заключение

Мышление в противоположностях является неотъемлемой чертой человеческого познания и, следовательно, основой лексической организации всех языков. Оппозиция «свой – чужой» составляет логику интерпретации лингвокультурной категории «чужесть» в русском и немецком языках. Обращение к лексикографическим источникам позволило описать семантическое поле «чужой» / «fremd» в русском и немецком языках и выделить ключевые признаки субъекта / объекта, определяющие его принадлежность к категории «чужесть»:

1. Локальный признак. Чужой как нездешний / auswärtig, иностранный / ausländisch, далекий / fern.

2. Притяжательный признак. Чужой как не принадлежащий к чему-то / nicht gehörig, не собственный / nicht eigen, не родной / nicht heimisch.

3. Эпистемический признак. Чужой как иной / andersartig, непривычный / ungewohnt, незнакомый / unbekannt, новый / neu, далекий по духу / blutfremd.

4. Нормативный признак. Чужой как не соответствующий норме /unnormal, abnorm, не поддающийся сравнению / unvergleichlich, странный / merkwürdig, seltsam.

5. Эмоционально-флуктуирующий признак. Чужой в значении «чудной, диковинный / andersgeartet», удивительный / bewunderlich).

Для русской лингвокультуры ключевыми при определении «чужого» выступают притяжательный, эпистемический и нормативный признаки, коннотация значений варьируется от нейтральной до умеренно-положительной (чужой как незнакомый, новый, непривычный). В немецком языке большее значение приобретает указание на место, пространство (чужой как далекий, нездешний), которое выражается в локальном признаке. Эмоционально-флуктуирующий признак сохраняет свою актуальность в малом числе контекстов как русского, так и немецкого языков.

Лингвокультурная категория «чужесть» представляет собой форму познания и отношения к действительности, которая характеризуется высокой степенью относительности, ситуативной обусловленностью и актуальностью исследования в современной действительности.

[1] Duden “Das große Wörterbuch der deutschen Sprache”: in acht Bänden. Bd. 1. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1993–1995.

[2] Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. Available at: https://www.dwds.de/wb/fremd (accessed 20.02.2024).

1. Краснобаева-Чёрная Ж. В. Пространственный код культуры ценностной картины мира (на материале русской, украинской, английской и немецкой фразеологии) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 169–180. DOI: https://doi.org/10.17223/18137083/65/16

2. Свинкина М. Ю. Чужесть как лингвокультурная категория // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2 (57). С. 338–341. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25935113 (дата обращения: 20.02.2024).

3. Иванова О. А. Лингвокультурная идентификация понятия «der Fremde» – «чужой» в материалах СМИ Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 11 (827). С. 178–189. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41538912 (дата обращения: 01.02.2024).

4. Müller-Funk W. Theorien des Fremden: Eine Einführung. Tübingen : A. Francke Verlag, 2016. 384 s.

5. Пигалев А. И. Свое и чужое в контексте философии позднего Хайдеггера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 2. С. 406–420. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-406-420

6. Simmel G. Brücke und Tür. Essays des Philosophen zur Geschichte, Religion, Kunst und Gesellschaft. Stuttgart : Koehler, 1957. 281 s.

7. Münkler H., Ladwig B. Dimensionen der Fremdheit. In. Furcht und Faszination. Facetten der Fremdheit. Berlin : Akademie Verlag, 1997. S. 11–44.

8. Бурдун С. В. Лексико-семантические основы концептуализации понятия «чужой» в русской языковой картине мира: динамика и статика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 3. С. 193–197. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.39

9. Polzin-Haumann C., Reissner Ch. Annäherung an die Fremdheit: Sprachgrenzen überwinden // Sprachliche Dimensionen der Fremdheit und Andersartigkeit / I. Wowro, M. Jakosz, R. Kozieł. Frankfurt am Main : Peter Lang. S. 29–43. DOI: http://dx.doi.org/10.22028/D291-28139

10. Schneider Ch. Die Fremden, Fremdheit und Entfremdung // Soziale Arbeit in der Migrationsgesellschaft / B. Blank et al. (Hrsg.), Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2018. Pp. 233–242. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-19540-3_19

Статья поступила в редакцию 03.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.07.2024 г.; принята к публикации 21.08.2024 г.

Об авторе

Фадеева Марина Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет (400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5378-8848, *fadeeva@volsu.ru*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Krasnobaeva-Chernaya Zh. V. Prostranstvennyi kod kul'tury tsennostnoi kartiny mira (na materiale russkoi, ukrainskoi, angliiskoi i nemetskoi frazeologii) [The spatial code of the culture of the axiological world's image (Based on Russian, Ukrainian, English and German phraseology)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2018, no. 4, pp. 169–180. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.17223/18137083/65/16

2. Svinkina M. Yu. Chuzhest' kak lingvokul'turnaya kategoriya [Foreignness as a linguoculturology category]. M*ir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = World of science, culture and education, 2016, no. 2 (57), pp. 338–341. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25935113 (accessed 20.02.2024).

3. Ivanova O. A. Lingvokul'turnaya identifikatsiya ponyatiya "der Fremde" – "chuzhoi" v materialakh SMI Germanii [Linguistic and cultural identification of the notion "der Fremde" – "alien" in the German media]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2019, no. 11 (827), pp. 178–189. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41538912 (accessed 01.02.2024).

4. Müller-Funk W. Theorien des Fremden: Eine Einführung [Theories of the Stranger: An Introduction]. Tübingen, A. Francke Verlag, 2016, 384 s. (in Germ.)

5. Pigalev A. I. Svoe i chuzhoe v kontekste filosofii pozdnego Khaideggera [One's Own and Foreign in Context of Later Heidegger's Philosophy]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* = RUDN Journal of Philosophy, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 406–420. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-406-420

6. Simmel G. Brücke und Tür. Essays des Philosophen zur Geschichte, Religion, Kunst und Gesellschaft [Bridge and door. Essays by the philosopher on history, religion, art and society]. Stuttgart, Koehler, 1957, 281 s. (In. Germ.)

7. Münkler H., Ladwig B. Dimensionen der Fremdheit. In. Furcht und Faszination. Facetten der Fremdheit [Dimensions of strangeness. In. Fear and fascination. Facets of strangeness]. Berlin, Akademie Verlag, 1997, s. 11–44. (In Germ.)

8. Burdun S. V. Leksiko-semanticheskie osnovy kontseptualizatsii ponyatiya «chuzhoi» v russkoi yazykovoi kartine mira: dinamika i statika [Lexico-semantic foundations for conceptualization of the notion “чужой (outsider)” in the Russian linguistic worldview: dynamics and statics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice, 2019, no. 3, pp. 193–197. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.39

9. Polzin-Haumann C., Reissner Ch. Annäherung an die Fremdheit: Sprachgrenzen überwinden [Approaching foreignness: Overcoming linguistic boundaries]. *Sprachliche Dimensionen der Fremdheit und Andersartigkeit* = Linguistic dimensions of foreignness and otherness, I. Wowro, M. Jakosz, R. Kozieł Frankfurt am Main , Peter Lang, s. 29–43. (In Germ.). DOI: http://dx.doi.org/10.22028/D291-28139

10. Schneider Ch. Die Fremden, Fremdheit und Entfremdung [The strangers, foreignness and alienation]. *Soziale Arbeit in der Migrationsgesellschaft* = Social work in the migration society, B. Blank et al. (Hrsg.), Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2018, pp. 233–242. (In Germ.). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-19540-3_19

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 21.08.2024.

About the author

Marina Yu. Fadeeva
Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University (100 Prosp. Universitetsky, Volgograd 400062, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5378-8848, *fadeeva@volsu.ru*

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 811.511.131
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-420-425

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНВЕРСИИ В УДМУРТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Л. М. Чернышева

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация

Аннотация. ***Введение.*** Статья посвящена выявлению экспрессивного потенциала инверсии в удмуртской публицистике. Представляя собой одну из наименее исследованных областей удмуртской филологии, изучение данного вопроса востребовано для разработки теоретических вопросов стилистики пермских языков, написания учебно-методических пособий по синтаксису и стилистике удмуртского языка, а также для проведения междисциплинарных исследований, в том числе в рамках изучения проблем эмоционального интеллекта. ***Целью*** статьи является выявление экспрессивного потенциала инверсии в современном удмуртском языке. ***Материалами исследования*** послужили тексты публицистического характера, опубликованные на страницах республиканской газеты «Удмурт дунне» (букв. «Удмуртский мир») за 2020–2023 годы. Для реализации поставленной цели использованы следующие ***методы:*** описательно-аналитический, контекстуальный, метод сплошной выборки и функционального анализа. ***Результаты исследования, обсуждения.*** Активное употребление инверсии в современной удмуртской публицистике обусловлено стремлением автора к усилению экспрессивности текста. Экспрессивный потенциал инверсии отражается в возможности адресата акцентировать внимание реципиента на более значимом отрезке текста или предложения, оказывать воздействие, передавать определенную ритмичность, выразительность и эмоциональность, создавать эффект неожиданности, улучшать информативность и интерпретацию реципиентом статьи, отражая тем самым субъективное отношение к излагаемому материалу. ***Заключение.*** Инверсия в удмуртской публицистике может служить средством для выполнения различных интенций автора, что отражает наличие большого экспрессивного потенциала данного стилистического приема. Использование инверсии в тексте позволяет реализовать основные функции публицистического стиля.

Ключевые слова: инверсия, публицистический стиль, экспрессивность, синтаксис, удмуртский язык

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Чернышева Л. М.* Экспрессивный потенциал инверсии в удмуртской публицистике // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 420–425. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-420-425

THE EXPRESSIVE POTENTIAL OF INVERSION IN UDMURT MEDIA

L. M. Chernysheva

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Abstract. ***Introduction.*** The article is devoted to the identification of the expressive potential of inversion in Udmurt journalism. Representing one of the least studied areas of Udmurt philology, the study of this issue is in demand for the development of theoretical issues of the stylistics of the Permian languages, writing teaching aids on the syntax and stylistics of the Udmurt language, as well as for conducting interdisciplinary research, including in the framework of studying the problems of emotional intelligence. ***The purpose*** of the article is to identify the expressive potential of inversion in the modern Udmurt language. ***The research materials*** were journalistic texts published on the pages of the republican newspaper Udmurt Dunne (2020–2023). To achieve this goal, the following ***methods*** were used: descriptive-analytical, contextual, continuous sampling and functional analysis. ***The results of the research, discussion.*** The active use of inversion in modern Udmurt media is due to the author's desire to enhance the expressiveness of the text. The expressive potential of inversion is reflected in the addressee's ability to focus the recipient's attention on a more significant section of a text or sentence, to exert influence, convey a certain rhythm, expressiveness and emotionality, create an effect of surprise, improve the information content and interpretation of the recipient of the article, thereby reflecting a subjective attitude to the material being presented. ***Conclusion.*** Inversion in Udmurt media can serve as a means to fulfill various intentions of the author, which reflects the presence of a large expressive potential of this stylistic device. The use of inversion in the text allows you to implement the main functions of the journalistic style.

© Чернышева Л. М., 2024

Keywords: inversion, journalistic style, expressivity, syntax, Udmurt language

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Chernysheva L. M.* The expressive potential of inversion in Udmurt media. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 420–425. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-420-425

Введение

Инверсия как лингвистическое явление в удмуртском языкознании до сих пор не являлась предметом специальных научных изысканий. Между тем изучение данного вопроса представляется актуальным для исследования многих аспектов стилистики. Кроме того, его результаты востребованы для создания учебно-методических пособий, преподавания синтаксиса и стилистики удмуртского языка.

Особую актуальность приобретает изучение инверсии как лингвистического явления в рамках экспрессивного синтаксиса, поскольку порядок слов напрямую влияет на актуальное выделение компонента высказывания, эмоционально-экспрессивное насыщение текста.

С учетом вышесказанного основной **целью** данной статьи является выявление экспрессивного потенциала инверсии в современном удмуртском языке.

Материалами исследования послужили тексты публицистического характера, опубликованные на страницах республиканской газеты «Удмурт дунне» (букв. «Удмуртский мир») за 2020–2023 годы.

Методологическую базу исследования составили следующие методы: описательно-аналитический метод употреблялся для описания и анализа экспрессивного потенциала инверсии, метод сплошной выборки использовался при работе с текстами, контекстуальный метод служил для рассмотрения инверсии в контексте предложения и текста или других стилистических фигур, метод функционального анализа применялся для рассмотрения функциональных возможностей инверсии в публицистическом стиле.

Результаты исследования, обсуждения

В истории развития удмуртской лингвистики вопрос порядка слов поднимается начиная с середины прошлого столетия. Это были исследования, в которых изучение инверсии носило сопутствующий характер. Так, в работе М. Н. Булычева «Порядок слов в удмуртском простом предложении» инверсия определяется как отклонение от нормального порядка слов [1, с. 12]. Ученый обращает внимание на актуализирующий потенциал инверсии в предложении, позволяющий выделить конкретную информацию.

Близкое определение предлагается Р. И. Яшиной, которая дает следующее толкование исследуемому явлению: «Инверсия – предложениын кылъёслэн но кыл сочетаниослэн мукет сямен радъяськемзы – кутйськe кыче ке кылъёсты логически кужмогес веран вылысь, кылбурлэсь но кырӟанлэсь пуштроссэс муромытон вылысь» [2, с. 72]. ‘Инверсия – иное расположение слов и словосочетаний в предложении – употребляется для логического выделения каких-либо слов, углубления содержания стихотворения и песни’. Автор делает вывод, что для поэтических жанров в удмуртском языке характерен относительно свободный словопорядок [3, с. 63; 4, с. 45]. Однако инверсия может активно использоваться также в художественных прозаических произведениях, в текстах публицистического и разговорного стиля, переводах [5, с. 110; 6, с. 86–87]. Последние, по мнению С. В. Едыгаровой, в большей степени определяются экстралингвистическими факторами: «Sometimes their translations looked like a complete calque from Russian <…> [7, с. 113]. ‘Иногда их переводы выглядели как полная калька с русского’.

Учитывая вышеперечисленные определения, можно сделать вывод о том, что при изучении инверсии базовым становится такое понятие, как «нейтральная конструкция», соответствующая традиционному словопорядку в предложении.

В качестве нейтральной конструкции в рамках данного исследования можно рассматривать традиционный для удмуртского языка прямой порядок слов, где группа подлежащего предшествует группе сказуемого [5, с. 108–109; 6, с. 86].

Однако в исследованиях последних десятилетий все чаще звучит идея о наличии трансформационных процессов в системе исследуемого языка. Так, венгерский исследователь Э. Асталош отмечает наличие двух нейтральных конструкций в современном удмуртском языке: SOV и SVO [8, с. 16], а возникновение второго типа словопорядка объясняет влиянием русского языка [9, с. 253]. С точки зрения С. В. Едыгаровой, помимо влияния других языков на словопорядок в удмуртском языке, в качестве причины отклонения от нейтральной конструкции можно также рассматривать изменение «информационной культуры в целом» [10, с. 96].

В данной статье, несмотря на наличие гипотезы о функционировании двух типов нейтральных конструкций в системе современного удмуртского языка, в качестве нейтрального словопорядка мы рассматриваем традиционную SOV-конструкцию.

Проанализировав тексты общественно-политического характера, опубликованные на страницах республиканской газеты «Удмурт дунне» за 2020–2023 годы, мы выявили следующие функции использования инверсии.

1. При наличии в предложении группы однородных членов инверсия может выполнять функции синтаксической компрессии, когда сказуемое с традиционной конечной позиции перемещается к подлежащему. Эту же функцию ряд исследователей рассматривает как случаи облегчения восприятия информации [1, с. 46; 11, с. 37 и др.]. Рассмотрим пример, в котором проявляется способность инверсии оптимизировать восприятие информации: *Съёмкаос ортчизы Дэри, Пичи Пурга, Юкаменск, Балезино, Сарапул ёросъёсын*[1]. ‘Съемки прошли в Завьяловском, Малопургинском, Юкаменском, Балезинском, Сарапульском районах’. В данном примере глагол-сказуемое сместился к подлежащему, чтобы не быть разделенным длинным списком однородных членов, выражающих пространственные отношения.

2. Инверсия зачастую может быть использована автором публицистического текста с целью акцентирования внимания на наиболее значимой лексеме или фразе с наибольшей смысловой нагрузкой в предложении. Рассмотрим пример: *Визьмо, усто кадръёсты быръёнлы сїземын «Огъя Россия» партилэн мукетыз но проектэз – «ПолитСтартап»*[2]. ‘Выбору умных, умелых кадров посвящен также другой проект «Единой России» – «ПолитСтартап»’. Конечная позиция подлежащего позволяет автору обратить внимание читателя на название проекта. Помимо этого, название пунктуационно разграничено с основной частью предложения, что способствует усилению степени акцентуализации. К подробному описанию сфокусированного объекта в своих исследованиях обращается Э. Асталош, отмечая возможность фокусировки в разных позициях удмуртского предложения в связи с постепенным переходом традиционной SOV-конструкции в SVO [8, с. 15, 51; 12, с. 117].

3. Акцентуализация и информативность инверсии тесно связаны с воздействующей функцией публицистического стиля. Выделение наиболее значимой лексемы или ключевого фрагмента в предложении может быть использовано автором в целях привлечения внимания читателя, создания интриги, что способствует усилению прагматического воздействия. Данная функция чаще всего реализуется в заголовках публицистических текстов: *Малэсь бӧрдэ устоез кивалтїсь*[3]. ‘Отчего плачет самый искусный руководитель’. Здесь автор стремится создать определенную интригу с целью побудить реципиента обратиться к чтению статьи для удовлетворения любопытства.

4. Инверсия может быть включена в текст с целью ритмической организации. Так, в монотонное повествование возможно добавить предложение с иным порядком слов, что способствует повышению выразительности в потоке нейтрально организованных предложений, выделяя инверсированную часть. *Ӵапак 12-тӥ декабре 30 ар талэсь азьло Россилэн Конституциез кутэмын вал. Нош 29 ар талэсь азьло 7-тӥ декабре кутэмын вал Удмуртилэн Конституциез*[4]. ‘Как раз 12-ого декабря 30 лет назад была принята Конституция России. А 29 лет назад 7-ого декабря была принята Конституция Удмуртии’. Второе предложение акцентирует внимание на принятии Удмуртской Конституции.

[1] Скворцова Е. Данэ поттӥз «Дуно куно» // Удмурт дунне. 2023. № 49. С. 1.

[2] Захаров С. Устооссэ быръёз калык // Удмурт дунне. 2022. № 9. С. 3.

[3] Снигирева А. Малэсь бӧрдэ устоез кивалтїсь // Удмурт дунне. 2020. № 44. С. 1.

[4] Скворцова Е. Азинскон сярысь малпаськон // Удмурт дунне. 2023. № 49. С. 4.

Постпозиция подлежащего во втором предложении не только позволяет автору выделить ключевую идею предложения, но также дает возможность придать тексту новое звучание, что способствует обогащению публицистического текста особой ритмичностью.

Выделение в общем потоке слов может реализовываться не только посредством различного строения отдельных предложений, но также в различии конструкций элементов в рамках одного предложения. *Казаньын улэм К. Амировлэн Алнаш ёросэн туэ шунытэсь кусыпъёсыз вал, со редакциын фотокорреспондентын ужаз,* ***улӥз Голюшурмаын,*** *«Здравствуйте односельчане» книгазэ поттӥз*[1]. ‘У жившего в Казани К. Амирова нынче были теплые отношения с Алнашским районом, он работал в редакции фотокорреспондентом, жил в Голюшурме, издал книгу «Здравствуйте односельчане»’. В данном сложном предложении выделяется однородный ряд с инверсированным сказуемым. Традиционный глагол оказывается в препозиции по отношению к обстоятельству места. Таким образом инверсия, благодаря ритмической организации текста, образует необходимый фон восприятия информации.

5. В некоторых случаях инверсия на страницах газет способствует передаче эффекта неожиданности или нарушения ожидания: *Гурын пыже… чыртывесь*[2]. ‘В печке печется… ожерелье’. Вместо привычного выпекания в печке табаней, перепечей или других блюд, здесь в печке оказывается украшение, что способствует пробуждению любопытства читателя, побуждая его обратиться к чтению статьи.

6. Инверсия в некоторых случаях служит для усиления эмоциональности публицистического текста: радости, восхищения, грусти, разочарования и т. д. Эмоциональность способствует передаче реципиенту аналогичного отношения к предоставляемой информации, изображаемым событиям. Рассмотрим некоторые примеры:

а) *Макем ческыт кошке кыстыбей, уката ик ачид пӧраськод ке*[3]. ‘Каким же вкусным бывает кыстыбей, особенно если готовишь сам’. В данном примере инверсия способствует усилению восхищения кыстыбеем (национальное блюдо – Л. Ч.).

б) *Матэктэ бадзым ву*[4]. ‘Приближается большая вода’. Здесь инверсированный словопорядок отражает настороженность, угрозу.

в) *Асьмелэн вань таӵе нуналмы!*[5] ‘У нас есть такой день!’. В данном примере выражаются гордость и радость за наличие определенного особенного дня у удмуртов. Помимо инверсии здесь наблюдается еще одно средство экспрессивного синтаксиса: риторическое восклицание. Сочетания различных выразительных средств на определенном отрезке текста образуют стилистическую конвергенцию.

В стилистической конвергенции выразительные средства разных уровней способствуют наиболее яркой передаче экспрессивных возможностей текста, усиливая стилистический потенциал друг друга. Рассмотрим пример: *Семьяосы вуэ «Удмурт дунне» но, «Ӟечбур!» но, «Кенеш» но, «Кизили» но*[6]. ‘В семьи приходят и «Удмурт дунне», и «Ӟечбур», и «Кенеш», и «Кизили»’. Инверсированные подлежащие образуют ряд однородных членов с повторяющимся сочинительным союзом «но». Это способствует образованию многосоюзия, синтаксического параллелизма (в особенности тождественна структура последних трех однородных членов). Данные стилистические средства экспрессивного синтаксиса совместно участвуют в создании определенной ритмики в тексте, способствуют акцентированию внимания на каждом подлежащем, что подчеркивает важность элементов из перечислительного ряда.

Стоит отметить, что вышеперечисленные характеристики также могут передавать публицистическому тексту элементы субъективности, выражая отношение автора к излагаемому материалу, и элементы объективности, проявляющиеся в некоторых предложениях в одобрении или неодобрении излагаемой ситуации, а также могут маркировать такими характеристиками, как разговорность, непосредственность, улучшая тем самым интерпретацию информации.

---

[1] Семенова Г. «Колхозниклэсь» уг возьдаськo – данъяськo // Удмурт дунне. 2021. № 30. С. 8.

[2] Седова Н. Гурын пыже… чыртывесь // Удмурт дунне. 2023. № 13. С. 16.

[3] Скворцова Е. Кыстыбей пӧратэк, Выль уг вуы // Удмурт дунне. 2021. № 30. С. 1.

[4] Емельянова В. Матэктэ бадзым ву // Удмурт дунне. 2021. № 14. С. 1.

[5] Скворцова Е. Асьмелэн вань таӵе нуналмы! // Удмурт дунне. 2020. № 44. С. 5.

[6] Скворцова Е. Кыстыбей пӧратэк, Выль уг вуы // Удмурт дунне. 2021. № 30. С. 1.

Заключение

Таким образом, инверсия в публицистическом стиле становится своеобразным способом усиления экспрессивных возможностей текста. Экспрессивность усиливается за счет: 1) оптимизации восприятия информации; 2) акцентирования внимания читателя на наиболее значимых единицах предложения, 3) реализации воздействующей функции, 4) ритмической организации, 5) создания эффекта неожиданности или нарушения ожидания, 6) выражения эмоционального состояния в тексте. При этом потенциал инверсии может быть усилен посредством включения в предложение других стилистических средств, что способствует интенсификации экспрессивности в тексте.

Для публицистического стиля характерны жанровые особенности, поэтому указанные средства создания экспрессивности играют важную роль для привлечения внимания читателя, и активно используются современными авторами.

1. Булычев М. Н. Порядок слов в удмуртском простом предложении. Ижевск : Удмуртгосиздат, 1947. 85 с. URL: clck.ru/3DLqLu (дата обращения: 30.05.2024).

2. Яшина Р. И. Удмурт стилистикая очеркъёс. Ижевск : Удмуртия, 1990. 143 с. URL: https://elibrary.unatlib.ru/items/0fa643c9-6f7b-4de5-b051-57ac7a8d0f8d?ysclid=m165s9pbjc830348135 (дата обращения: 17.09.2024).

3. Шутов А. Ф. Кудйзлэн кытын интыез // Молот. 1988. № 11. С. 62–63. URL: https://elibrary.unatlib.ru/collections/280b1cc5-9ad8-4db4-99bd-5bda0fce226f (дата обращения: 30.05.2024).

4. Булычева Е. А., Никифорова О. П. Порядок слов в языке удмуртской поэзии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 4. С. 42–49. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-slov-v-yazyke-udmurtskoy-poezii (дата обращения: 30.05.2024).

5. Гаврилова Т. Г. Порядок слов в удмуртском простом предложении // Записки УдНИИ. 1970. Вып. 21. С. 107–118. URL: https://eanbur.unatlib.ru/items/8a62eb2d-737f-4e0c-9471-6dfb7291034e (дата обращения: 30.05.2024).

6. Карпова Л. Л. Особенности порядка слов в удмуртской народно-разговорной речи (на материале северных диалектов) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. Т. 25. № 2. С. 85–91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-poryadka-slov-v-udmurtskoy-narodno-razgovornoy-rechi-na-materiale-severnyh-dialektov (дата обращения: 30.05.2024).

7. Edygarova S. The Udmurt language between 1920 and 1950 // Finnisch-ugrische Mitteilungen. 2022. No. 46. Pp. 91–139. URL: https://www.researchgate.net/publication/377402494_The_Udmurt_language_between_1920_and_1950 (дата обращения: 03.06.2024).

8. Asztalos E. Focus in Udmurt: Positions, Contrastivity, and Exhaustivity // Finno-Ugric Languages and Linguistics. 2020. Vol. 9. No. 1–2. Pp. 14–57. URL: https://full.btk.ppke.hu/index.php/FULL/article/view/88/94 (дата обращения: 03.06.2024).

9. Asztalos E. The expression of constituent negation in Udmurt: From scope-ambiguous to scope-transparent constructions // Acta Linguistica Academica. 2023. No. 70 (2). Pp. 248–283. DOI: https://doi.org/10.1556/2062.2023.00655

10. Едыгарова С. В. Порядок слов в удмуртском предложении и языковая идеология // LINGUISTIC TYPOLOGY 2: Проблемы лингвистической типологии и культурологии: сб. научных статей (Ижевск, 28 мая 2021 года) / отв. ред. Н. Н. Тимерханова. Ижевск : Удмуртский университет, 2021. С. 84–99. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47467515 (дата обращения: 30.05.2024).

11. Конюхова А. В. Предложениын обособленной второстепенной членъёс // Удмурт кылын морфология но синтаксис вопросъёс. 2-тй сборник. Ижевск : Удмуртгосиздат, 1941. С. 44–67. URL: https://elibrary.unatlib.ru/items/6e3f5e87-f577-410d-a3f5-0bef1157dca5 (дата обращения: 30.05.2024).

12. Asztalos E. Nem Szibériába mentem = Szibériába nem mentem? A konstituensszinten értelmezett tagadás az udmurt nyelvben // Nyelvelmélet és kontaktológia. 2022. Vol. 5. Pp. 115–151. URL: https://btk.ppke.hu/uploads/articles/2849446/file/8-2022-AsztalosE.pdf (дата обращения: 03.06.2024)

Статья поступила в редакцию 24.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 25.06.2024 г.; принята к публикации 29.08.2024 г.

Об авторе

Чернышева Лариса Михайловна
аспирант кафедры общего и финно-угорского языкознания, Удмуртский государственный университет (426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), ORCID: https://orcid.org/0009-0004-5628-8936, *larisa-chernysheva.98@mail.ru*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Bulychev M. N. Poryadok slov v udmurtskom prostom predlozhenii [The word order in the Udmurt simple sentence]. Izhevsk, Udmurtgosizdat Publ., 1947, 85 p. (In Russ.). Available at: clck.ru/3DLqLu (accessed 30.05.2024). (In Russ.).

2. Yashina R. I. Удмурт стилистикая очеркъёс [Udmurt stylistics sketch]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1990, 143 p. Available at: https://elibrary.unatlib.ru/items/0fa643c9-6f7b-4de5-b051-57ac7a8d0f8d?ysclid=m165s9pbjc830348135 (accessed 17.09.2024). (In Udm.).

3. Shutov A. F. Kudizljen kytyn intyez [Where is whose place]. *Molot* = Hammer, 1988, no. 11, pp. 62–63. Available at: https://elibrary.unatlib.ru/collections/280b1cc5-9ad8-4db4-99bd-5bda0fce226f (accessed 30.05.2024). (In Udm.).

4. Bulycheva E. A., Nikiforova O. P. Poryadok slov v yazyke udmurtskoi poezii [Word Order in the Language of Udmurt Poetry]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, no. 4, pp. 42–49. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-slov-v-yazyke-udmurtskoy-poezii (accessed 30.05.2024). (In Russ.).

5. Gavrilova T. G. Poryadok slov v udmurtskom prostom predlozhenii [The word order in the Udmurt simple sentence]. *Zapiski UdNII* = Notes of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, 1970, issue 21, pp. 107–118. Available at: https://eanbur.unatlib.ru/items/8a62eb2d-737f-4e0c-9471-6dfb7291034e (accessed 30.05.2024). (In Russ.).

6. Karpova L. L. Osobennosti poryadka slov v udmurtskoi narodno-razgovornoi rechi (na materiale severnykh dialektov) [Peculiarities of word order in the Udmurt local colloquial speech (on the material of northern dialects)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series, 2015, vol. 25, no. 2, pp. 85–91. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-poryadka-slov-v-udmurtskoy-narodno-razgovornoy-rechi-na-materiale-severnyh-dialektov (accessed 30.05.2024). (In Russ.).

7. Edygarova S. The Udmurt language between 1920 and 1950. *Finnisch-ugrische Mitteilungen,* 2022, no. 46, pp. 91–139. Available at: https://www.researchgate.net/publication/377402494_The_Udmurt_language_between_1920_and_1950 (accessed 03.06.2024). (In Eng.).

8. Asztalos E. Focus in Udmurt: Positions, Contrastivity, and Exhaustivity. *Finno-Ugric Languages and Linguistics*, 2020, vol. 9, no. 1–2, pp. 14–57. Available at: https://full.btk.ppke.hu/index.php/FULL/article/view/88/94 (accessed 03.06.2024). (In Eng.).

9. Asztalos E. The expression of constituent negation in Udmurt: From scope-ambiguous to scope-transparent constructions. *Acta Linguistica Academica*, 2023, no. 70 (2), pp. 248–283. (In Eng.). DOI: https://doi.org/10.1556/2062.2023.00655

10. Edygarova S. V. Poryadok slov v udmurtskom predlozhenii i yazykovaya ideologiya [Word order in the udmurt sentence and language ideology]. *LINGUISTIC TYPOLOGY 2: Problemy lingvisticheskoi tipologii i kul'turologii: sb. nauchnykh statei* = LINGUISTIC TYPOLOGY 2: Problems of linguistic typology and cultural studies: Collection of scientific articles, Izhevsk, May 28, 2021, Izhevsk, Udmurtskii universitet, 2021, pp. 84–99. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47467515 (accessed 30.05.2024). (In Russ.).

11. Konuhova A. V. Predlozheniyn obosoblennoj vtorostepennoj chlenjos [Features of the secondary parts of the sentence]. *Udmurt kylyn morfologija no sintaksis voprosjos. 2-ti sbornik* = Questions of morphology and syntax in the Udmurt language. 2nd collection, Izhevsk, Udmurtgosizdat Publ., 1941, pp. 44–67. Available at: https://elibrary.unatlib.ru/items/6e3f5e87-f577-410d-a3f5-0bef1157dca5 (accessed 30.05.2024). (In Udm.).

12. Asztalos E. Nem Szibériába mentem = Szibériába nem mentem? A konstituensszinten értelmezett tagadás az udmurt nyelvben [Asztalos E. I didn't go to Siberia = I didn't go to Siberia? Negation interpreted at the constituent level in the Udmurt language]. *Nyelvelmélet és kontaktológia = Linguistic theory and contactology*, 2022, vol. 5, pp. 115–151. Available at: https://btk.ppke.hu/uploads/articles/2849446/file/8-2022-AsztalosE.pdf (accessed 03.06.2024). (In Hungarian).

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 29.08.2024.

About the author

Larisa M. Chernysheva
Postgraduate student of the Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (1 Universitetskaya St., Izhevsk 426034, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0009-0004-5628-8936, *larisa-chernysheva.98@mail.ru*

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 5.9.1
DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-426-431

Жизнь и творчество Михаила Пришвина в художественном восприятии Владимира Солоухина

К. А. Якименко

Литературный институт им. Горького, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования в статье является анализ влияния идей писателя Михаила Пришвина на мировоззрение и творчество Владимира Солоухина. Автор, опираясь на творческое наследие Пришвина и Солоухина, обращает внимание на духовную близость двух крупных художников русской литературы, прослеживает отношение Владимира Солоухина к своему учителю Михаилу Пришвину, творческий диалог с которым продолжался на протяжении всего литературного пути Солоухина. ***Введение.*** Авторитет Михаила Пришвина был для Владимира Солоухина непоколебимым. Пришвин повлиял на литературную судьбу Солоухина, который, чувствуя острую близость с Пришвиным, всегда обращался к его произведениям и справедливо считал Пришвина не только самобытным писателем, но и своим главным учителем. ***Целью*** данного исследования является установление закономерности использования Солоухиным литературного опыта Михаила Пришвина, а также на примере художественного, публицистического и эпистолярного наследия Михаила Пришвина и Владимира Солоухина выявить особенности их творческого диалога. ***Объектом и материалами*** нашего исследования стали произведения Михаила Пришвина «Кладовая солнца», «Золотой луг», рассказы 1938–1953 годов, а также дневники Михаила Пришвина от 1905–1947 годов. Рассмотрев произведения Владимира Солоухина о Пришвине: «Очарованный странник», «Прекрасная Адыгене», «Трава», «Письма из Русского музея», мы, опираясь на биографический и сравнительно-сопоставительный методы с учетом компаративистского анализа, попытаемся установить художественные параллели в творчестве Владимира Солоухина и Михаила Пришвина. ***По результатам исследования*** можно сделать вывод о том, что Владимир Солоухин неоднократно обращался к творчеству Михаила Пришвина, часто ссылаясь на него в своих произведениях как на неоспоримый авторитет в литературном мире. Пришвин помог выработать Солоухину свой индивидуально-авторский стиль, а также сформировать у Владимира Солоухина стойкое скептическое отношение к прогрессу и новой реальности, которые, по мнению Михаила Пришвина, отбирают у человечества способность к душевному порыву, умению чувствовать и созидать. ***В заключении*** мы делаем вывод о том, что самая близкая и созвучная Владимиру Солоухину мысль Пришвина о гибельном влиянии прогресса на человека была рассмотрена в очерке Солоухина «Письма из Русского музея». Именно в этом произведении Владимир Солоухин наиболее близок к пониманию принципа художественной философии Михаила Пришвина о содружестве человека и природы. Солоухин вслед за Пришвиным говорит читателю о том, что гармоничное существование человека возможно только в соподчиненности с природой, потому что именно она способна спасти человеческую душу от разрушительности силы прогресса.

Ключевые слова: Пришвин, природа, прогресс, Солоухин, памятник, история, творчество, учитель, народ, культура

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Якименко К. А.* Жизнь и творчество Михаила Пришвина в художественном восприятии Владимира Солоухина // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 426–431. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-426-431

The life and work of M. M. Prishvin in the creation of Vladimir Soloukhin

K. A. Yakimenko

Literary institute named Maxim Gorky, Moscow, Russian Federation

Abstract. The subject of the research in the article is an analysis of the ideas of the writer Mikhail Prishvin on the worldview and creativity of Vladimir Soloukhin. The author, relying on the creative heritage of Prishvin and Soloukhin, paying attention to the spiritual closeness of two major figures of Russian literature, traces the attitude of Vladimir Soloukhin to his teacher Mikhail Prishvin, the dialogue with whom continued throughout Soloukhin's career. ***Introduction.*** The authority of Mikhail Prishvin was unshakable for Vladimir

© Якименко К. А., 2024

Soloukhin. Prishvin influenced the literary fate of Soloukhin, who, feeling an acute closeness with Mikhail Prishvin always turned to his works and rightly considered Prishvin his main teacher. ***Purpose.*** This study is to establish the pattern of Soloukhin's use of Prishvin's literary experience. And also, using the example of the artistic, journalistic and epistolary heritage of Mikhail Prishvin and Vladimir Soloukhin, to identify the features of their creative dialogue. ***The object and materials*** of our research are the works of Vladimir Soloukhin about Prishvin "The Enchanted Wanderer", "Beautiful Adygen", "Grass", "Letters from the Russian Museum", where, based on the biographical and historical-typological method, we will try to establish artistic parallels in the works of Vladimir Soloukhin and Mikhail Prishvin. ***According to the results*** of the study, it can be concluded that Vladimir Soloukhin repeatedly referred to the work of Mikhail Prishvin as a literary authority. Prishvin helped Soloukhin develop his own individual author's style, as well as to form in Vladimir Soloukhin a persistent skeptical attitude towards progress and new reality, which, according to Mikhail Prishvin, take away from humanity the ability to emotional impulse, the ability to feel and create. ***In conclusion*** we conclude that Prishvin's idea about the disastrous influence of progress on man was discussed most closely and consonant with Vladimir Soloukhin in the essay "Letters from the Russian Museum." It is in this work that Soloukhin summarizes all of Prishvin's arguments about modern man as a destructive and doomed personality, who can only be saved by closeness to nature. Thus, Soloukhin voices in his essay one of the most important philosophical postulates of the literary heritage of Mikhail Prishvin: the salvation of the human soul is possible through the revival of connections with nature.

Keywords: Prishvin, nature, progress, Soloukhin, monument, history, creativity, teacher, people, culture

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Yakimenko K. A.* The life and work of M. M. Prishvin in the creation of Vladimir Soloukhin. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 426–431. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-426-431

Мировоззренческая и духовная близость к Пришвину всегда сознавалась и ценилась Владимиром Солоухиным. Михаил Пришвин представлялся Солоухину большим и неординарным явлением в русской литературе. Именно Пришвин стал своеобразной константой для поэтики «солоухинского микрокосмоса» [1, с. 32]. Уже в самых ранних произведениях Солоухина, отмечает исследователь его творчества Марк Пушкевич, можно встретить упоминание о Михаиле Пришвине: «Пришвинский феномен экскурса в детские воспоминания наиболее близок Солоухину, например, в рассказе «Мед на хлебе» отчетливо видно, насколько симпатизирует Солоухин способности Пришвина несколькими штрихами создать атмосферу в произведении: «Что тут сказать? Пришвин, наверняка бы нарисовал своему читателю поляну с пением птиц, от которого сладко замирает сердце любого русского человека, который был ребенком!». Солоухин не случайно обращает внимание именно на эту особенность Пришвина – умение перенести человека в детские ощущения, так как сам Владимир Солоухин доверял своему внутреннему ребенку всю свою жизнь, ориентируясь на него, как на компас [1, с. 18]. На протяжении всего творческого пути в своих произведениях, особенно позднего периода, уже зрелый и состоявшийся в литературном мире писатель Солоухин обращается к Пришвину как к своеобразному собеседнику, иногда ведет с ним спор на страницах своих произведений, но чаще бывает ему созвучен. Ведь сам Владимир Солоухин, как и Пришвин, писал произведения, которые пронизаны большой любовью к своей родной земле. Именно с Владимирским краем, с его природой и детскими впечатлениями связаны все значимые для писателя вещи. Собственно говоря, природу Солоухин всегда рассматривает в связи с человеком, в отличие от Пришвина, которого часто упрекали в отсутствии в его произведениях человеческого присутствия. Но это далеко не так: Пришвин, напротив, обращает наше внимание на то, что именно человек может оценить и с благодарностью принимать природные богатства и пользоваться ими.

Конечно, Солоухин не всегда бывает солидарен с Пришвиным в своих произведениях, например, описывая в очерке «Трава» наблюдения за бабочками, он говорит своему читателю: «Не прав и еще раз не прав даже такой тонкий наблюдатель, как Пришвин. Не отцветая пахнет

любка сильнее всего, а в первые минуты цветения, когда в ночной темноте раскроет она каждый из своих фарфорово-белых цветочков (зеленоватых в лунном луче) и в неподвижном, облагороженном росой лесном воздухе возникает аромат особенный, какой-то нездешний, несвойственный нашим лесным полянам» [1]. Но чаще всего, конечно, Солоухин упоминает Пришвина как внимательного и тонкого наблюдателя, который умеет замечать мельчайшие оттенки природных явлений: «У настоящего художника всегда получается, что его творчество в совокупности – это целая страна, как бы географическое понятие, куда и вправду можно совершить путешествие. В этом смысле мы можем говорить о стране Михаила Шолохова с ее Донскими степями, самим Доном и казаками, живущими на Дону; можно говорить о стране Михаила Пришвина с ее лесами, охотничьими тропами, ручьями, проталинками и голосами птиц»[2]. Апофеозом любви к творчеству Пришвина нам видится статья Владимира Солоухина «Очарованный странник», которая строится, полностью опираясь на биографию Михаила Пришвина – от его первых литературных попыток до рассмотрения уже более позднего творчества. При всей лаконичности статьи по объему она занимает всего несколько страниц, это одно из «самых поэтических признаний писательского дара Пришвина в литературно-критическом пространстве» [2, с. 131]. Солоухин работал над этой статьей почти два года. И за это время, тщательно изучая каждый факт биографии Пришвина, Солоухин пришел к мнению, что именно удивительная воля случая во многом предопределила писательскую судьбу Михаила Михайловича. Мы можем убедиться, насколько прав Солоухин в отношении Пришвина, когда он говорит читателю о том, что не люди выбирают профессии, а именно профессии сами выбирают людей. Поездка Михаила Пришвина на север стала подтверждением Солоухинских наблюдений. Так как чувствительность молодого Пришвина была на редкость восприимчива к новым впечатлениям, то именно это путешествие в северные широты сделало из начинающего Пришвина большого и серьезного писателя. «Итогом этой поездки стала первая и едва ли не лучшая из пришвинских книг – «В краю непуганых птиц», фактически узаконивавшая его положение в литературе и ставшая настоящим дебютом» [3, с. 22]. А дальше, как считает Солоухин, литературный мир принял в свои ряды не просто гениального российского писателя, «но писателя мирового уровня, с российских характером»[3]. Пришвинское мировоззрение строится на искренней любви к родному краю, поэтому «от путешествий в дальние страны Пришвин как бы переходит к путешествию в природу, оставаясь человеком, стремящимся прежде всего постичь суть жизни»[4]. Солоухину очень важно в статье показать отличие Пришвина от других писателей. Для этого он сравнивает Тургенева, Паустовского и Пришвина, так как Солоухину кажется, что именно они наиболее близкие к природе писатели. Анализируя особенности языковой поэтики, Солоухин говорит, что манера повествования Пришвина наиболее музыкальная и напевная. Он отмечает неторопливость, удивительную точность в воспроизведении запахов, ароматов и атмосферы, в отличие от Паустовского, который очень точен в своих оборотах и не тяготеет к длительным описаниям природных явлений. А о Тургеневе Солоухин говорит, что если Пришвин любит рисовать образами, то Тургенев очень скуп в своих описаниях природных явлений: «Что лучше – ехать на велосипеде в течение часа мимо сотен и тысяч цветов (по луговой тропе), как Тургенев? Или в течение этого же часа любоваться лугом, оставаясь на месте. И даже не лугом, а одним цветком? В этом ключ к восприятию поэзии Пришвина» [4, с. 13]. Статья «Очарованный странник» вышла в 1983 году. Исследователь творчества Михаила Пришвина Александр Эткинд говорит о том, что после выхода этой статьи Владимира Солоухина во многих библиотеках страны стали появляться очереди на книги Михаила Пришвина: «Удивительная вещь талантливая критическая статья! Солоухину удалось не только раскрыть еще одну грань таланта художника Пришвина в своей статье, но самое важное – напомнить советскому читателю о Пришвине-человеке! Спрос на книги Михаила Пришвина возрос до такой степени в 1983 году,

[1] Солоухин В. А. Письма из Русского музея. М., 1983. С. 163.

[2] Солоухин В. А. Время собирать камни. М., 1966. С. 18.

[3] Солоухин В. А. Мед на ладони. М., 1986. С. 14.

[4] Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. С. 4.

что приходилось записываться на очередь в библиотеках и читальных залах» [5, с. 191].

Владимир Солоухин был глубоко русским человеком, это выражалось в его традиционных ценностях: любви к семье, дому, России, поэтому во всех текстах Солоухина есть такое понятие, как «семечко», это относится и к очерку о Шахматове, и к роману «Приговор», и к повести «Мать-и-мачеха», и к очерку-рассуждению «Письма из Русского музея». Владимир Солоухин часто говорит своему читателю о том, что семечки, которые засеиваются в человеческой душе в семье, в детстве, самые нужные, на них произрастает потом мировоззрение человека. Особенно это важно для русского человека, потому что ему генетически важна связь со своими корнями, со своей историей. И потому Солоухин убежден, что русскому человеку свойственно всегда возвращаться к более детальному чтению книг Пришвина в зрелом возрасте, потому что там эти страницы необъяснимо манят забытыми детскими воспоминаниями: солнечной опушкой, пением птиц. Все эти образы напоминают человеку о том, кто он есть, кто его воспитал, где он родился и вырос, поэтому, считает Солоухин, Пришвин так прост и понятен широкому читателю. Особенную точную характеристику творчества Михаила Пришвина можно увидеть в письмах Веры Буниной, которая говорит, что «душа человека в ее сокровеннейших переживаниях – вот источник всего творчества Пришвина, то лицо, в котором неизменно отражается, конечно, и лицо самого автора, потому что поэт всегда присутствует в своих произведениях» [6, с. 21].

Солоухин был не только поклонником пришвинской манеры повествования, его языковой палитры и сюжетных находок, но и часто отдавал должное умению Пришвина строить композицию произведения. Особенно интересовал Солоухина композиционный прием, который можно встретить почти в любом произведении Пришвина, особенно раннего периода, – это прием «рассказ в рассказе». Множество произведений у Пришвина предваряются легендой или преданием, например, в записи дневника от 1922 г. читаем: «Во всей широкой мощной слоисто-темной массе, с каждого острого камешка капала вода, и вся гора снизу и на огромную высоту была мокрая и блестела. И я вспомнил эту мать в поэме Коста, которая варила камни и уверяла детей, что это фасоль варится, и до тех пор уверяла и была веселой, пока все дети в ожидании фасоли не заснули. Тогда мать дала себе волю и заплакала. Но эти же именно слезы матери, вот эта вода, омывая, растворяя, так делает, что из каждой трещины в этой огромной скале, если хорошо приглядеться, вырастает зелень: вот папоротник, вот белые звездочки, вот даже фиалки»[1]. Такой же прием использует и Солоухин, например в повести «Прекрасная Адыгене», вводя прекрасную легенду о происхождении необычного цветка в горной местности: «Эти ромашки попадались нам, когда мы ходили на ледник. И ведь говорили еще совсем древние обитатели здешних мест, что цветок этот обладает чудесным свойством исцелять зрение тому, кто нашел его ночью. Это связано с красивой легендой о ночной волшебнице, которая носила этот цветок на своей фате и укрывала ей здешние поля, чтобы растения не мерзли. Этот цветок называют дыханием ночи поэтому»[2]. Также можно встретить этот композиционный прием в романе «Мать-и-мачеха»: «Золушкин смотрел на подаренный ему значок. И вдруг вспомнил легенду о звездном небе, где звезде стало тесно, и она упала на ладонь к маленькому мальчику, который потом вырос и стал хорошим офицером. Этот наивный рассказ, который он часто слышал от своего отца, мечтавшего видеть сына солдатом, почему-то вспомнился ему сейчас, когда на душе было особенно хорошо!»[3]. Такой композиционный прием особенно часто используется Солоухиным в отношении тех героев, которым симпатизирует автор, чтобы подчеркнуть некую мечтательность и романтичность, которую еще не смог сломать жестокий мир большого города. Говоря об образе современного города, который часто описывался Солоухиным в произведениях как образ беспощадной мясорубки, ломающей наивных и чистых людей, нельзя не вспомнить о дневниках Пришвина. Исследователи иногда называют их своеобразной «творческой лабораторией» писателя [7, с. 34]. Вспоминая дневники Пришвина, можно с уверенностью сказать о том, что они поражают современного читателя подробными фактами о политических событиях того времени, личными переживаниями, юмором и горькой иронией и удивительно пророческими

[1] Пришвин М. М. Дневник 1921–1924. М., 1990. С. 28.
[2] Солоухин В. А. Прекрасная Адыгене. М., 1990. С. 288.
[3] Солоухин В. А. Мать-и-мачеха. М., 1999. С. 11.

заявлениями, потому что «дневники писателей повествуют не только о внутреннем мире авторов, но и о формировании мировоззрения целого поколения их современников»[1]. Очень показательно, что Пришвин в своих дневниках предсказал все проблемы современности, а именно: достижения прогресса в ущерб исторической памяти, потерю связи поколений, которые Владимир Солоухин наиболее полно и точно отразил в своем знаменитом произведении «Письма из Русского музея», являющегося симбиозом размышлений Пришвина о гибели живой души в условиях прогресса. Солоухин противопоставляет в произведении два города: Петербург и Москву, говоря о том, что Москву в угоду утилитарному мышлению изменили до неузнаваемости и там, где раньше стояли церкви, теперь располагается ряд одинаковых серых зданий. И именно поэтому автору очень больно от осознания того, что мирское и примитивное в человеке побеждает духовное. Солоухин очень недвусмысленно говорит о том, что миссия искусства на самом деле живет в русском народе изначально, но в силу всяких обстоятельств эта потребность отодвигается на второй план – отсюда потерянные и разграбленные церкви, взорванные могилы великих деятелей. Новый век, по мнению Солоухина, привнес множество открытий, но вместе с тем отнял у людей потребность в живом общении. Об этом же ранее говорил и Пришвин, но в менее категоричной форме: «Что такое прогресс? Жалкая ирония довольных собой людей? А теперь имеем то, что имеем. Обворовали самих же себя, разбазаривая духовное, предлагая мирское и тщетное!»[2]. И Владимира Солоухина возмущает, что в угоду Новому уничтожается Старое – взрываются церкви, переименовываются улицы, раскапываются могилы, происходит надругательство над стариной. Это и есть начало конца, когда память стирается и происходит подмена понятий. Пришвин как будто бы знал или предугадал все современные события: «Везде и во всем нигилизм, и в нем сейчас сила нашего времени. Почему строительством коммунизма называются стройки каналов и заводов, но не человеческого понимания и отношения?»[3]. Солоухин, разумеется, читал все эти размышления Пришвина, тем более он знал, что Пришвин рассматривал форму дневника как некий «журнал жизни» [2, с. 134]. И если сомнения в успехе публикации помешали Михаилу Пришвину опубликовать роман «Осударева дорога» о строительстве Беломорканала, где автор открыто осуждает все новшества прогресса, то Владимир Солоухин в своем очерке «Письма из Русского музея» очень категорично и бесстрашно заявляет о том, что сегодняшний современный человек, как духовная личность, движется к большой пропасти, в которую по итогу «мы упадем все вместе, если не опомнимся и о душе не успеем подумать. А что душе надо? Немного. Из ручья воду зачерпнуть порой, да на иконы покреститься!..»[4]. Этой фразой Солоухин подытоживает, таким образом, все переживания и наблюдения Пришвина о трагичности прогресса именно для русского человека.

Таким образом, по результатам нашего исследования мы можем говорить о том, что особенность творческого диалога между Пришвиным и Солоухиным в том, что эти писатели созвучны друг другу: оба тонко чувствуют атмосферу произведения, живо реагируют на меняющуюся вокруг них действительность. Они страстно переживают за человека, за его духовное разложение, потерю идеалов и исторической памяти. Владимир Солоухин приблизился к подлинному пониманию индивидуальности Михаила Пришвина, разделяя его художественную философию, основанную на идее сотворчества и гармонии человека в природе.

[1] Шемякина М. К. Человек и мир в дневниках И. А. Бунина и М. М. Пришвина : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. С. 2.

[2] Пришвин М. М. Дневник 1921–1924. М., 1990. С. 21.

[3] Там же. С. 28.

[4] Солоухин В. А. Письма из Русского музея. М., 1990. С. 208.

1. Пушкевич М. М. Микрокосмос Владимира Солоухина // Известные и забытые имена : сб. соч. : в 2 т. / подгот. текста Р. Б. Кушбар, коммент Р. Б. Кушбар и Т. Ю. Мухиной. М. : Худож. лит., 1983. Т. 2. С. 5–78.

2. Шемякина М. К. Бытие русского человека в дневниках И. А. Бунина и М. М. Пришвина // Творческое наследие И. А. Бунина: Традиции и новаторство : матер. междунар. науч. конф., посвященной 135-летию со дня рождения И. А. Бунина (Орловский гос. ун-т, 22–24 сент. 2005 г.). Орел : Картуш, 2005. С. 131–135.

3. Варламов А. Н. Пришвин и Бунин. Литературный этюд // Вопросы литературы. 2001. № 2. С. 21–38.

4. Борисова Н. В. М. Пришвин о творчестве И. Бунина: «...Понял его как самого близкого мне из русских писателей» // Филologos. 2018. № 39 (4). С. 13–17. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36549610&ysclid=m14w6axg715228804 (дата обращения: 16.05.2024).

5. Эткинд А. А. Культура против природы: психология русского модерна // Октябрь. 1993. № 7. С. 168–192.

6. Переверзев О. К. М. М. и В. Д. Пришвины в дневниках и переписке // История и Литература : сборник. 2023. № 2. С. 21–24.

7. Апанович Ф. Эволюция вспять: (от человека к обезьяне): образы революции и народа в творчестве И. Бунина и М. Пришвина первых десятилетий XX в. // Alma mater (Вестник высшей школы). 2001. № 1. С. 34–36.

8. Александрова И. Б. Хронотоп как средство характеристики поэзии классицизма, сентиментализма, предромантизма // М. В. Ломоносов и современные стилистика и риторика. М. : Флинта : Наука, 2008. С. 237–245.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.08.2024 г.; принята к публикации 11.09.2024 г.

Об авторе

Якименко Кристина Александровна
аспирант кафедры «Новейшая русская литература», Литературный институт им. Горького (123104, Российская Федерация, г. Москва, Тверской бульвар, д. 25), *Qeen16@rambler.ru*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Pushkevich M. M. Mikrokosmos Vladimira Soloukhina [Microcosm of Vladimir Soloukhin]. I*zvestnye i zabytye imena : sb. soch. : v 2 t.* = Famous and forgotten names : collection. works : in 2 vol., prepared. text by R. B. Kushbar, commentary by R. B. Kushbar and T. Yu. Mukhina, M., 1983, vol. 2, pp. 5–78. (In Russ).

2. Shemyakina M. K. Bytie russkogo cheloveka v dnevnikakh I. A. Bunina i M. M. Prishvina [The existence of a Russian person in the diaries of I. A. Bunin and M. M. Prishvin]. *Tvorcheskoe nasledie I. A. Bunina: Traditsii i novatorstvo : mater. mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 135-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Bunina (Orlovskii gos. un-t, 22–24 sent. 2005 g.)* = Creative heritage of I. A. Bunin: Traditions and innovation: material. International scientific Conf. dedicated to the 135th anniversary of the birth of I. A. Bunin (Orel State University, September 22–24, 2005), Orel, Kartush Publ., 2005, pp. 131–135. (In Russ).

3. Varlamov A. N. Prishvin i Bunin. Literaturnyi etyud [Prishvin and Bunin. Literary sketch]. *Voprosy literatury* = Questions of literature, 2001, no. 2, pp. 21–38. (In Russ).

4. Borisova N. V. Borisova N. V. M. Prishvin o tvorchestve I. Bunina: "...Ponyal ego kak samogo blizkogo mne iz russkikh pisatelei" [M. M. Prishvin on the works of I. Bunin: "...understood him as the closest to me of Russian writers"]. *Filologos*, 2018, no. 39 (4), pp. 13–17. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36549610&ysclid=m14w6axg715228804 (accessed 16.05.2024). (In Russ).

5. Etkind A. A. Kul'tura protiv prirody: psikhologiya russkogo moderna [Culture versus nature: the psychology of Russian modernity]. *Oktyabr'* = October, 1993, no. 7, pp. 168–192. (In Russ).

6. Pereverzev O. K. M. M. i V. D. Prishviny v dnevnikakh i perepiske [M. M. and V. D. Prishvins in diaries and correspondence]. *Istoriya i Literatura : sbornik* = History and literature : collection, 2023, no. 2, pp. 21–24. (In Russ).

7. Apanovich F. Evolyutsiya vspyat': (ot cheloveka k obez'yane): obrazy revolyutsii i naroda v tvorchestve I. Bunina i M. Prishvina pervykh desyatiletii XX v. [Reverse evolution: (from man to monkey): images of the revolution and the people in the works of I. Bunin and M. Prishvin head the XXth century]. *Alma mater.Vestnik vysshei shkoly*, 2001, no. 1, pp. 33–37. (In Russ).

8. Aleksandrova I. B. Khronotop kak sredstvo kharakteristiki poezii klassitsizma, sentimentalizma, predromantizma [Chronotope as a means of characterizing the poetry of classicism, sentimentalism, pre-romanticism]. *M. V. Lomonosov i sovremennye stilistika i ritorika* = M. V. Lomonosov and modern stylistics and rhetoric, M., Flinta : Science Publ., 2008, pp. 237–245. (In Russ).

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 11.09.2024.

About the author

Kristina A. Yakimenko
Postgraduate student of the Department of "New Russian Literature", Literary institute named Maxim Gorky (25 Tverskoy Boulevard, Moscow 123104, Russian Federation), *Qeen16@rambler.ru*

The author has read and approved the final manuscript.

Вестник Марийского государственного университета. Т. 18. № 3. 2024

Vestnik of the Mari State University. Vol. 18, no. 3. 2024

РЕЦЕНЗИЯ

REVIEWS

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Г. Г. БАГАУТДИНОВОЙ «ПОЭТИКА НЕРОМАННОЙ ПРОЗЫ И. А. ГОНЧАРОВА». ЙОШКАР-ОЛА : МАРИЙСКИЙ ГОС. УН-Т, 2024. 296 С. ISBN 978-5-907622-93-7

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY G. G. BAGAUTDINOVA "POETICS OF NON-NOVEL PROSE BY I. A. GONCHAROV". YOSHKAR-OLA, MARI STATE UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE, 2024, 296 P. ISBN 978-5-907622-93-7

Проза И. А. Гончарова на рубеже XX–XIX вв. вызвала всплеск научных работ, что объясняется ее многолетним существованием на периферии исследовательских интересов. Новизна монографии Г. Г. Багаутдиновой определяется, прежде всего, предметом исследования – нероманной прозой И. А. Гончарова, создаваемой на протяжении всего творческого пути писателя: в отличие от романов и «Фрегата "Паллады"» «малая» и «средняя» проза писателя все еще изучены недостаточно.

Первая часть монографии, в которой автор обращается к типологии заглавий и роли эпиграфов, представляет значительный интерес, поскольку этот аспект не был предметом детального научного осмысления. В работе представлен системный анализ заглавий, их классификация. Возможно, не все заглавия укладываются в предложенную стройную схему, но вполне убедителен вывод: исследование заглавий одиннадцати произведений писателя позволило выявить особенности персонажной системы, хронотопа, проследить взаимодействие с традициями древнерусской, православной литературы; уточнить или выявить новые семантические значения заглавий. Аналогичная работа была проделана и с эпиграфами. Автор справедливо считает, что проанализированные эпиграфы «позволяют в метафорической форме раскрыть содержание очерков И. А. Гончарова, как правило, нацеливают читателя на неожиданные повороты сюжета; подчеркивают комизм основного содержания» (с. 82).

Одной из первых Г. Г. Багаутдинова обратилась к исследованию кумулятивности нероманной прозы Гончарова как структурообразующему типу повтора (например, в «Ухе», «Мае месяце в Петербурге»), рассматриваются различные виды кумуляции. Затрагивается во второй главе и малоисследованная проблема фольклоризма в творчестве писателя: акцентируется внимание на фольклорной структурной основе кумуляции, на фольклорной стилизации, также связанной с кумулятивностью. Конечно, хотелось бы, чтобы проблеме фольклоризма в нероманной прозе Гончарова было уделено больше внимания.

К принципам «орнаментальности» в произведениях писателя отнесены лейтмотивы, лексические повторы, фигуры речи и т.п. В этой главе предложен тщательный анализ художественных приемов и средств, различных видов симметрии, что обуславливает глубину прочтения произведений писателя. Подобная работа на материале произведений Гончарова проделала впервые. К таким же малоизученным аспектам относится и ритмическая организация нероманной прозы писателя, которой посвящена четвертая глава монографии. Интересны наблюдения о соотношении понятий «симметрия» и «ритм» применительно к текстам Гончарова. В этом разделе работы Г. Г. Багаутдинова приходит к выводу

© Васильева С. А., 2024

об уникальном свойстве поэтики писателя – созданию полиритмической прозы за счет использования разных видов ритмически организованной прозы: «ритмическая проза», «ритм художественной прозы», «орнаментальная проза», кумулятивная проза (с. 246). Однако вызывают сомнения некоторые примеры звуковых повторов. Так, автор полагает, что в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» и «Слугах старого века» ритмизацию усиливают повторы десяти звуков (с. 187), что составляет чуть меньше четвертой части всех звуков русского языка; ниже в качестве постоянных ритмообразующих средств в прозе Гончарова перечислены четырнадцать звуков (с. 233). Слишком большое количество повторяющихся звуков вряд ли воспринимается при чтении или на слух как повтор, тем более что присутствуют здесь и согласные, и гласные, образуя звуковое разнообразие.

В пятой главе намечаются перспективные направления дальнейшей разработки круга проблем, заявленных в монографии, на материале романов Гончарова. Вполне убедителен вывод о том, что узнаваемые структуры (кумулятивные повторы; интертекстуальность, изображенные типы, полиритмичность, полистилистика и пр.) дают «неожиданную трактовку художественных образов, жанров», вырабатывают «новые принципы текстопорождения» (с. 290).

Необходимо отметить безусловно новаторский подход Г. Г. Багаутдиновой к нероманной прозе И. А. Гончарова. Несомненна научная новизна монографии: исследователь обращается к неизученным аспектам поэтики писателя – доминирующим компонентам художественной структуры, представленной рамочным текстом (заглавия, эпиграфика); кумулятивной прозой; «орнаментальной прозой»; ритмической организацией произведений. Причем Г. Г. Багаутдинова рассматривает эти вопросы и в контексте больших эпических форм И. А. Гончарова. Подобный подход позволил не только выявить специфику поэтики нероманной прозы писателя, но и обнаружить закономерности, присущие творчеству писателя в целом, а также пересмотреть некоторые вопросы, уже поднимавшиеся в гончарововедении (стилизация, пародия, жанровая система, комизм).

К безусловным достоинствам работы необходимо отнести ее междисциплинарный характер, который углубляет прочтение произведений Гончарова. Лингвистические аспекты монографии придают ему глубину.

Исследование Г. Г. Багаутдиновой предназначено, в первую очередь, для специалистов в области теории и истории отечественной литературы, но будет полезно и широкому читателю, интересующемуся творчеством И. А. Гончарова и историко-литературным процессом.

Васильева Светлана Анатольевна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории и теории литературы,
Тверской государственный университет,
г. Тверь, Российская Федерация, *Vasileva.SA@tversu.ru*

Svetlana A. Vasileva
Dr. Sci. (Philology), Associate Professor,
Professor of the Department of History and Theory of Literature,
Tver State University,
Tver, Russian Federation, *Vasileva.SA@tversu.ru*

ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМОМУ МАТЕРИАЛУ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия журнала просит вас обратить внимание на *следующие требования:*

1. Индекс УДК статьи, код и расшифровка научной специальности (например, 5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

2. Заглавие на русском и английском языках.

3. Инициалы и фамилия автора(ов) (не более 4-х) (также транслит).

4. **Сведения об авторе(ах)** – Фамилия, Имя, Отчество, место работы (название организации (рус./англ.) должно совпадать с названием в Уставе), город, страна, набирают строчными буквами, светлым курсивом, располагают по центру (также перевод на англ. яз.). При транслитерации ФИО автор должен придерживаться единообразного их написания во всех статьях.

5. **Аннотация**. Набирают строчными буквами, шрифт прямой светлый, располагают по ширине. ***Аннотация должна быть на русском и английском языках***. Текст аннотации должен включать не менее 200–250 слов (не менее 1000–500 знаков с пробелами). Текст должен быть структурированным, т. е. повторять в кратком виде рубрики статьи: ***введение, цель исследования; материалы и методы; результаты, обсуждение; заключение***.

6. **Ключевые слова** (6–10 слов и словосочетаний) выбирают из текста публикуемого материала. Набирают на русском и английском языках строчными буквами, шрифт прямой светлый, располагают отдельной строкой по ширине.

7. **Благодарности** (необязательный элемент статьи). Автор выражает: признательность коллегам, научному руководителю за помощь, благодарность фондам и учреждениям за финансовую поддержку исследования.

8. **Текст статьи** необходимо набирать 14 кг, поля – 2 см, шрифт – Times New Roman, 1,5 интервал). Объем – 10–15 страниц. *В объем входят аннотация, текст, таблицы, рисунки, список литературы*. Статья должна быть структурирована, т. е. содержать введение, цель исследования; материалы и методы; результаты, обсуждение; заключение. Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Статья должна содержать *внутритекстовые библиографические ссылки*, оформленные в квадратных скобках, со ссылкой на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы, например: [2]. Если ссылка приводится на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются также страницы, на которых помещен объект ссылки, например: [2, с. 81]. Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой, например: [4, с. 15; 5, с. 123].

9. ***Список литературы*** (ГОСТ Р 7.0.5–2008) под заголовком «Литература» (располагается по центру), приводится в конце статьи. Список литературы включает в себя ***не менее 10 наименований***, из них 5 – обязательно научные статьи по соответствующей тематике, изданные за последние 3–5 лет с указанием DOI статьи или ссылкой на нее в Интернете (например, в e-library или «КиберЛенинке»). Издания в списке располагаются по порядку их упоминания в тексте. Далее список литературы *транслитерируется* и переводится. Внимание! В список литературы помещаются ТОЛЬКО научные статьи и монографии. Учебники, учебные пособия в библиографию не включаются. Также не следует включать в список литературы диссертации и авторефераты диссертаций из-за их труднодоступности для читателя. Источники, федеральные законы, архивные документы, акты, статистические данные литературные произведения оформляются в виде постраничных сносок.

10. Аффилиация авторов Ф. И. О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. Приводится на русском и английском языках.

11. Вклад соавторов. В конце рукописи авторам необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно. Приводится на русском и английском языках.

Публикации бесплатные для аспирантов очной формы обучения (необходимо выслать скан справки из аспирантуры).

Статьи, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо отправлять на *vestnik.margu@mail.ru*

Материалы, оформленные не по требованиям, редакцией не рассматриваются.

Просим обратить внимание! Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати). Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат».

Все спорные вопросы решаются в переписке, вся переписка сохраняется.

Телефон для справок: 8 (8362) 68-79-97 (1565)

Проректор по НР – ***Леухин Анатолий Николаевич***

Ответственный секретарь – ***Крылова Ольга Сергеевна*** *(vestnik.margu@mail.ru)*

FOR AUTHORS

Dear authors!

Please pay attention to the following requirements:

1. Article **UDC** index.

2. The title is in Russian and English.

3. Initials and surname of the author(s) (no more than 4) (also translit).

4. **Information about the author(s)** – First name, Patronymic, and Surname, place of work (name of the organization (Rus/Eng) must match the name in the Charter), city, country, should be written in lower-case letters, light italic type, and centered (as well as English translation). When transliterating first and last names, the author must adhere to uniform spelling in all articles.

5. **Abstract**. Lower-case letters, font direct light, a width. The abstract should be in Russian and in English. Abstract should be a minimum of 200–250 words (not less than 1000–1500 characters with spaces). The text should be structured, that is, should briefly repeat the heading of the article: purpose of the study; materials and methods; results, discussions; conclusion.

6. **Keywords** (6–10 words and phrases) are chosen from the text of the published material. They should be written in the Russian and English languages by lower case letters, font direct light, in the separate line by width.

7. **Acknowledgements** (optional element in the article). The author expresses his gratitude to colleagues or supervisor for help, thanks to funds and institutions for their financial support of the study.

8. **Text of article** should be printed in 14 pt, margins – 2 cm, type – Times New Roman, interval – 1,5). Volume – 10–15 pages. Abstract, text, tables, illustrations and list of references are a part of this amount. The article should be structured, i. e. contain the introduction, the purpose of the study; materials and methods; results, discussion; conclusion. All names, notes and structural elements of graphs, tables, schemes, etc. should be made both in Russian and in English. The article should contain inline bibliographic references, enclosed in square brackets, with reference to the sequence number of the work used in the list of literature, such as: [2]. If the link is to a specific piece of the text, you must specify the page on which the reference object is placed, for example: [2, p. 81]. If the reference includes several works, it is separated by semicolons inside the square brackets, for example: [4, p. 15; 5, p. 123].

9. **References** (GOST R 7.0.5-2008) under the heading "References" (located in the center) is given at the end of the article. The list of references includes no less than 10 titles, 5 of them are research papers on relevant topics, published in the last 3–5 years, with the DOI indicated of the reference to it on the Internet (e.g. e-library). The publications in the list are arranged in the order they are mentioned in the text. Then the bibliography is transliterated and translated. Attention! The list of literature contains ONLY scientific articles and monographs. Textbooks and tutorials are not included in the references. Do not include in the list of literature dissertations and abstracts of dissertations because of their inaccessibility to the reader. Sources, federal laws, archival documents, acts, statistics, literary works are made out in the form of footnotes.

10. Author affiliation, full name, organization(s), address of organization(s) (it is required to indicate all the author's places of employment where the research was carried out (permanent place, place of project implementation, etc.)), position and academic title, ORCID ID, e-mail, phone, mailing address for sending the author's copy. It is given both in Russian and in English.

11. Contribution of co-authors. At the end of the manuscript, the authors should include the notes that explain the actual contribution of each co-author to the study done. The order of the authors and co-authors of the article is agreed independently. It is given both in Russian and in English.

Articles drawn up in accordance with the requirements, should be sent to e-mail: *vestnik.margu@mail.ru*

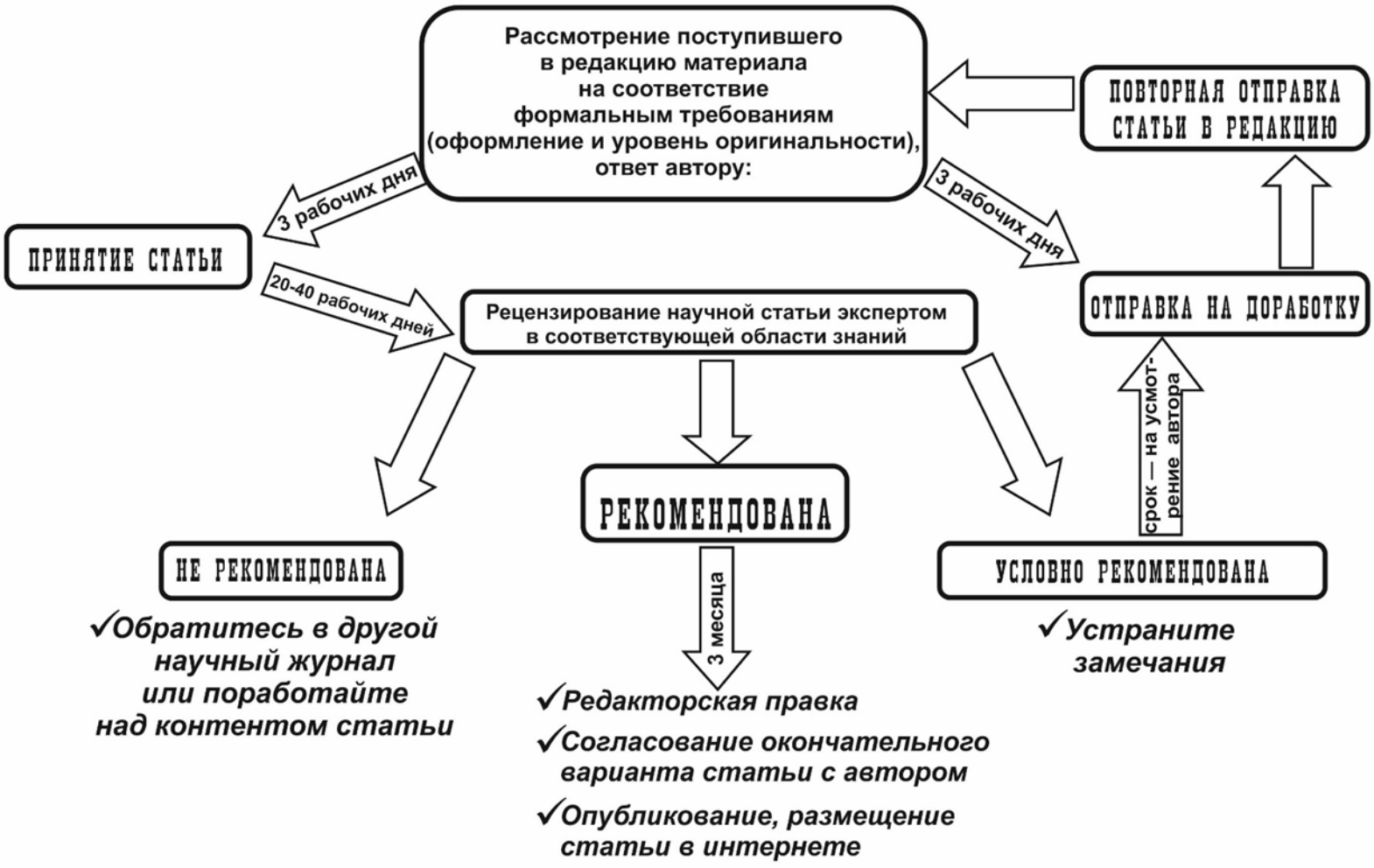
The editorial board does not accept materials written with violation of the requirements.

Please pay attention! It is not allowed to send to the editorial board already published articles or articles sent for publication in other journals. If a simultaneous submission of a manuscript to several publications is found, the published article will be retracted (called back from the printing). Monitoring of unauthorized citation is made with the "Anti-plagiarism" systems.

All dispute issues are discussed in correspondence, all correspondence is saved.

Telephone: 8 (8362) 68-79-97 (1565)

Vice-Rector for Research Activity – ***Anatoliy N. Leukhin***

Head of the editorial board of scientific journals – ***Olga S. Krylova*** (*vestnik.margu@mail.r)*

АЛГОРИТМ РАБОТЫ С НАУЧНОЙ СТАТЬЕЙ